

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
Уральский гуманитарный институт
Кафедра истории России

На правах рукописи

Печерин Андрей Владимирович

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ
ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА УРАЛЕ
(1918–1938 гг.)**

Специальность 07.00.02 — Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
кандидат исторических наук,
доцент Ю. В. Величко

Екатеринбург — 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Репрессивная политика советской власти как фактор изменения социокультурного портрета уральского приходского духовенства	
1.1 Уральское приходское духовенство накануне 1918 года	39
1.2 Репрессии во время Гражданской войны и массовое беженство приходского духовенства	44
1.3 Приходское духовенство в условиях репрессивной политики 1921–1936 гг.	60
1.4 Большой террор против приходского уральского духовенства.....	80
Глава 2. Изменение социокультурного портрета уральского приходского духовенства в 1920–1930-е годы	
2.1 Изменение уровня доходов и качества жизни	107
2.2 Изменение образовательного уровня и возрастного состава	119
2.3 Эволюция политических взглядов и морального состояния.....	131
2.4 Женское служение в церковном причте	168
Заключение	184
Литература и источники	188

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В 2018 году исполнилось сто лет со времени начала массовых репрессий в России, связанных со сменой государственного строя. Эти события имели эпохальное значение в истории России, способствовали изменению социокультурного облика населения, проживавшего в СССР. Изучение массовых репрессий лавинообразно увеличилось в 1990-е гг. в связи с открытием архивов и либерализацией общественных отношений. Необходимость разработки государственной политики в области обретения обществом согласия по вопросам формирования наиболее значимых социальных ценностей неоднократно подчеркивалась на высшем государственном уровне. Так, в 2015 году Правительство Российской Федерации утвердило Концепцию государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий¹. Одной из пострадавших сторон в Концепции указаны представители религиозных конфессий. На протяжении XX века жизнь служителей церкви менялась кардинальным образом: от привилегированной социальной группы до объекта репрессивной политики.

Изучение истории Русской Православной Церкви (до 1943 г. — Российская Православная Церковь) приобретает качественно новый характер в постсоветский период в связи с отменой идеологической парадигмы, задававшей однозначные установки исследований, и в связи с введением в научный оборот массива исторических материалов, ранее недоступных для исследователей.

В современной церковной историографии можно выделить два основных подхода к изучению истории Русской Православной Церкви в XX веке. Первый, наиболее распространенный, характеризуется изучением биографий известных церковных деятелей и агиографии канонизированных Церковью святых. Второй подход заключается в изучении деятельности Церкви как гражданского института во всем разнообразии его взаимоотношений с государством и обществом. Основные направления исследований касаются церковно-государственных отношений: их трансформация в конце синодального периода (в начале XX в.); установление

¹ Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 15 авг. 2015 г. № 1561-р.

принципиально новых форм отношений Церкви и советского государства и их видоизменение в разные периоды советской истории. В рамках этого направления тематика гонений на РПЦ является преимущественной: изучаются временные характеристики, масштаб и география различных этапов репрессий, их идеологическое содержание, биографии пострадавших в результате гонений личностей.

Направление, изучающее духовенство как социальную группу, представлено в современных исследованиях, в основном, синодальным периодом¹; исследования, посвященные советскому периоду истории Церкви, единичны². По моему мнению, это связано, в первую очередь, с фрагментарной сохранностью и малодоступностью архивных материалов. Введение в научный оборот новых источников позволяет создать социокультурный портрет духовенства Русской Православной Церкви в период мощнейшей социальной трансформации — построения нового типа общества в XX веке.

На социальный портрет представителей любой социальной профессиональной группы влияют условия профессиональной деятельности. Изучение социокультурного портрета уральского приходского духовенства в XX веке невозможно осуществить без исследования существенного изменения государственно-церковных отношений. Изучение социально-культурных характеристик священнослужителей как важнейшего элемента церковной организации позволяет полноценно представить формы и способы сохранения и функционирования церковных институтов в сложнейший для их существования период.

Объектом исследования является социальная группа служителей Православной Церкви на Урале в условиях политических репрессий в 1918–1938 гг.

Предметом исследования являются социокультурные характеристики уральских приходских церковнослужителей в изменившихся условиях их профессиональной деятельности.

¹ Мангилева А. В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX – начале XX в. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015.

² Русина Ю. А. Социальный портрет священнослужителя 1920–30-х гг. на Урале (по материалам базы данных) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 1995. № 14. С. 56–57; Она же. Священнослужитель 1920-х годов: Кто он? // Интеллигенция и власть в России на пороге XXI века: тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 1996. Ч. 2. С. 232–234.

Цель диссертационной работы: реконструкция социокультурного портрета приходского духовенства Российской Православной Церкви на Урале с 1918 по 1938 гг. как комплекса взаимосвязанных признаков.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- исследовать динамику изменений социокультурных характеристик уральского приходского духовенства с 1918 по 1938 гг.: количественный и возрастной состав, образовательный уровень, политические взгляды, нравственное состояние и т. д.
- выявить факторы, оказавшие влияние на изменение социокультурного портрета уральского приходского духовенства;
- изучить формы социальной адаптации приходского духовенства к новым государственно-церковным отношениям и поведенческие стратегии (оставление церковного служения, сотрудничество с органами государственной безопасности);
- рассмотреть процессы массового бегства приходского духовенства с приходов в первые годы советской власти;
- исследовать феномен вхождения женщины в церковное служение.

В понятие социокультурного портрета приходского духовенства мы вкладываем комплекс общих социо-демографических и культурных характеристик изучаемой социальной группы. При портретировании уральского духовенства рассматривались количественные и половозрастные характеристики, образ и качество жизни, условия труда и объем властных полномочий, уровень образования и благосостояния, нравственное состояние и политические взгляды.

Понятие «приходское духовенство» в работе тождественно понятиям «служители культа», «служители Православной Церкви», «священноцерковнослужители» и включает как лиц, посвященных в церковные степени (от митрополитов до дьяконов), так и лиц, не имевших специального посвящения, но для которых служение в церкви являлось основным источником доходов (псаломщики, иподьяконы и др.).

Применение вышеуказанного обобщения связано с рассмотрением духовенства как социальной группы, профессионально связанной с церковным служением, так как именно профессиональная принадлежность к группе в первую очередь обуславливала применение репрессий со стороны государства.

В задачи исследования не входит выделение особенностей социокультурного портрета представителей отдельных церковных юрисдикций, появившихся в 1920-е гг. Поэтому приводимая в работе статистика и описательная часть, если это специально не оговаривается, относится ко всей совокупности православного духовенства. Старообрядческое духовенство в работе не рассматривается. Исследование монашествующих ограничено теми категориями лиц, которые принимали активное участие в приходской жизни и занимали какие-либо церковные должности.

Изменение социо-культурного портрета духовенства в рассматриваемый период стало следствием перемены государственного строя и трансформации исторически сложившихся государственно-церковных отношений. В данной работе в качестве основного фактора, оказавшего влияние на формирование социокультурного портрета уральского приходского духовенства 1918–1938 гг. рассматриваются политические репрессии.

Термин «политические репрессии» используется нами в соответствии с определением Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. № 1761-1: «различные меры принуждения, а также лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся государственными органами, общественными организациями или должностными лицами, наделенными административными полномочиями».

Территориальные рамки исследования. Исследование охватывает территорию нескольких областей Урала: Свердловской, Челябинской, Оренбургской, Курганской; Пермского края и республики Башкортостан.

Привязка к административным границам современных субъектов Российской Федерации обусловлена, с одной стороны, частым и сложным изменением

границ епархий и административных областей; с другой стороны — особенностями хранения архивных документов (по современному территориальному делению). Исключение Удмуртии из числа исследуемых территорий обусловлено тем, что основной комплекс документов по репрессированному духовенству находится на хранении в УФСБ этой республики и пока не доступен для изучения.

Хронологические рамки исследования — 1918–1938 гг. — обусловлены политическими рубежами государственной политики по отношению к Церкви¹: нижняя граница — начало действия декретов советской власти, принципиально изменивших государственно-церковные отношения, верхняя граница — год окончания действия приказа НКВД № 00447 (оперативного приказа народного комиссара внутренних дел СССР от 30 июля 1937 г.), в результате исполнения которого духовенство уральских епархий утратило традиционную для него форму организационно-административного управления и численно сократилось до исторического минимума. Это позволяет рассматривать указанный двадцатилетний период как целостный этап государственно-церковных взаимоотношений, в рамках которого произошли наиболее существенные изменения социокультурного портрета православного духовенства.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы анализа, синтеза и систематизации, а также сравнительно-исторический и просопографический методы. В настоящем исследовании мы опираемся на определение просопографии как жанра исследований, предполагающего изучение массовых источников с целью создания динамических «коллективных» биографий социальной группы на основе статистического анализа, с сохранением возможности изучения биографий отдельных индивидуумов, составляющих данную социальную

¹ См.: Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 8; Каплин П. В. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государственной власти в СССР в 1927–1938 гг.: на материалах Урала: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006. С. 5.

группу¹. Для решения задач исследования однотипные просопографические данные были сведены в авторские предметно-ориентированные источниковые базы, обладающие свойствами массового источника².

В рамках системного подхода применялись интегрированные методы социокультурного анализа (институциональный, позиционный, культурный, событийный). Междисциплинарный подход позволил использовать социологические методы выявления общих и устойчивых характеристик портретируемой (описываемой) социальной группы³.

Для обработки статистических данных использовались математические методы анализа: корреляция по сравнительным показателям, выявление динамических характеристик исследуемых процессов. Большую роль в формировании основ историко-статистического исследования сыграли методологические разработки Л. Н. Мазур⁴.

Научная новизна исследования определяется тем, что в отечественной историографии впервые на основании анализа широкого круга исторических источников исследуется в контексте массовых репрессий 1920–1930-х гг. уральское православное духовенство как социальная группа, выделяются ее социокультурные характеристики. Также впервые рассматриваются процессы массового беженства уральского духовенства и феномен женского псаломщического служения.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Для настоящего исследования использованы комплексы подлинных архивных документов, обеспечивающих репрезентативность выборки социокультурных характеристик уральского духовенства на протяжении 1918–1938 годов.

¹ См.: Юмашева Ю. Ю. Историография просопографии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. История. 2005. № 39. С. 67.

² См.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 2003. С. 6.

³ См.: Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1992.

⁴ Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. 608 с. ; Она же. Математические методы в исторических исследованиях: программа и методические рекомендации. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 1998. 46 с.

Всего по теме исследования опубликовано 32 работы, в т. ч. 7 статей в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК, и одна монография. Основные результаты исследования апробированы на 2 международных, 8 всероссийских и 29 региональных научных конференциях. Одной из форм накопления и трансляции материалов исследования стала ежегодная межрегиональная конференция Уральского церковно-исторического общества «Православие на Урале: вехи истории» (г. Екатеринбург), одним из учредителей которой автор является¹.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что на основании введенного в научный оборот круга исторических источников реконструируется социокультурный портрет уральского православного приходского духовенства в 20–30-е гг. XX века. **Практическая значимость** состоит в том, что многие из исторических источников, опубликованных автором в процессе подготовки работы, а также созданные авторские историко-статистические базы данных предоставляют возможность дальнейших исследований истории уральского духовенства.

Степень разработанности проблемы. Изучение социального портрета как объекта исследования зародилось в среде социологов в 1960-е гг. Изучение социокультурного портрета духовенства началось в отечественной исторической науке в 1990-е гг., однако отдельные аспекты социокультурного облика духовенства отражены в исторической литературе начиная с 1920-х гг. Историографию проблемы можно условно поделить на четыре периода. 1) 1920-е гг. 2) конец 1920-х – середина 1950-х; 3) вторая половина 1950-х – конец 1980-х гг. 4) конец 1980-х по настоящее время. Каждый из этих периодов различается методологией и своеобразием круга используемых источников.

С 1920-х гг. до конца 1980-х гг. православное духовенство рассматривалось с точки зрения марксизма-ленинизма, классового подхода и атеизма. Как аксиома воспринимался тезис о том, что Церковь — враждебный обществу элемент, а духовенство настроено реакционно к советской власти. Исследования 1920-х гг. носили

¹ Печерин А. В. О создании Уральского церковно-исторического общества // Материалы заседаний Уральского церковно-исторического общества, 2010–2011 гг. Вып. 1. Екатеринбург: Изд-во УЦИО, 2012. С. 3–7.

ярко выраженный антиклерикальный характер с целью сформировать негативный образ служителя Церкви и, как правило, содержали набор штампов, мифологем и идиологем, приписываемых церковнослужителям. Создание враждебного образа служителя церкви являлось одной из задач таких публицистов и пропагандистов, как В. Д. Бонч-Бруевич, А. В. Луначарский, Е. М. Ярославский, П. А. Красиков¹.

Большую роль в формировании карикатурного и гротескного портрета духовенства сыграли периодические антирелигиозные издания. Например, журнал «Безбожник», выходивший с 1923 по 1941 гг., критикуя «контрреволюционную» деятельность духовенства (пособничество царской власти, поддержка эксплуататорского труда и капитализма, обман населения, получение нетрудового дохода и др.), много внимания уделяет частным сторонам жизни клириков. Указываются, например, такие негативные черты, как жадность, обжорство, глупость. Журнал находил своего читателя даже в церковных кругах. В обновленческих газетах второй половины 1920-х гг. встречаются поучения духовенству о том, чтобы оно читало критику в газете «Безбожник» и исправляло свои недостатки.

Другое направление в изучении Церкви представляли лидеры обновленческого раскола, получившие возможность для публикации своих трудов в 1920-е гг. Протоиерей А. И. Введенский («митрополит») и профессор богословия Б. В. Титлинов — идеологи обновленчества, считали, что Церковь должна поддерживать революцию, как положившую начало устройению государства на новых принципах. Обновленческое духовенство этими авторами противопоставлялось «реакционному» тихоновскому². Если официальная советская историография утверждала, что обновленчество является маской, под которой скрывается реакционная сущность Церкви, то обновленческие лидеры отстаивали свою причастность идеям Великой Октябрьской социалистической революции. Титлинов не видел в действиях обновленцев подчинения государству, поскольку, по его мнению, они стояли на

¹ Бонч-Бруевич В. Д. Избранные атеистические произведения. М., 1973 ; Красиков П. А. На церковном фронте (1918–1923). М., 1923 ; Луначарский А. В. Почему нельзя верить в бога? М., 1965 ; Ярославский Е. М. 10 лет на антирелигиозном фронте // Антирелигиозник. 1927. № 10. С. 17–21.

² Введенский А. И. Церковь и государство: очерки взаимоотношений Церкви и государства в России 1918–1922 гг. М., 1923 ; Он же. Церковь патриарха Тихона. М., 1923 ; Титлинов Б. В. Новая Церковь. М., 1923 ; Он же. Смысл обновленческого движения и истории. Самара, 1926 ; Он же. Церковное разделение и мир Церкви. Пермь, 1926.

позициях декрета об отделении Церкви от государства. Он считал, что вероисповедальные дела не интересуют советское государство¹.

Таким образом, в 1920-е гг. внимание обращается на контрреволюционные взгляды духовенства и его деятельную поддержку контрреволюции. Отражены вопросы неоднородности духовенства в политических вопросах, поддержка частью духовенства идей социалистической революции.

Публикации конца 1920-х – середины 1950-х гг. также носят политический и идеологический характер, повторяют некритические аргументы советских идеологов и публицистов 1920-х гг. Так, Н. А. Амосов в работе «Октябрьская революция и церковь» рассматривает Церковь как противника и оппозиционера социалистического строительства. Причины изменения позиции патриарха Тихона в отношении к власти Н. А. Амосов видит в попытке спасти церковную структуру и в «типичном церковном приспособленчестве — характерном качестве духовенства, выработанном веками»². В дальнейшем тема приспособленчества духовенства получит активное развитие в трудах исследователей 1960-х гг. Более частым обращением к описанию православного духовенства отличаются работы Б. П. Кандидова³. В них характеризуются политические взгляды духовенства в годы Гражданской войны, на конкретных примерах утверждается его имманентная враждебность советской власти. Многие публикации Б. П. Кандидова активно использовались историками, писавшими о Церкви, несмотря на имевшиеся критические замечания по поводу неглубокого научного анализа. Так, П. Н. Зырянов писал: «Это были полезные для своего времени книги, не претендовавшие на академическую научность,

¹ *Титлинов Б. В.* Новая Церковь... С. 5, 7, 13, 32–34.

² *Амосов Н. А.* Октябрьская революция и Церковь. М.: Гос. антирелигиозное изд-во, 1939 ; *Абросенко К.* Религия на службе контрреволюции Сибири. Иркутск, 1938.

³ *Кандидов Б. П.* Церковь и гражданская война на юге. М.: Безбожник, 1931 ; *Он же.* Голод 1921 г. и Церковь. М.: Московский рабочий, 1932 ; *Он же.* Религиозная контрреволюция 1918–20 гг. и интервенция. М.: Безбожник, 1930 ; *Он же.* Церковь и Октябрьская революция. М.: Безбожник, 1930.

но содержавшие большой разоблачительный материал»¹. Рассмотрение духовенства как неоднородной группы, поднятое в трудах деятелей обновленчества, в указанный период не нашло своего развития.

Отметим, что этот период можно охарактеризовать введением в оборот нового круга источников. В трудах начальника Главного управления мест заключения РСФСР Е. Г. Ширвиндта впервые вводятся в научный оборот сводки ОГПУ, а также протоколы следственных дел осужденных церковников². Работы представителей «старой школы» заметно выделяются из общей массы пропагандистских сочинений. Н. М. Никольский приводит статистику численности духовенства накануне революции, описывает экономическое состояние сельского и городского духовенства, его политические взгляды. Причиной упадка Церкви после революции автор видит в естественном процессе разложения и в уничтожении ее классовой и государственной опоры³. С 1930-х гг. появляются работы, написанные на региональном материале. Духовенство, как и ранее, рассматривается в свете эксплуататорской деятельности против народа, но хронология исследований ограничивается дореволюционным периодом⁴.

С конца 1930-х до середины 1950-х гг. в СССР активность изучения духовенства снизилась. Основными причинами этого являлись завершившийся к началу Великой Отечественной войны разгром Церкви и смена государственной политики в отношении Церкви во время войны.

После смерти И. В. Сталина, в связи с некоторой либерализацией исторической науки, появляются новые подходы к изучению истории Церкви в XX веке. В трудах, изучающих политическую ориентацию духовенства, отмечалась лояльность служителей церкви к советской власти, но Церковь описывалась как приспособ-

¹ Зырянов П. Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984.

² Классовая борьба и преступность / под. ред. Е. Г. Ширвиндта. М., 1930.

³ Никольский М. Н. История русской церкви. М., 1930.

⁴ Фиалковский П. В. Из прошлого монастыря: Очерки по истории быв. Савво-Сторожев. обители. Звенигород, 1930 ; Ломинадзе Б. Р. Из истории грузинской церковной сеньории (Шио-Мгвимский монастырь): автореферат дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1949.

собленческий институт, который благодаря влиянию государства «встал на правильные рельсы» отношения к власти. Однако духовенство как социальная группа не являлось предметом специальных исследований и рассматривалось в контексте государственно-конфессиональных отношений¹.

Расширение круга источников характерно для трудов ученых Института научного атеизма, в частности П. К. Курочкина и М. М. Персица². Рассматривая деятельность 8-го отдела Наркомюста (аналогом которого в послевоенный период будет являться институт уполномоченных), М. М. Персиц опровергает факт гонений на церковнослужителей, заявляя, что советская власть действовала в мерах самозащиты от контрреволюционных выступлений духовенства. Причины оппозиционного поведения он видит в борьбе «церковников» за привилегии, которыми Церковь обладала до революции.

В 1970–1980-х гг. отмечается увеличение интереса к истории Церкви, появление ряда региональных исследований. Для работ этого периода характерен переход от декларативно антиклерикальной оценки духовенства как контрреволюционного класса к более взвешенному научному анализу. Так, например, изменение политических взглядов духовенства после революции 1917 гг. были рассмотрены Э. А. Снигирёвой,³ а участие Церкви в событиях революции 1905–1907 гг. П. Н. Зыряновым⁴. Особый интерес представляют появившиеся в этот период работы, написанные на региональном материале. Исследование по социально-политической ориентации духовенства в Воронежской губернии осуществил В. Н. Дунаев⁵, проанализировавший деятельность воронежского духовенства в период проведения

¹ См.: *Гордиенко Н. С.* Современное православие. М., 1968 ; *Курочкин П. К.* Идеология современного православия. М., 1965 ; *Платонов Р. П.* Церковь приспособляется. Минск, 1964 ; *Ушаков В. М.* Православие и XX век: Критика модернизма и фальсификации в идеологии современной Русской Православной Церкви. Алма-Ата, 1968.

² *Персиц М. М.* Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР (1917–1919 гг.). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958.

³ *Снигирёва Э. А.* Политическая переориентация русского православия в первое десятилетие Советской власти. (1917–1927 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Л., 1974.

⁴ *Зырянов П. Н.* Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984.

⁵ *Дунаев В. Н.* Социально-политическая ориентация и действия православных церковников в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции и первые

кампании по изъятию церковных ценностей. М. Л. Нейтман посвятил свою диссертацию особенностям осуществления декрета об отделении Церкви от государства в Забайкалье¹. И. Д. Эйнгорном были проведены исследования государственно-церковных отношений в 1917–1937 гг. в Сибири², в котором в т. ч. были рассмотрены вопросы политической переориентации духовенства. На материале уральских источников была написана кандидатская диссертация М. Г. Нечаева, в которой рассмотрены формы борьбы духовенства против советской власти³. Выводы М. Г. Нечаева соответствуют парадигме официальной исторической науке того времени: Церковь способствовала развязыванию Гражданской войны на Урале. Впервые приводятся точные данные о количестве контрреволюционных выступлений духовенства в 1917–1920 гг. М. Г. Нечаев привлекал не только документы партийных архивов, но и сводки и отчеты губернского ЧК о контрреволюционных выступлениях. Научные труды М. Г. Нечаева переиздавалась в виде отдельной монографии, книг и брошюр уже в постсоветское время, не потеряв своей актуальности и для современных исследователей. Историки 1970–1980-х гг. отходят от упрощенных представлений о духовенстве, изучают его политические взгляды, стратегии поведения в изменившихся условиях государственно-церковных отношений.

В зарубежной историографии мы выделили два условных периода, рубежом которых обозначили 2007 год как год воссоединения Русской и Зарубежной Православных Церквей.

Первый период характеризуется рассмотрением духовенства в контексте гонений со стороны атеистического государства. Деятельность по сбору материалов

годы советской власти (1917–1922) (на материалах Воронежской, Курской и Тамбовской губ.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1972.

¹ *Нейтман М. Л.* Проведение ленинского декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в Забайкалье (1918–1923 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Чита, 1974.

² *Эйнгорн И. Д.* Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917–1937). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982 ; *Он же.* Религия, церковь и классовая борьба в Сибири в переходный период от капитализма к социализму (1917–1937 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1985.

³ *Нечаев М. Г.* Контрреволюционная деятельность церкви в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны на Урале (1917–1919 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1988.

о пострадавших от репрессий священнослужителях активно велась клириками За рубежом Церкви (РПЦЗ). Как итог многолетней работы Свято-Троицким монастырем в Джорданвилле был выпущен сборник материалов о новомучениках, составленный протопресвитером Михаилом Польским¹. В числе других в книге приводятся сведения об уральском духовенстве, пострадавшем в результате подавления антибольшевистских восстаний 1921–1922 гг.

В 1977 году парижское издательство «ИМКА-Пресс» издает исследование диссидента Льва Регельсона «Трагедия Русской Церкви. 1917–1945»². Труды русских эмигрантов также не лишены политической окраски, носят в большинстве своем публицистический характер, но содержат много материала, активно используемого в современных российских публикациях³.

Тема политической переориентации духовенства в СССР затрагивается в работах протоиереев Д. Константинова, И. Мейендорфа, А. Шмемана⁴. Духовенству, находящемуся в условиях репрессивной политики государства, посвящен фундаментальный труд канадского историка Д. Поспеловского⁵. Г. П. Федотов анализирует историю Церкви после революции с позиции очищения от негативного наследия церковно-государственных отношений — «старорежимных соков», изучает пе-

¹ Новые мученики Российские: в 2 т. Джорданвилль, 1949, 1957.

² Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917–1945. Paris: YMCA-Press, 1977. 625 с.

³ См.: Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. Кюснахт, 1978 ; Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского). Париж, 1947 ; Тальберг Н. Д. История Русской Церкви. Джорданвилль, 1959 ; Шмеман А. Д., прот. Исторический путь Православия. Париж, 1985 ; Граббе Г. Правда о Русской Церкви на Родине и за Рубежом. (По поводу книги С. В. Троицкого «О неправде Карловацкого раскола»). Джорданвилль, 1961 ; Русак (Степанов) В. История российской церкви. Со времени основания до наших дней. Джорданвилль, 1993 ; Он же. Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе. Ч. 1–3. М., 1993 ; Он же. Пир сатаны: Русская Православная Церковь в «ленинский» период (1917–1924). М., 1991.

⁴ См.: Константинов Д. В. Зарницы духовного возрождения. Лондон, [Канада], 1974 ; Он же. Религиозное движение сопротивления в СССР. Лондон [Канада], 1967 ; Мейендорф, И., прот. Святейший патриарх Тихон — служитель единства Церкви // Вестн. Русского христианского движения. 1990. № 1 (158). С. 37–51 ; Шмеман А. Богословская школа в СССР: 1943–1955 // Вестн. ин-та по изучению СССР. 1957. № 1 (22).

⁵ Pospelovsky D. V. A History of Soviet Atheism in Theory and Practice, and the Believer: In 3 vols. London; New York, 1987–1988 ; Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995.

реформатирование Церкви в аполитичный институт, роль и значение обновленческого раскола, приток интеллигенции в Церковь, изменение портрета духовенства в советском социуме¹.

Празднование 1000-летия Крещения Руси открыло перспективу для научно-исследовательской деятельности. Рубежом новых взаимоотношений Церкви и государства стала встреча генерального секретаря КПСС М. С. Горбачева с патриархом Пименом в апреле 1988 года. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. появилась возможность изучения ранее не доступных исторических источников². Новые подходы к изучению истории Русской Церкви нашли отражение в коллективном труде «Русское православие: вехи истории»³. В сборнике «На пути к свободе совести»⁴ представлено многообразие точек зрения на историю Церкви в советский период. Ряд авторов (Д. Е. Фурман, М. И. Одинцов и др.) отмечал отсутствие мировоззренческой терпимости в 1920-е гг. и политический волюнтаризм коммунистической партии в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Большое значение в изучении истории государственно-церковных взаимоотношений имели работы историков и религиоведов Российской академии управления госслужбы⁵.

С начала 1990-х гг. началось введение в научный оборот документов Совета по делам религий, отчетов по антирелигиозной работе, отчетов Союза воинствующих безбожников и других документов из партийных архивов. Среди авторов работ, основанных на этих источниках, можно выделить Ю. А. Бабинова, В. А. Алексеева, М. И. Одинцова, А. Н. Лещинскова⁶. Документы из Архива Президента РФ

¹ Федотов Г. П. Судьба и грехи России. М., 2005.

² Церковь и государство: новые акценты старой темы: [Беседа с зав. отд. Ин-та религиоведения Акад. обществ. наук при ЦК КПСС Ю. П. Зуевым] // Наука и религия. 1991. № 6. С. 204 ; Мигович И. И., Трофимчук Н. А. Развитие взаимоотношений государства и церкви в контексте нового политического мышления: Вопросы и ответы. М.: Знание, 1990 ; Лещинский А. Н. Время новых подходов: О советских государственно-церковных отношениях. М., 1990.

³ Русское православие: вехи истории. М.: Изд-во полит. литературы, 1989.

⁴ На пути к свободе совести. М.: Прогресс, 1989.

⁵ См.: Государственно-церковные отношения в России / сост. Н. А. Трофимчук. М.: Луч, 1993.

⁶ См.: Алексеев В. А. «Штурм небес» отменяется? Критические оценки по истории борьбы с религией в СССР. М., 1992 ; Бабинов Ю. А. Государственно-церковные отношения в СССР: история и современность. Симферополь, 1991 ; Одинцов М. И. «Мы должны быть искренними по отношению к Советской власти»: материалы к биографии патриарха Тихона // Вопр. науч. атеизма.

и ряд других малоизученных документов водятся в научный оборот исследователем И. А. Курляндским¹, который определил 1923–1926 гг. как «религиозный НЭП».

Благодаря массовой передаче на хранение в региональные архивы следственных дел лиц, осужденных по 58-й статье, из архивов УФСБ исследователи получили доступ к этим документальным комплексам. В поле зрения историков попадают различные категории и группы людей, объединенных как по территориальному признаку², так и по отраслям производства³. Появляются сборники документов по истории Церкви XX века⁴. Тема духовенства и его положения в обществе появляется в крупных научных сборниках документов по смежным темам. Ценные исторические источники, позволяющие оценить взгляды на власть сельского духовенства и факты сотрудничества с органами госбезопасности, приводятся в сборнике документов «Советская деревня глазами ВЧК-ГПУ-НКВД»⁵.

Работы этого периода характеризуется пересмотром некоторых общепринятых исторических стереотипов. Так, А. Н. Кашеваров опровергает категоричность тезиса о безоговорочной идеологической поддержке духовенством белого движения⁶. Д. В. Олихов отмечает как аполитичность духовенства в годы Гражданской

Вып. 39. М., 1989 ; *Он же*. Государство и церковь: История взаимоотношений: 1917–1938 гг. М., 1991 ; *Лецинский А. Н.* Время новых подходов: о советских государственно-церковных отношениях. М., 1990.

¹ *Курляндский И. А.* Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М., 2011.

² *Кириллов В. М.* История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала, 1920 – начало 1950-х гг.: в 2 ч. Н. Тагил, 1996 ; *Шестернина Н. Г.* Каменск: 1917–1950 гг. Книга Памяти: в 2 кн. Каменск-Уральский, 2006.

³ *Терехов В. С.* Политические репрессии инженерно-технической интеллигенции Урала в 1930-е гг. // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика. 1917–1980-е гг.: сб. ст. науч. конф. Н. Тагил, 1997. С. 164–176.

⁴ Архивы Кремля. Политбюро и Церковь, 1922–1925: в 2 кн. Новосибирск; М., 1997 ; Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: Документы и материалы: в 6 т. Т. 1. 1917–1924 гг. Кн. 2 ; Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов: в 2 т. М., 2012, 2013.

⁵ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД (1918–1939): Документы и материалы: в 4 т. М., 1998.

⁶ *Кашеваров А. Н.* Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). М., 2005. С. 354.

войны, так и активное сотрудничество духовенства с колчаковским правительством, приводит статистику численности беженцев из духовной среды на востоке России¹. Библиография работ по истории Православной Церкви в XX веке, написанных в 1990–2000-е гг., приводится С. Л. Фирсовым².

С 1990-х гг. работы по изучению истории Церкви в советский период на уральском материале занимают значительную долю в общероссийских исследованиях³. Однако необходимо отметить, что в большинстве монографий, посвященных теме церковно-государственных отношений, изучение социокультурного портрета духовенства в советский период не являлось предметом специальных исследований и рассматривалось в контексте общей антирелигиозной государственной политики.

Темой репрессий против духовенства на Урале активно занимаются служители и сотрудники уральских епархий Русской Православной Церкви. Здесь нужно отметить два направления: агиографическое (или житийное) и церковно-историческое. Большое значение в развитии первого направления и сохранении имен репрессированных священно- и церковнослужителей имеет работа епархиальных комиссий по канонизации святых. Эти исследования относятся к области биографики и представляют собой подробные исследования жизни пострадавших служителей церкви. Среди таких работ можно отметить книгу протоиерея Н. Е. Стремского,

¹ *Олихов Д. В.* Создание и деятельность Временного высшего церковного управления Сибири (1918 – 1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2014.

² *Фирсов С. Л.* Власть и огонь. Церковь и советское государство: 1918 – начало 1940-х гг.. М., 2014.

³ *Музафарова Н. И.* Политика Советского государства в религиозном вопросе в 1917–1937 гг.: (На материалах Урала): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1992 ; *Булавин М. В.* Взаимоотношения государственной власти и Православной церкви в России в 1917–1927 гг. (на примере Урала). Екатеринбург, 2000 ; *Агафонов П. Н.* Эволюция государственно-церковных отношений в 1920–1929 гг. (на материале Пермской епархии): дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2002 ; *Каплин П. В.* Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государственной власти в СССР в 1927–1938 гг.: на материалах Урала: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006.

которым был впервые опубликован список осужденных священноцерковнослужителей Оренбуржья¹, фундаментальный труд протоиерея В. В. Лавринова «Екатеринбургская епархия: События. Люди. Храмы»², где был впервые представлен список осужденного духовенства, а также опубликованы биографические справки священнослужителей Свердловской епархии. Среди других книг В. В. Лавринова следует отметить труды по истории церковных движений и расколов на Урале и в России³. Одним из недостатков таких исследований является их выборочность, ограниченная представлением либо выдающихся деятелей, либо территориальными епархиальными границами, а также недостаточное количество ссылок на источники.

Лишению избирательных прав православного духовенства как одной из форм политических репрессий в 1920–1930-х гг. посвящены работы уральских исследователей Ю. А. Русиной⁴, З. Ш. Мавлютовой⁵. Тема «религиозных лишенцев» отражена также в ряде работ, посвященных репрессивной политике государства⁶. Большой вклад в изучение политики Большого террора против духовенства Пермского

¹ Мученики и исповедники Оренбургской епархии XX века. Кн. III. Оренбург, 2000 ; Дивен Бог во святых Своих. Мученики, исповедники и подвижники благочестия в Оренбургской епархии. Книга IV. Оренбург, 2011.

² Лавринов В. В. Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001.

³ Лавринов В. В. Временный высший церковный совет и его роль в истории Русской Православной Церкви (1925–1945). Екатеринбург, 2018 ; *Он же*. Очерки истории обновленческого раскола на Урале (1922–1945). М., 2008 ; *Он же*. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016.

⁴ Русина Ю. А. Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920–30-е годы (по материалам личных дел) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы). Н. Тагил, 1997. С. 119–129

⁵ Мавлютова З. Ш. Лишение избирательных прав православного духовенства (на материалах Тюменского и Тобольского округов Уральской области 1920-х годов) // Вестн. Челяб. гос. ун-та. История. Вып. 33. 2009. № 23 (161). С. 52–57.

⁶ Красильников С. А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – кон. 1930-х гг.). Новосибирск: НГУ, 1998. 91 с. ; Книга Памяти: посвящается тагильчанам — жертвам репрессий 1917–1980-х годов. Екатеринбург: Наука, 1994.

края внесли пермские историки М. Г. Нечаев, С. В. Уткин¹, М. И. и Н. Е. Дегтярёвы². Они не только приводят статистику репрессий в Пермской области, но и прибегают к историческому анализу репрессивной политики, используя в т. ч. и социостатистические методы. М. Г. Нечаев и С. В. Уткин справедливо отмечают, что, несмотря на интерес к изучению Большого террора против духовенства и активную работу по созданию баз данных политических репрессированных, до сих пор остается неизученным вопрос о количестве жертв. При этом, по нашему мнению, можно отметить общую тенденцию к преувеличению количества репрессированных, которая характерна для многих исследователей, особенно в церковной среде. От описания отдельных примеров репрессий³ исследователи перешли к изучению социальных характеристик групп репрессированных, а затем на проблематику истории повседневности, анализ умонастроений и внутреннего мира репрессированных⁴.

Одной из характерных черт отечественной историографии этого периода явилось расширение круга рассматриваемых аспектов в изучении служителей Русской Православной церкви, использование новых методологических подходов и историографических концепций, разработанных в России и за рубежом. Так, исследователи советского периода истории Церкви начали обращать внимание и на осмысление форм памяти о советском прошлом самой Церковью. Социальный антрополог Ж. В. Кормина различает две агиографические интерпретации истории,

¹ *Нечаев М. Г., Уткин С. В.* Исполнение приказа № 00447 в среде православных Пермской епархии // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 244–275.

² *Дегтярева М. И., Дегтярева М. Е.* «Оглядываясь на тридцать седьмой»: следственные дела священников, пострадавших в Перми в год Большого террора // Вестн. Пермского ун-та. 2013. Вып. 3 (23). С. 176–186.

³ *Мосин А. Г.* «Наша задача объединиться вокруг Церкви Христовой...»: отец Александр Корняков и его паства в борьбе за свой храм (1936–1937 гг.) // Церковь. Богословие. История : материалы III Междунар. науч.-богослов. конф. Екатеринбург, 2017. С. 447–453 ; *Он же.* Репрессии против духовенства и верующих в годы Большого террора: как это было // Археографические и источникововедческие аспекты в изучении истории России. Новосибирск, 2016. С. 261–269.

⁴ *Колчанова Ю. С.* Жизненные миры советских инженеров в 1930-е гг. (По материалам оборонных заводов Западного Урала): дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2018 ; *Крест архипастыря: материалы к биографии священномученика Аркадия (Ершова), епископа Екатеринбургского / авт.-сост. А. В. Печерин.* Екатеринбург, 2015.

условно называя их «антисоветский» и «просоветский». К первому она относит канонизацию новомучеников, ко второму — вариант житийного нарратива, примером которого является житие Матроны Московской¹.

Сотрудничеству церковнослужителей с органами государственной безопасности посвящен ряд работ как зарубежных², так и отечественных авторов³. Отметим два крайних подхода исследователей к изучаемому вопросу: с одной стороны, подразумевается, что подписку о тайном сотрудничестве с властью давало все духовенство, начиная с 1930-х гг.; с другой стороны, любое выявление факта сотрудничества (без рассмотрения обстоятельств создания документа и личности подписавших его лиц) служит основанием для обвинения церковнослужителя в предательстве. Оба подхода к рассмотрению темы сотрудничества церковнослужителей с представителями государства, на наш взгляд, являются упрощенными.

В современных исследованиях по истории Церкви в XX века большое внимание уделяется изучению служения женщин. В работе французского православного богослова Элизабет Бер-Сижель «Служение женщины в Церкви» отражено развитие идеи женского служения в дореволюционный период и в русской эмиграции⁴. Женское служение в Русской Православной Церкви рассматривается также в монографии Е. В. Беляковой, Н. А. Беляковой и Е. Б. Емченко «Женщина в православии: церковное право и российская практика»⁵. В этом исследовании отмечены

¹ Кормина Ж. В., Штырков С. А. Православные версии советского прошлого: политики памяти в ритуалах коммеморации // Антропология социальных перемен. М., 2011. С. 389–413.

² Краснов-Левитин А. Э. Лихие годы (1925–1941). Воспоминания. Париж: YMCA-Press, 1977.

³ Игнатов В. Д. Доносчики в истории России и СССР. М.: Вече, 2014 ; Веденеев Д. В. Атеисты в мундирах. Советские спецслужбы и религиозная сфера Украины. М.: Алгоритм, 2016 ; Простите, звезды Господни: исповедники и соглядатаи в документах, или Зачем русскому Церковь? Фрязино: Православный паломник, 1999 ; Шангин М. С. Террор против совести: об уничтожении духовенства и трудового крестьянства в г. Омске и области. Омск: Омское кн. изд-во, 1994 ; Гусакова О. В. Хранители веры. О жизни Церкви в советский период. М.: Никая, 2017 ; Орловский В. А. Восстановление практики причисления к лику святых и канонизация новомучеников российских в контексте взаимоотношений церкви и государства: 1970–2011 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Курск, 2016.

⁴ Behr-Sigel É. Le ministère de la femme dans l'Église. Париж, 1987 ; Behr-Sigel É., Kallistos (Ware). L'ordination des femmes dans l'Église orthodoxe. Париж, 1998.

⁵ Белякова Е. В., Белякова Н. А., Емченко Е. Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. М., 2011.

примеры женского исповедничества в условиях гонений, активности женщин в борьбе за сохранение храмов, верности духовным наставникам и мужьям-священникам. По мнению авторов монографии, начатое на Поместном Соборе обсуждение положения женщин в Церкви «было насильственно прекращено именно в тот момент церковной истории, когда оно могло дать реальные плоды»¹. Материалы о женском церковном служении (в т. ч. псаломщическом), деятельности местных сестричеств в 1920–1930-е гг. имеются в работах уральских исследователей². В книге «Очищение огнем» впервые было упомянуто о женщинах, пострадавших летом 1918 года³.

В 2010-х гг. в Русской Православной Церкви сложились целые направления изучения церковной истории XX века: например, позиция патриарха Тихона (Беллавина) по отношению к изъятию церковных ценностей; декларация митрополита Сергия (Страгородского); причины обновленческого раскола и др. Появляются работы, взвешенно рассматривающие проблемные вопросы церковной истории. М. И. Одинцов, например, называет рассматриваемый период истории Церкви временем, когда соединились трудности объективного и субъективного порядка⁴. В современных исследованиях также можно встретить критику сложившихся мнений в церковной историографии, к примеру, в отношении позиции патриарха Тихона при изъятии церковных ценностей⁵.

¹ Там же. С. 6.

² *Печерин А. В.* Социокультурный портрет женщины-псаломщика в 1919–1941 гг. (по материалам архивов Урала) // Вестник ПСТГУ. Сер. История. История Рус. Правосл. Церкви. 2018. № 85. С. 100–111; *Иванова О. В.* Братства и сестричества на Урале в период антицерковных кампаний // Православие на Урале: связь времен: материалы IV межрегион. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2015. С. 85–93; *Буткина С. Г.* Свято-Симеоновское братство в г. Шадринске: Жизнь верных христиан после революции // Там же. С. 56–63; *Иванова О. В.* Новые аспекты церковного служения женщин-христианок на Урале в 1923–1938 гг. // Православие на Урале: материалы V межрегион. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2016. С. 50–55.

³ *Печерин А. В.* Очищение огнем: Репрессии против православного духовенства Екатеринбургской епархии летом 1918 года. Екатеринбург, 2016. С. 52, 93.

⁴ *Одинцов М. И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма, 1917–1953. М., 2014.

⁵ *Газов Е. А.* По поводу комментария священника Александра Мазырина // Церковно-исторический вестник. 2011/2012. № 18/19. С. 196–205; *Иванов С., дьяк.* Святой Патриарх Тихон и кампания по изъятию церковных ценностей в 1922 году (исторический и канонический аспекты): автореф. ... канд. богословия. М., 2017. С. 3.

Современные зарубежные исследования отличает разнообразие методологических подходов. Следует отметить американского историка Н. Б. Киценко, труды которой посвящены таким аспектам в истории Русской Православной Церкви, как обрядность и гендерный вопрос¹. Новыми подходами в изучении религиозной жизни в СССР отмечен ряд работ американско-французского историка Сони Луерман², занимающейся вопросами исторической антропологии. Предметом ее исследований являются социально-экономические и политические условия, влияющие на способность человека менять привычки и убеждения.

В последнее время внимание ученых привлекает изучение атеизма, атеистического воспитания, трансформации в советском обществе атеистического взгляда на религию. Книга американского историка Виктории Смолкин-Ротрок «Свято место пусто не бывает»³, рассматривает атеизм как новую религию в СССР, имеющую собственный набор верований, практик и духовных обязательств. Исследованием религиозной жизни в Советском Союзе занимается немецкий историк Ульрике Хун. В центре ее внимания находятся распространение и восприятие апокрифов и историй о чудесах, появившихся в церковной среде⁴. Изучением феномена народного православия, особое развитие получившего в послевоенный период, занимается японская исследовательница Сонами Такахашаи⁵. В современной зару-

¹ *Киценко Н. Б.* Вероисповедание в советское время // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 3/4 (30). 2012. С. 10–33 ; *Она же.* Святой нашего времени. Отец Иоанн Кронштадтский и русский народ, 2006. М.: Литературное обозрение, 392 с. ; *Kizenko N. B.* The Feminization of Patriarchy? Women in Contemporary Russian Orthodoxy // Signs. Vol. 38 (3). 2013. P. 595–621.

² *Luehrmann S.* Antagonistic Insights: Evolving Soviet Atheist Critiques of Religion and Why They Matter for Anthropology // Social Analysis. 2015. 59 (2). P. 98–113.

³ *Smolkin V.* A Sacred Space Is Never Empty: A History of Soviet Atheism. Princeton: Princeton University Press, 2018. 341 p.

⁴ *Huhn U.* Stimmen aus Jerusalem. Die Macht der Gerüchte und die religiöse Renaissance in der Sowjetunion, 1941–1948 // Journal of Modern European History. 2012. Vol. 10, No. 3. P. 341–361 ; *Хун У.* Содом и Гоморра в Куйбышеве: трансформация православной легенды // Неприкосновенный запас. 2012. № 6.

⁵ *Такахашаи С.* Два типа религиозности времен позднего социализма: православные верующие во Владимирской области // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3/4. С. 327–347.

бежной историографии советского периода Русской Православной Церкви отмечается разнообразие рассматриваемых аспектов, отличие методологии исследования, при этом работ, посвященных изучению социокультурного портрета духовенства, у зарубежных исследователей не встречается.

Первые работы, посвященные социальному портрету, появляются в СССР во второй половине 60-х гг.¹, в 1970 гг. изучение социальных групп с целью создания их группового портрета получило активное развитие в трудах советских социологов². В 1980-е г. появляются исследования, посвященные социальному портрету в рамках исторической науки³. Наряду с термином «социальный портрет» в исторических исследованиях как советского, так и постсоветского периода широко использовался как тождественный ему термин: «социальный облик». Так, в диссертации В. В. Миронова изучен социокультурный облик фронтовика австронемца в годы Первой мировой войны, а в диссертации Д. А. Писецкого рассмотрен социокультурный портрет военнослужащего австрийской армии в начале XIX в.⁴

При этом исследователи вкладывали в определение социального портрета, социального облика рассматриваемой группы самый широкий смысл: «все богатство характеризующих его черт, — как первичных, так и вторичных, включая социально-психологические свойства»⁵. В зарубежных исследованиях советского

¹ Социальный портрет. М., 1967.

² *Симуш П. И.* Социальный портрет советского крестьянства. М., Политиздат, 1976 ; *Янкова З. А.* Советская женщина: социальный портрет. М., 1978

³ *Селиверстова Л. Н.* Экономическое положение и социальный облик деревенской бедноты накануне массовой коллективизации : по материалам РСФСР второй половины 20-х годов : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. М., 1982 ; *Павлова О. И.* Социальный облик молодых рабочих Ленинграда : по материалам социологических обследований 1972-1982 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / АН СССР. Ин-т истории СССР. Москва, 1987.

⁴ *Миронов В. В.* Социокультурный облик фронтовика-австронемца в годы Первой мировой войны : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03. Тамбов, 2001 ; *Писецкий Д. А.* Социокультурный портрет военнослужащего австрийской армии в начале XIX в. : по свидетельствам российских современников : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов, 2006.

⁵ *Слепенков И. М., Староверов В. И.* Социальный портрет современной сельской молодежи // Социальный облик сельской молодежи. М., 1985.

времени можно отметить работы, посвященные портрету различных социальных групп советского общества¹.

В работах постсоветского периода круг рассматриваемых групп значительно расширяется: министры, преподаватели провинциального вуза, горожанки и крестьянки, беспризорники, рабочая молодежь промышленных предприятий и др. В последние годы выходят работы, посвященные социальному портрету репрессированных². Появляется ряд диссертационных исследований по социальному портрету, написанных на Уральском материале, коммунисты Урала начала 1920-х гг., трудармейцы на территории Свердловской области и т. д.³

Социокультурный облик духовенства является предметом исследования ряда российских историков. В 2002 году в диссертации О. Ю. Бабушкиной «Приходское духовенство Южного Зауралья в 60-е годы XIX–начале XX вв.» отдельная глава была посвящена анализу социокультурного облика приходского духовенства. В диссертации А. И. Конюченко «Православное духовенство России во второй половине XIX – начале XX века»⁴ предметом исследования выступает социокультурный облик духовенства в контексте трансформационного перехода. Теме социокультурного облика духовенства Западной Сибири была посвящена диссертация А. В. Васильевой⁵.

¹ *Mandel, William M. Soviet women / William M. Mandel. Garden City (N.Y.) : Anchor press: Doubleday, 1975.*

² *Дыдычкин А. В. Социальный портрет министров Российской империи конца XIX-начала XX веков : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. М., 2002 ; Мишина Е. М. Социальный портрет репрессированного на Алтае в 1935–1937 гг.: анализ статистических и архивных источников: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2018 ; Лягушкина Л. А. Социальный портрет репрессированных в РСФСР в ходе Большого террора (1937–1938 гг.): сравнительный анализ баз данных по региональным «Книгам памяти»: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2016.*

³ *Воробьев С. В. Социальный портрет коммунистов Урала начала 1920-х гг.: источниковедческое исследование материалов Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.09. - Екатеринбург, 2004 ; Разинков С. Л. Социальный портрет и судьбы советских немцев - трудармейцев, мобилизованных в лагеря НКВД на территории Свердловской области в 1941 - 1946 гг. : Опыт создания и применения электронной базы данных : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.09. - Екатеринбург, 2001.*

⁴ *Конюченко А. И. Православное духовенство России во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2006.*

⁵ *Васильева А. В. Социокультурный облик православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2015.*

А. В. Мангилёва понятие облика социальной группы трактует как комплекс признаков, характеризующих положение социальной группы в обществе, ее оценку и самооценку¹. Анна Владимировна разделяет понятия социального портрета и социального облика и указывает, что существенным отличием термина «облик социальной группы» от термина «портрет социальной группы» можно считать наличие таких характеристик, как взгляд портретируемой группы на саму себя и взгляд на нее других слоев общества. В ее работе проблемы саморефлексии духовенством своего общественного статуса, а также взгляда на нее других слоев общества решены через анализ литературного наследия Д. Н. Мамина-Сибиряка.

В отношении советского периода подобных работ, характеризовавших взгляд портретируемой группы духовенства на саму себя, обнаружено не было. Источников личного происхождения, свидетельствовавших об оценке духовенства верующим населением, также не было обнаружено, что обусловило необходимость некоторого сужения темы в сравнении с подобными исследованиями дореволюционного периода.

В настоящей работе используется термин «социокультурный портрет группы» как наиболее соответствующий характеру анализируемых в исследовании источников. Это понятие определяется нами как комплекс общих социальных и культурных признаков, характеризующих социальную группу: возраст, образование, особенности профессиональной деятельности, общественный статус, мировоззренческие характеристики, морально-этические нормы. Таким образом, социокультурный портрет группы — это инструментальный метод ее репрезентации.

Изучение массовых источников и создание на их основе баз данных открывает новые перспективы изучения социокультурного портрета духовенства. Так, М. Ю. Нечаева создала просопографическую базу данных монашествующих², а просопографические базы данных приходского духовенства Пермского края легли в

¹ Мангилёва А. В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX – начале XX в.: монография. Екатеринбург, 2015. С. 339.

² Нечаева М. Ю. Уральское монашество синодального периода: опыт создания и использования просопографических баз данных // Урал. ист. вестн. 2012. № 3 (36). С. 109–116 ; Она же. Послужные списки монахов: история возникновения и информационные границы // Научный диалог.

основу диссертационного исследования А. В. Мангилёвой¹. Создание подобных баз данных предоставляет достаточное основание для проведения масштабного исследования с рядом характеристик, необходимых для формирования социального портрета определённой социальной группы.

Отметим, что в отечественной историографии постсоветского периода достаточно успешно развивается традиция исследований духовного сословия. Ряд работ, посвященных этой тематике, написан на уральском материале (Мангилева А. В.; Нечаева М. Ю.; Бабушкина О. Ю.; Конюченко А. И). Однако все диссертационные исследования, посвященные рассмотрению социокультурного облика духовенства, ограничивают хронологические рамки своего исследования периодом до 1917 года. Советский период в исследованиях социокультурного портрета духовенства представлен пока лишь в виде отдельных статей.

Наиболее близкими к тематике данной диссертации являются исследования Ю. А. Русиной. Работа над сборником документов «Социальный портрет лишенца»², позволила ей собрать богатый материал о лишенных избирательных прав по религиозному признаку. Обработанные Ю. А. Русиной массовые источники легли в основу нескольких проблемно-ориентированных баз данных и ряда статей, в которых она анализирует изменение социального портрета духовенства в условиях репрессивной политики государства³. Так, Ю. А. Русина приводит статистику духовенства, подававшего заявления на восстановление в избирательных правах

2015. № 11 (47). С. 163–180 ; *Она же*. Информационные ресурсы следственных дел о репрессированном монашестве Среднего Урала // Урал индустриальный. XII Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. Екатеринбург, 2014. С. 442–449.

¹ *Мангилёва А. В.* Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX – начале XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2015.

² Социальный портрет лишенца (на материалах Урала): сб. док. Екатеринбург, 1996.

³ *Русина Ю. А.* Документы по истории церкви на Урале в 1920 – начале 1930-х годов в фондах Государственного архива Свердловской области // Архивное дело на Урале: История, современность, перспективы. Екатеринбург, 1996. С. 28–30 ; *Она же*. История церкви на Урале в 1920–1930-е годы (Опыт формирования проблемно-ориентированной базы данных) // Круг идей: развитие исторической информатики. М., 1995. С. 65–71 ; *Она же*. Социальный портрет священнослужителя 1920–30-х гг. на Урале (по материалам базы данных) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 1995. № 14. С. 56–57 ; *Она же*. Священнослужитель 1920-х годов: Кто он? // Интеллигенция и власть в России на пороге XXI века. Екатеринбург, 1996. Ч. 2. С. 232–234.

(по родам церковной иерархии: священники, псаломщики и др.), и изучает формы их социальной адаптации¹.

Понятие репрессий Ю. А. Русина рассматривает в широком смысле, не ограничивая их только лишением свободы и казнями: лишение избирательных прав, отмена прав собственности на землю, передача всех церковных школ в ведомство Народного комиссариата просвещения, аннулирование действительности церковного брака, лишение Церкви всего движимого и недвижимого имущества и прав владеть им, массовое изъятие церковных ценностей, кампания по массовому закрытию церквей и молитвенных зданий, непомерное налогообложение в рамках кампании по борьбе с частным предпринимательством, коллективизация². В результате ряда исследований Ю. А. Русина приходит к выводу о том, что политические репрессии повлекли за собой существенное изменение характеристик социального портрета духовенства в 1920-е – 1930-е гг.³.

В нашей работе мы также поддерживаем тезис о том, что политические репрессии, среди множества внешних и внутренних воздействий, стали важнейшим средством изменения социокультурного облика духовенства.

Источниковая база диссертации.

География и специфика исследования обусловили необходимость изучения комплексов документов, хранящихся в центральных архивах и архивах шести субъектов Российской Федерации: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ); Российский государственный исторический архив (РГИА); Центральный

¹ Русина Ю. А. «Нет права голоса — нет доверия»: почему лишены ходатайствовали о восстановлении в избирательных правах // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 7. Ч. 1. Екатеринбург, 2009. С. 194.

² Русина Ю. А. Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920–30-е годы (по материалам личных дел) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980 годы). Н. Тагил, 1997. С. 119–120.

³ Она же. Политика репрессий в отношении церкви и деформация облика священнослужителя (по материалам Урала) // Духовная культура: проблемы и тенденции развития: Всероссийская научная конференция. Сыктывкар, 1994. С. 62–64; Она же. Судьба служителей церкви 1920–30-х годов // История репрессий на Урале в годы советской власти: тез. науч. конф. Екатеринбург, 1994. С. 121–122.

государственный архив Удмуртской республики (ЦГА УР); Государственный архив Свердловской области (ГАСО); Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО); Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО); Государственный архив Оренбургской области (ГАОО); Государственный архив Пермского края (ГАПК); Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО); Архив Екатеринбургской духовной семинарии; Архив Администрации Далматовского района (ААДР); Архивный отдел Администрации муниципального образования Катайский район. Всего при подготовке диссертационного исследования было изучено 516 дел (ед. хр.), в т. ч. 45 томов группового дела № 25163 в ОГАЧО.

Настоящее исследование основано на изучении большого комплекса архивных документов дореволюционного и советского периодов: от материалов законодательных и нормативно-правовых актов, регулирующих государственно-церковные отношения, до учетно-статистических документов (как внутрицерковных, так и советских) и материалов следственных дел. Наиболее полными источниками о храмах, священниках и прихожанах являются ежегодные клировые ведомости приходов. Подробную характеристику этого вида источников приводит в своей работе А. В. Мангилёва¹. После 1918 года и до 1930-х гг. значительных изменений в структурном содержании этого комплекса источников не произошло. Формы его, несмотря на изменившиеся реалии церковной жизни, не менялись.

В ГАПК наиболее полно представлены клировые ведомости за период Гражданской войны и первую половину 1920-х гг. Анализу были подвергнуты 6 подборок клировых ведомостей по Красноуфимскому уезду Екатеринбургской губернии за 1920–1921 гг.² и 12 подборок клировых ведомостей церковью разных уездов Пермской губернии за 1919–1922 гг.³. Самая поздняя подборка клировых ведомостей 32

¹ Мангилёва А. В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX – начале XX в. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 86–95.

² ГАПК. Ф. 542. Оп. 1. Д. 7; 10; 15; 16; 24.

³ ГАПК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 270; 272; 274–282.

приходов Свердловской епархии за 1929–1932 хранится в ижевском архиве¹. Такое местоположение документов обусловлено тем, что с декабря 1931 г. по февраль 1932 г. епископом Свердловской епархии был временно назначен архиепископ Сарапульский Алексей (Кузнецов).

Важный комплекс источников — приходские метрические книги, по которым можно проследить изменение состава причта на приходе за год. Например, сведения о гибели членов причта во время Гражданской войны и подавлении восстаний позволили реконструировать картину массового террора летом 1918 года в Екатеринбургской епархии, а также выяснить подробности конфликта между священником и приходской общиной в 1918 году², уточнить количество духовенства, ушедшего в 1919 году с приходов.

В фонде Екатеринбургской духовной консистории ГАСО были выявлены и изучены метрики 43 церквей за 1919 год: с.с. Тимофеевское, Усть-Ницинское, Тугулымское (Тюменского уезда), с. Краснослободское (Ирбитского уезда), с. Ертарское (Камышловского уезда), остальные 38 — Туринского уезда. Таким образом, проанализирована полная подборка метрических книг той части Туринского уезда, которая в 1923 году отошла к Ирбитскому уезду Уральской области³.

Кроме того, выявлены и изучены отдельные метрические книги за 1919 год храмов, находящихся на территории современной Свердловской области⁴, а также метрические книги храмов, находившихся на территории современных Катайского и Далматовского районов Курганской области, из которых наибольший интерес представляют метрические книги за 1918–1919 гг.⁵.

¹ Центральный государственный архив Удмуртской республики (ЦГАУР). Ф. 245. Оп. 5. Д. 169–173.

² См.: Метрические книги Спасо-Преображенской церкви с. Алексеевского (Падеринского) за 1914–1919 гг. [1918 г.] // Муниципальный архив Далматовского р-на. Ф. 331. Оп. 1. Д. 5. Л. 265 об.–267, 285 об.–286.

³ ГАСО. Ф. 6. Оп. 15. Д. 22; 30; 35; 36; 38–43; 199; 206; 212; 218 219–223; 250; 275; 336а; 340; 344; 357–364; 368; 370; 372–378.

⁴ ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 345. Л. 32; Оп. 14. Д. 96; Оп. 15. Д. 378; Оп. 16. Д. 83; 84; 110; 113; Д. 118. Оп. 18. Д. 195; 277; 358; 368; 375; 376; 753; Ф. Р-1915. Оп. 1. Д. 34.

⁵ Архив Администрации Далматовского района (ААДР). Ф. 295. Оп. 1. Д. 21; Ф. 329. Оп. 1. Д. 19; Ф. 337. Оп. 1. Д. 18; Православный информационно-библиотечный центр Екатеринбургской митрополии (ПИБЦ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 56, 113Д, 135; 242; 259; 327; 343; 386; 426; 443.

Такой групповой источник, как «Анкета всем членам православного клира»¹, датируемый концом 1922 – началом 1923 гг., включает 790 анкетных листов, заполненных церковнослужителями Пермской епархии. Ответы содержат биографическую информацию и отражают отношение анкетированных к церковной и общественной жизни. Источник этот создавался накануне оформления обновленческого раскола и, судя по вопросам не без помощи органов государственной безопасности, что обуславливает применение к анализу этого вида источника методов критического анализа².

Из источников личного происхождения изучались дневники³, автобиографии духовенства, эпистолярное наследие. Эти источники можно встретить в семейных архивах⁴, а также в отдельных следственных делах. Так, например, в следственном деле Зинаиды Ивановой обнаружен литературно обработанный дневник шадринского священника Николая Будрина, в котором описаны события Гражданской войны, реакция духовенства на политику советской власти, повествуется о создании и деятельности сестричества при шадринском кафедральном соборе⁵. Особый вид источников, это Биографические справочники⁶.

Из статистическо-учетных документов государственного происхождения следует отметить комплекс документов по учету лиц, эмигрировавших с белогвар-

¹ ГАПК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 260–265.

² Анализ этого вида источников представлен в наших статьях: Печерин А. В. Анкеты священников как исторический источник // Православие на Урале: вехи истории. Екатеринбург, 2015. С.166-174 ; Печерин А. В. Разин А. В. Некоторые аспекты истории антиобновленческого движения на Урале // Церковь. Богословие. Екатеринбург, 2015. С. 528-536, – 649 с.

³ Протоиерей Михаил Стефанович Елабужский. Жизнь в дневниках / сост. А. Бердников. Можга, 2015.

⁴ Автобиографии священника Гавриила Панова. 1946 и 1948 гг. // Семейный архив В. Г. Пановой ; Собрание фотодокументов и личная переписка протоиерея Павла Ездакова // Архив свящ. П. Балакина (с. Боровлянское Курганской области) ; Личная переписка и документы протоиерея Петра Трофимова // Архив Чимеевского мужского монастыря.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 132.

⁶ См., напр.: Харбинский синодик: Духовенство и церковные деятели. Челябинск, 2009 ; *Кузнецов В. А.* Русское православное зарубежное монашество в XX веке: биографический справочник. Екатеринбург, 2014 ; *Бессонов М. С.* История Северного Урала в лицах (1589–1917): биографический справочник. Вып. I. Екатеринбург, 2011 ; *Лавринов В.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016.

дейцами. Из документов, хранящихся в ГАСО, значительный информационный потенциал представляют три группы источников: анкеты лиц, вернувшихся из районов, занятых армией Колчака¹; списки лиц, бежавших с белогвардейцами, составленные волостными исполкомами (Бобровская волость и с. Сарапулка)²; списки возвращенных в 1920 году на Урал работников заводов³.

В анкетах, заполнявшихся в 1919 году, указаны причины ухода, места проживания и места работы во время нахождения в тылу у белых, обстоятельства возвращения, средства обеспечения, состояние здоровья. Отдельные сведения об уходе духовенства с белыми можно встретить в следственных делах. Из следственных дел Курганского, Свердловского и Челябинского областных архивов было выявлено 18 случаев ухода священников со своих приходов⁴.

Данные о духовенстве, лишенном избирательных прав, получены из документов, хранящихся в районных и муниципальных архивах⁵, а также в ГАСО⁶. В ГАСО обнаружены списки лишенных избирательных прав по Уральской области за 1924, 1925, 1929, 1935 годы. Из этих списков были выявлены имена лишенных избирательных прав по религиозному признаку. Комплекс документов о восстановлении в избирательных правах нами не анализировался, так как достаточно подробно он был исследован в работах Ю. А. Русиной⁷.

¹ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 90.

² ГАСО. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 644 (Списки лиц, бежавших с белогвардейцами, волостных исполкомов Екатеринбургского уезда).

³ Там же. Ф. Р-2515. Оп. 1. Д. 18 (Списки рабочих и служащих, регистрационные карточки о реэвакуации уральских заводов со вторым эшеленом из г. Томска); Д. 105 (Ходатайства различных лиц об отсрочках и освобождении от реэвакуации на Урал).

⁴ Областной государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 1205; Д. 1660; 1942; 8965; 47305; Оп. 2. Д. 29041; 40421; 18652; 48966; 46950; Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО) Ф. 6905. Оп. 2. Д. 1084; 1135; 2176; 7602; 7525; 7894; 8026; 8028.

⁵ Списки на лишение и списки лишенцев Катайского района 1929–1935 г. // Архивный отдел Администрации муниципального образования Катайский район. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2; 2а; 2г; 6; 6а; 6 б; 6г; 6д; 12.

⁶ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 9. Д. 33; 235; Ф. Р-286. Оп. 3. Д. 442.

⁷ См. напр.: *Русина Ю. А.* «Нет права голоса — нет доверия»... // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 7. Екатеринбург, 2009. Ч. 1. С. 192–200.

К учетно-статистическим источникам можно отнести и Книги памяти. В более чем 60 регионах России архивно-следственные дела осужденных по 58-ой статье переданы из архивов ФСБ в государственные архивы, а на сайтах архивов опубликованы списки репрессированных по 58-й статье.

Отдельно стоит отметить следственные дела. Работа с этим видом источников предполагает использование методов критического анализа. Наиболее достоверными данными в следственных делах являются анкеты, заполняемые арестованными. Нами были выявлены и скопированы следственные дела по духовенству из архивов г.г. Кургана, Челябинска и Перми¹.

Из других источников информации о репрессированных были использованы открытая база данных репрессированных священнослужителей, составленная сотрудниками Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета и материалы епархиальных комиссий по канонизации святых, представленные в Интернете². Особый интерес представляют каталоги репрессированных, выпущенные в местах, где отбывали сроки заключения представители уральского духовенства, такие как Северный Казахстан и Сибирь³. Для настоящего исследования представляют интерес картотеки репрессированного духовенства, отбывавшего срок заключения в Ивдельлаге и Тагиллаге, содержащие ранее нигде не отмеченные фамилии священнослужителей⁴.

При пофамильной проверке дел в ОГАЧО было выявлено, что принадлежность некоторых лиц к «контрреволюционному» духовному сословию оказалась

¹ Архивно-следственные дела духовенства 1919–1938 гг. // Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. Р-1. Оп. 2; Архивно-следственные дела духовенства 1919–1938 гг. // Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО). Ф. 6905. Оп. 2.; Архивно-следственные дела духовенства 1919–1939 гг. // Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-467. Оп. 3; Оп. 4. Подробный список дел см. в списке литературы.

² База данных репрессированного духовенства [Электронный ресурс] // Сайт Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. URL: http://kuz3.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans.

³ См., напр.: Новомученики и исповедники земли Кузнецкой: Библиографический справочник. Кемерово: Скиф, 2011. 408 с.

⁴ См.: *Печерин А. В.* Личная карточка заключенного как исторический источник // Церковь. Богословие. История: материалы Всерос. науч.-богослов. конф. (Екатеринбург, 12 февр. 2014 г.). Екатеринбург, 2014. С. 199 – 206.

фиктивной, либо ошибочно указана сотрудниками архива при подготовке базы данных. Так, в Книге памяти Челябинской области Гладких Григорий Степанович значится священником. На самом деле он был железнодорожным работником, а слово «сцепщик» было неверно прочитано сотрудниками архива. Другой пример: Логинов Василий Васильевич значится в следственном деле как дьякон, причем по материалам следствия он также проходит как кулак, дьякон и руководитель контрреволюционной организации баптистов(!); однако при пересмотре дела в 1950-х годах было опровергнуто и первое, и второе, и третье¹.

В ходе настоящего исследования для получения объективных исследовательских результатов были сформированы четыре просопографических базы данных: 1) о репрессированном духовенстве Урала в 1918–1938 гг. (3128 персоналий)²; 2) о

¹ Следственное дело Логинова В. В. (1938 г.) // ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 7254.

² ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 7064, 9185, 9497, 11544, 12702-12703, 14923, 15118-15120, 15635, 15793, 15835, 16272, 16380, 16689, 16852, 16861, 17095, 17340, 17345, 17568, 17570, 17717, 18307, 18645, 18651-18652, 18965, 19763, 20237, 21334-21336, 21844, 21951, 22072, 22880, 24267, 26117, 26292, 26850, 26855, 27407-27408, 29041, 29314, 29370, 29372-29373, 29381, 29389, 29670, 30887, 31114, 32769, 33145, 33532, 34640, 34642, 36011, 36766, 37933, 38474, 40928-40931, 41030, 41365, 41711, 44524-44527, 50416, 51148, 52541, 53714-53715, 54089-54090, 55731-55732, 56049, 56328, 56502, 56504, 56576, 57219, 57328-57330, 58282, 58548, 58723, 58880, 59009, 59430-59432, 59440, 59765-59766, 60263, 60422, 60942-60943, 61435, 61553, 61638, 61799, 62313, 62392, 63328, 63563, 64063-64069, 67654, 67682, 68028, 68092-68093, 68110, 68135, 68480, 69769, 74799, 74931, 75286, 77263, 77612, 77613, 77768-77769;

ГАОПДКО. Ф. 6905. Оп. 2. Д. 73, 530, 677, 715, 855, 858, 865, 887, 888, 895, 902, 907, 909, 917, 920, 923, 926, 979, 980, 1082, 1083, 1084, 1087, 1089, 1092, 1093, 1097, 1099, 1101, 1110, 1134, 1135, 1195, 1201, 1203, 1360, 1401, 1449, 1597, 1645, 1722, 1789, 1826, 1827, 2176, 2206, 2225, 2322, 2358, 2368, 2388, 2502, 2510, 2708, 2942, 3231, 3499, 3659, 3728, 3761, 3795, 3811, 3831, 3859, 4033, 4044, 4069, 4076, 4097, 4108, 4139, 4226, 4236, 4243, 4251, 4262, 4337, 4361, 4366, 4447, 4453, 4479, 4544, 4577, 4612, 4656, 4664, 4665, 4842, 4853, 5215, 5277, 5419, 5772, 5807, 6375, 6671, 6678, 6679, 7020, 7074, 7090, 7271, 7294, 7481, 7525, 7551, 7602, 7640, 7662, 7682, 7711, 7735, 7878, 7894, 7909, 7922, 8003, 8026, 8028, 8196, 8311, 8312, 8321;

ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 249, 262, 336, 367, 405, 647, 660, 734, 793, 794, 1029, 1030, 1032, 1033, 1205, 1207, 1226, 1536, 1587, 1589, 1591, 1592, 1660, 1783, 1784, 1786, 1870, 1927, 1942, 2138, 2226, 2349, 2425, 2604, 2981, 3233, 3259, 3260, 3336, 3452, 3453, 3454, 3680, 3924, 4153, 4599, 4600, 4601, 4626, 5081, 5239, 5652, 5882, 6325, 6744, 7148, 7149, 7300, 7401, 7649, 8394, 8438, 8469, 8965, 9145, 9196, 9581, 9582, 9647, 9655, 9716, 9919, 9931, 25163/1, 25163/4, 25163/5, 25163/7, 25163/8, 25163/9, 25163/11, 25163/13, 25163/15, 25163/17, 25163/18, 25163/21, 25163/22, 25163/23, 25163/24, 25163/25, 25163/26, 25163/28, 25163/29, 25163/32, 25163/33, 25163/34, 25163/35, 25163/36, 25163/37, 25163/38, 25163/39, 25163/41, 25163/42, 25163/43, 25163/47, 25163/48, 25163/49, 25163/50, 25163/51, 25163/53, 25163/55, 25163/60, 25163/61, 25163/62, 25163/63, 25163/64, 25163/66, 25163/69, 25163/71, 25163/74; Оп. 4. Д. 103, 104, 111, 354, 1018, 1052, 1152, 1879, 2254, 2280, 2328, 2480, 2722, 3128, 3348, 3400, 3624, 3863, 3953, 4026, 4501, 4573, 4687, 4704, 4980, 5446, 5590, 5799, 5962, 6272, 6369, 9079, 9129, 9279, 9429;

церковнослужителях, лишенных избирательных прав (1739 персоналий)¹; 3) о духовенстве, бежавшем в 1919 году с белыми (108 персоналий)²; 4) о репрессированном духовенстве Курганской области (100 персоналий)³; Составлены три статистические таблицы по образовательному уровню и возрастному составу духовенства

ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 200, 215, 265, 366, 397, 591, 912, 1132, 2136, 2547, 4151, 4516, 5384, 6013, 6324, 6375, 6402, 6428, 6461, 6471, 6503, 6510, 6525, 6619, 6625, 6639, 6655, 6695, 6719, 6730, 6751, 6827, 6841, 6961, 6972, 7670, 7677, 7679, 7680, 7685, 7688, 7777, 7783, 7788, 7861, 7987, 7988, 7991, 8007, 8008, 8031, 8076, 8077, 8098, 8179, 8186, 8214, 8217, 8747, 8754, 8755, 8761, 8768, 8786, 8789, 8798, 8799, 8802, 8803, 8823, 8835, 8835, 8837, 8852, 8874, 8876, 8882, 8885, 8887, 8888, 8890, 8891, 8892, 8893, 8895, 8896, 8900, 8901, 8902, 8908, 8910, 8915, 8941, 9254, 10046, 10078, 10401, 10421, 10468, 10478, 10569, 10673, 10686, 10702, 10708, 10739, 10765, 10768, 10769, 10956, 10966, 11084, 11088, 11101, 11139, 11212, 11237, 11288, 11331, 11405, 11418, 11422, 11578, 11604, 11669, 11686, 11785, 11803, 11862, 11893, 12024, 12315. Т. 1; 12316, 12370, 12385, 12396, 12401, 12403, 12405, 12409, 12425, 12489, 12501, 12552, 12556, 12681, 12691, 12702. Т. 1, 2; 12705, 12708, 12783, 12805, 12816, 12873, 12877, 12892, 13032, 13057, 13083, 13124, 13344, 13377, 13384, 13385, 13468. Т. 1; 13475, 13482, 13718, 13798, 13812, 13872, 13893, 13916, 13974, 14148, 14312, 14340, 14346, 14804, 14906, 15026, 15043, 15149, 15193, 15210, 15364, 15373, 15429, 15454, 15458, 15745, 15825, 16125, 16207, 16219. Т. 1; 16248, 16253, 16277, 16482, 16525, 16534, 16544, 16865, 16870, 16925, 16935, 16955, 16996, 17072, 17098, 26188, 26214; Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 1098, 1185, 2141, 3017, 3122, 3733, 3949, 4259, 4769, 4791, 5005, 5170, 6387, 6433, 6507, 6605, 6623, 6780, 7060, 7155, 7356, 7460, 7466, 7680, 7750, 8713, 8718, 8720, 8904, 8911, 9534, 9598, 9832, 11322, 11357, 11622, 12700, 13616, 14256, 15526, 15533, 16723, 18278, 18789, 21135, 21183, 23199, 25415, 25742, 26006, 26017, 26031, 26077, 26078, 26158, 26188, 26213, 26214, 26239, 26259, 26286, 26294, 26341, 26394, 26411, 26519, 26557, 26559, 26590, 26595, 26596, 26597, 26602, 26620, 26622, 26624, 26638, 26687, 26702, 26720, 26749, 26793, 26816, 26970, 26990, 27018, 27093, 27182, 27383, 27442, 27467, 27468, 27481, 27481, 27496, 27527, 27571, 27581, 27804, 27816, 27825, 27826, 27885, 27927, 27932, 27979, 28013, 28055, 28089, 28183, 28248, 28315. Т. 1, 2, 28475, 28476, 28676, 28751, 28810, 28830, 29000, 29035, 29046, 29049, 29101, 29272, 29285, 29307, 29317, 29333, 29335, 29337, 29359, 29374, 29414, 29509, 29510, 29536, 29540, 29544, 29556, 29565, 29777, 30639, 30857, 30873, 31025, 31168, 31170, 31170, 31170, 31199, 31214, 32312, 32523, 32623, 32637, 32638, 32649, 32875, 33022, 33065, 33067, 33069, 33070, 33081, 87185, 87403, 89366, 91451, 91491, 91509;

«Дивен Бог во святых Своих». Мученики, исповедники и подвижники благочестия в Оренбургской епархии. Кн. IV / сост. прот. Николай Стремский. — Оренбург, 2011. — 304 с.; Мученики и исповедники Оренбургской епархии XX века. Кн. III / сост. прот. Николай Стремский. — Оренбург, 2000. — 576 с.; Простите, звезды Господни...; Собор святых, в земле Пермской просиявших / сост. монахиня Сергия (Королева). — Пермь, 2015. — 364 с.; Челябинский Синодик. 1917–2012. Духовенство и церковные деятели. Издание восьмое, дополненное / Сост. Щегольков А. Г., Косарев А. В. — Челябинск, 2013. — 500 с. БД ПСТГУ; БД «Жертвы политического террора в СССР». URL: <http://lists.memo.ru/> (дата обращения: 10.09.2018).

¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 8. Д. 1650; Оп. 9. Д. 2, 24, 25, 33 (Т. 2), 235; Ф. Р-158. Оп. 2. Д. 2; Ф. Р-286. Оп. 3. Д. 442, 443, 450.

² ГАПК. Ф. 542. Оп. 1. Д. 7, 9, 10, 15, 16, 24; Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 260-265, 270, 272, 274-282; ГАСО. Ф. 6. Оп. 15. Д. 22; Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 644; Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 90; ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 5. Д. 169-173.

³ ГАОПДКО. Ф. 6905. Оп. 2. Д. 73, 460, 530, 636, 677, 855, 858, 865, 887, 888, 895, 902, 907, 909, 917, 923, 979, 980, 1082, 1083, 1084, 1087, 1089, 1092, 1093, 1097, 1098, 1101, 1134, 1135, 1195, 1201, 1203, 1360, 1380, 1401, 1645, 1761, 1789, 1826, 2176, 2206, 2225, 2333, 2358, 2368, 2386,

Пермской епархии (1503 человека), Екатеринбургской епархии (1397 человек) и Курганского уезда Тобольской епархии (246 человек)¹. Созданные базы данных и таблицы можно назвать особым видом искусственно сконструированного машиночитаемого источника. Кроме того, была собрана и систематизирована информация о женщинах, занимавших должности псаломщиков на 34 персоналии², о духовенстве Пермской епархии в 1919–1922 гг. на 123 персоналии³; а также о духовенстве Свердловской епархии в 1943–1949 гг. на 48 персоналий⁴.

Современные электронные способы поиска позволили значительно упростить процесс обработки комплексной информации. В своей работе мы активно пользовались комплексом клировых ведомостей 1930–1931 гг. по 32 приходам, переведенным в машиночитаемый формат, а также комплексом протоколов обвинительных заключений по следственным делам духовенства Свердловской, Челябинской и Курганской областей. Кроме того, в исследовании использовалась база данных по истории храмов Екатеринбургской епархии, созданная краеведом Валерием Богомоловым, которая содержит текстовую информацию из архивных источников.

Можно отметить, что одним из существенных недостатков источниковой базы настоящего исследования является ее фрагментарная сохранность. Многие документы этого периода не дошли до либо сохранились только по одной из областей нас. Так, например, не сохранились клировые ведомости церквей за вторую

2388, 2502, 2510, 2708, 3231, 3287, 4033, 4044, 4069, 4108, 4226, 4262, 4361, 4577, 4612, 4656, 4664, 4842, 5277, 5772, 6671, 6678, 7074, 7090, 7294, 7552.

¹ Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1915 год. — Екатеринбург : Тип. Е. Н. Ершова, 1915. — 137 с.; Справочная книга Пермской епархии на 1912 год / сост. дьяк. Петр Ершов. — Пермь: Тип. наследников П. Ф. Каменского, 1911. — 290 с.; Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года / Изд. Тобольского епархиального братства св. вмч. Димитрия Солунского. — Тобольск, 1913. — 340 с.

² ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 17568, 64063-64069; ГАПК. Ф. 542. Оп. 1. Д. 9; Ф. 719. Оп. 1. Д. 63а; Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 260, 263, 265, 272, 274, 282; ОГАЧО. Ф. Р-4567. Оп. 3. Д. 734, 1587, 25163/22, 25163/23, 25163/25; ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 5. Д. 171, 173.

³ ГАПК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 270, 272, 274, 275, 277.

⁴ ГАКО. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 1, 2, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 14; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 348; ГАСО. Ф. Р-2788. Оп. 1. Д. 73; *Лавринов В.* Екатеринбургская епархия... С. 126-175; *Лавринов В.* Очерки истории обновленческого раскола на Урале... С. 197-276; БД ПСТГУ URL: http://www.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans.

половину 1930-х гг., а клировые ведомости начала 1930-х гг. сохранились только по нескольким десяткам приходов Свердловской епархии.

Положения, выносимые на защиту.

Репрессивная политика, осуществляемая по отношению к Церкви, привела к значительному изменению социокультурного портрета уральского приходского духовенства.

Изменения коснулись, в первую очередь, количественного состава группы и ее внутреннего устройства. Значительно сокращается доля псаломщиков в клире.

Массовое бегство духовенства с Белой Армией стало одним из факторов, повлиявших на изменение социокультурного портрета уральского приходского духовенства.

С начала 1920-х гг. начинает понижаться уровень профессионального образования, значительно уменьшается доля потомственных служителей, повышается процент лояльного власти духовенства.

Массовое рукоположение клириков в 1919 г. не привело к омоложению причта. Средний возраст приходского духовенства начинает постепенно увеличиваться, что продолжается вплоть до 1938 года.

Поиски форм социальной адаптации к государственной политике приводят представителей приходского духовенства к снятию священного сана и переходу на гражданскую работу или поиску таких форм компромисса, как смена юрисдикции или сотрудничество с органами госбезопасности.

Повышается доля вдового и разведенного приходского духовенства, становится распространенным раздельное проживание клириков от жен и других членов семьи.

Экономическое положение приходского духовенства и его социальный статус меняются. От достаточно стабильного и высокого уровня жизни, духовенство переходит к бедному, часто нищенскому существованию. Меняется и отношение общины к духовенству: священник попадает в полную зависимость в материальном отношении от прихожан.

Проведение репрессивной политики Большого террора в отношении приходского духовенства на Урале, ее интенсивность и размах различались как в отношении различных групп духовенства, так и в зависимости от специфики деятельности областных управлений НКВД.

К концу 1938 года уральское приходское духовенство как социальная группа сократилось до исторического минимума.

ГЛАВА 1. РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОРТРЕТА УРАЛЬ- СКОГО ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА

1.1 Уральское приходское духовенство накануне 1918 года

К началу революционных потрясений 1917 года, приведших к массовым политическим репрессиям (дошедшим до Урала в 1918 году), Российская Православная Церковь представляла собой внушительную силу. В Российской Империи было более 100 миллионов православных верующих (составлявших около 70 % населения), 79 тыс. храмов и часовен, около 120 тыс. священников, дьяконов и псаломщиков, 130 архиереев, около 1250 монастырей и скитов с 95 тыс. монашествующих и послушников, 57 духовных семинарий и 4 духовные академии¹.

Территория Большого Урала в церковном отношении в то время была поделена между Екатеринбургской, Оренбургской, Пермской, Тобольской и Уфимской епархиями. Нам не удалось обнаружить точных данных о составе духовенства в епархиях к 1917-1918 гг. Справочные книжки в тех епархиях, где они были, издавались до 1913, реже до 1915 года. Отчеты архиереев в Синод за предреволюционные годы не обнаружены. По Екатеринбургской епархии последний отчет в Синод с приведением численного состава духовенства датируется 1915 годом. Это можно объяснить революционными событиями февраля 1917 года, в связи с которыми отчеты по прошедшему 1916 году в большинстве епархий уже не составлялись. Сведения о численности духовенства уральских епархий были опубликованы в 1912 году в «Полном православном богословском энциклопедическом словаре»².

Данные в «Словаре» приводятся за первое десятилетие XX века, по Екатеринбургской епархии — за 1906–1907 гг., что видно из сравнительного анализа с данными отчетов Екатеринбургской епархии в Синод. В таблицу 1.1 включены

¹ *Абдулов Н. Т.* Уфимская епархия в системе государственно-церковных отношений. 1917–1991 гг.: дис. ... канд. ист. н. Уфа, 2006. С. 33.

² Полный православный богословский энциклопедический словарь [Репринтное издание]. М., 1992. Т. 1–2. С. 850, 1706, 1795, 2170, 2215.

также сведения о численности духовенства Пермской и Екатеринбургской епархий за 1912 и 1915 годы, полученные из других источников¹.

Таблица 1.1*

Численность клира Уральских епархий к началу XX века

Наименование епархии	Общая численность				
	Всего	протоиереев	священников	дьяконов	псаломщиков
Екатеринбургская		24	578	204 ²	481
1912	1406	24	621	267	494
1915	1417	31	625	255	506
Оренбургская		47	608	... ³	397
Пермская		43	584	...	439
1912	1503	49	643	341	470
Тобольская	1008	28	468	78	434
Уфимская	1095	18	519	171	387

* Источник: Полный православный богословский энциклопедический словарь [Репринтное издание]. М., 1992. Т. 1–2; Отчет Екатеринбургской епархии за 1912 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 448. Д. 2516. Л. 142 об.–143; Отчет о состоянии Екатеринбургской епархии за 1915 г. // РГИА. Ф. 796 Оп. 442. Д. 2699. Л. 36–38; Справочная книга Пермской епархии на 1912 год. Пермь, 1911.

Из таблицы видно соотношение духовенства в каждой из епархий, а также небольшой, но стабильный прирост численности клира, заметный на примере Пермской и Екатеринбургской епархий. Так, в Екатеринбургской епархии 1915 году соотношение было следующее: 46 % священников, 18 % дьяконов, 36 % псаломщиков; в Пермской епархии: 46 % священников, 23 % дьяконов, 31 % псаломщиков; в Тобольской епархии: 49 % священников, 8 % дьяконов, 43 % псаломщиков», в Уфимской: 49 % священников, 16 % дьяконов, 35 % псаломщиков. Соотношение доли священства в составе духовенства было стандартно высоким: от 46 до

¹ Данные о количестве дьяконов в Оренбургской и Пермской епархии отсутствуют.

² Данные в словаре по дьяконам представлены или ошибочно (надо 254), или без учета дьяконов, стоящих на псаломщической вакансии. В отчете Екатеринбургской епархии в Синод за 1907 г. количество дьяконов указано: 250.

³ Данные в «Словаре» по дьяконам Оренбургской и Пермской епархий отсутствуют.

49 %, самой малочисленной группой являлось дьяконство, доля которого колебалась в разных епархиях от 8 до 23 %. Псаломщики составляли от 31 до 43 %.

В монографии А. В. Мангилёвой, посвященной социокультурному портрету духовенства Пермской епархии, подробно описываются стратегии духовенства, стремившегося к получению высокого образования, что давало ощутимые преимущества. Об образовательном уровне служащего клира (священников, дьяконов и псаломщиков) в Пермской и Екатеринбургской епархиях накануне революции можно судить на основании отчетов о состоянии епархии, посланных в Святейший Синод, и по справочникам и адрес-календарям епархий (см. таблицу 1.2).

Таблица 1.2

Уровень образования клира
в Пермской и Екатеринбургской епархиях на 1912 год*

Учебное заведение	Протоиереи		Священники		Дьяконы		Псаломщики	
	Перм. еп.	Екб. еп.	Перм. еп.	Екб. еп.	Перм. еп.	Екб. еп.	Перм. еп.	Екб. еп.
Духовная академия	7	7	2	5			2	
Светский вуз			4	1				
Духовная семинария	38	17	223	321	2	1	8	6
Неполный курс ДС	1		107	107	46	70	57	102
Духовное училище	1		68	67	65	49	49	70
Неполный курс ДУ			32	38	68	63	68	95
Псаломщическая школа			1	6	5	9	11	79
Прочие учебные заведения	1		131	53	109	65	163	119
Домашнее образование			25	23	7	10	22	23
Нет данных	1		50		39		90	
Всего клириков	49	24	643	621	341	267	470	494

* Источник: Отчет Екатеринбургской епархии за 1912 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 448. Д. 2516. Л. 142 об.–143; Справочная книга Пермской епархии на 1912 год. Пермь, 1911.

Несмотря на, что священноначалие Русской Православной Церкви еще в XVIII веке стремилось к тому, чтобы все священники были с семинарским образованием, до достижения этой цели в начале XX века по-прежнему оставалось еще

далеко. В Екатеринбургской епархии к 1912 году 54 % священнослужителей имело оконченное семинарское и академическое образование. К концу 1915 года количество менее образованного священства возросло до 57 %¹. Это связано с началом Первой мировой войны и политикой совершения рукоположений нового правящего архиерея епископа Серафима (Голубятникова), назначенного в Екатеринбургскую епархию в 1914 году. Согласно оценке владыки (из отчета в Синод в 1915 году), «образовательный ценз епархиального духовенства оставлял за собой желать много лучшего». В соседней Пермской епархии, несмотря на то, что там с 1800 года действовала своя духовная семинария (которую в Екатеринбурге удалось открыть лишь в 1916 г.), образовательный уровень духовенства был более низким. Причиной этому можно признать отток выпускников Пермской семинарии из духовного ведомства, усилившийся уже к концу XIX века².

Согласно выводам А. В. Мангилёвой, «переход в ряды интеллигенции как социально близкой духовенству группы в целом не рассматривался как нарушение существующего порядка, мог расцениваться даже как жизненный успех. Секуляризация общественной жизни делала подобную эволюцию вполне закономерной»³. Согласно данным епархиального справочника на 1912 год, лишь 43 % протоиереев и священников Пермской епархии имели образование, соответствующее сану, причем по разным уездам данный показатель существенно различался: от 85 % до 25 % (см. таблицу 1.3).

Что касается псаломщиков, то многие из них имели образование на уровне начальной школы. И даже на таком фоне резко отличалось в худшую сторону духовенство единоверческих церквей Пермской епархии: из 92 священноцерковнослужителей только двое обучались в духовной семинарии (при этом так ее и не окончив) и шестеро — в духовном училище (которое окончили двое)⁴.

¹ Посчитано автором по: Отчет о состоянии Екатеринбургской епархии за 1915 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2699. Л. 36–38.

² Мангилева А. В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX — начале XX в. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 447.

³ Там же. С. 423.

⁴ Справочная книга Пермской епархии на 1912 год...

Образование духовенства Пермской епархии на 1912 год*

	Всего духовенства	Протоиереев и священников с известным уровнем образования	Из них с образованием не ниже семи- нарского	% образованного священства
г. Пермь	77	34	29	85
Пермский уезд	224	90	41	46
Кунгурский уезд	146	67	37	55
Красноуфимский уезд	211	86	26	30
Оханский уезд	224	94	41	44
Осинский уезд	247	104	39	38
Соликамский уезд	242	105	46	44
Чердынский уезд	132	61	15	25
По Пермской епархии в целом	1503	641	274	43

* Источник: Справочная книга Пермской епархии на 1912 год. Пермь, 1911.

Возрастной состав пермского духовенства (согласно данным справочника) выглядел следующим образом: 82 % священноцерковнослужителей в возрасте не более 50 лет. Крайние числа: 17 лет (4 псаломщика) и 83 года (дьякон Димитрий Воронин в с. Владимирском)¹. Как видно, эпоха 10-летних причетников, для первой половины XIX века представлявших собой обычное явление, навсегда осталась в прошлом. По вполне очевидным причинам, среди молодых представителей духовенства преобладали псаломщики, среди пожилых и старых — священники.

¹ Там же.

1.2 Репрессии во время Гражданской войны и массовое беженство приходского духовенства

С первых дней Октябрьской революции начала подготавливаться законодательная база, на которой впоследствии будет осуществляться репрессивная политика советского государства по отношению к Церкви. В принятом 26 октября «Декрете о земле» объявлялось о национализации церковно-монастырских земель. Последующими постановлениями советской власти была аннулирована легитимность церковного брака, ликвидирован институт духовников в вооруженных силах, закрывались домовые церкви при государственных учреждениях и т. д.¹

Итог начальной фазе антицерковной политики советского правительства подвел принятый 20 января 1918 г. Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (тезисы которого были обнародованы в начале января), который имел огромное значение, поскольку обозначил полный переворот в церковно-государственных отношениях в России. Он стал законодательной основой в политике большевиков по отношению к Церкви вплоть до 1929 года.

Основные положения декрета лишали Церковь всей материальной собственности, движимого и недвижимого имущества, которое передавалось государству. Даже то, что фактически не изымалось, становилось не церковным, а государственным. Кроме того, Церковь лишалась прав юридического лица и практической возможности заниматься религиозным образованием.

Принципы декрета немедленно стали претворяться в жизнь, что вызвало бурю протестов со стороны духовенства и значительной части прихожан. В листовке, изданной «Союзом ревнителей и проповедников православия» в ответ на публикацию декрета, задавались резонные вопросы: «Скажите, как будут существовать наши общества, если у них будет отнято право собственности? ... Ни своих залов для собраний, ни своих школ, ни своих приютов и всякого рода благотворительных и просветительских учреждений, ни своих типографий, ни даже стульев для сидения <...>. Разве это не гонение? Но еще хуже: в будущем нас хотят оставить

¹ Митрофанов Г. История Русской Православной Церкви: 1900–1927. СПб., 2002. С. 122–126.

без пастырей. Подлежат закрытию все духовно-учебные заведения, семинарии и академии. Где же Церковь будет готовить будущих священников и архиереев?»¹.

В такой обстановке 19 января появилось послание патриарха Тихона, вошедшее в историю как «анафематствование большевиков». Продолжавший заседать Поместный собор не признавал ни одного постановления новой власти. Началась «война законов». В соборном послании от 15 (28) февраля 1918 г. предусматривались меры наказания за покушение на церковно-монастырское имущество — от «слов вразумления» до отлучения от церкви и закрытия храмов. Послание было разослано во все епархиальные духовные консистории, а те, в свою очередь, переправили его благочинным для немедленного исполнения.

В это время впервые на местах вспыхивают единичные вспышки агрессии, направленной против Церкви и ее служителей, приведшие к убийствам. В начале 1918 года в Соликамске группа солдат-дезертиров, увидев проходящего священника, облила его кипящей смолой; имя случайной жертвы так и осталось не установленным². В Екатеринбурге в ночь на 13 февраля 1918 г. пьяными матросами Северного революционного отряда, проходившего через город, был зверски убит воспитанник Екатеринбургской духовной семинарии Семен Коровин, — как выяснилось, из хулиганских побуждений. Похороны состоялись 17 февраля на кладбище Ново-Тихвинского монастыря и превратились в стихийный митинг, собравший множество возмущенных людей³.

Немалый вклад в разжигание антиклерикальных настроений сыграли местные органы советской власти, находившиеся в руках преступного элемента. Так, например, начальником отдела по управлению Камышловским уездом в уездном исполкоме был выбран П. Н. Подпорин, уголовник, родом с Украины (из г. Сумы). После осуждения за мародерство он отбывал ссылку в Средней Азии, из которой

¹ Цит. по: Булавин М. В. Взаимоотношения государственной власти и Православной Церкви в России в 1917–1927 гг. (на примере Урала): дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург. 2000. С. 39.

² Агафонов П. Н. Духовенство Пермской епархии в годы гражданской войны. <https://www.permgani.ru/publikatsii/konferentsii/grazhdanskaya-vojna-na-vostoke-rossii/p-n-agafonov-duhovenstvo-permskoj-eparhii-v-gody-grazhdanskoj-vojny.html>

³ Лавринов В. Екатеринбургская епархия... С. 28.

сбежал и до Октябрьской революции работал сапожником в Камышлове. П. П. Бажов вынужден был отметить, что это был «энтузиаст классовой борьбы, чувства которого не всегда подчинялось рассудку, открытый раскатистый смех и ласковый разговор легко сменялись свирепыми криками»¹.

Каменский Совет в конце 1917 – начале 1918 гг. фактически возглавлял Яков Прокопьев — местный уголовник, известный по прозвищу Яшка Балма (Баламут). 7 апреля 1918 г. каменский военком В. Байнов распорядился арестовать и препроводить в Екатеринбург в ревтрибунал священника Каменского женского монастыря Н. В. Бирюкова за производство с амвона «контрреволюционной агитации». По ходатайству прихожан Преображенской церкви, арестованного священника через несколько дней освободили под подписку². В мае 1918 года Каменский Совет рабочих и крестьянских депутатов постановил, во исполнение декрета, изъять метрические книги церковью Каменского завода. Это был первый подобный рода, поэтому он вызвал массовое народное возмущение. Организатором волнений посчитали священника Троицкого собора Каменского завода П. И. Корелина (именно с колокольни этой церкви прозвучал набатный звон, по которому собрались верующие). В последних числах мая (н. с.) о. Петр был арестован и на свободу больше не вышел. Впоследствии он сидел в Екатеринбургской тюрьме, был взят в качестве заложника и утоплен 16 (29) июня в устье реки Туры вместе с епископом Гермогеном (Долгановым)³.

Массовые репрессии против священников на Урале произошли в ходе Гражданской войны. Ситуация на Урале усугублялась, по крайней мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, уральские власти действовали произвольно, согласно принципам «революционной целесообразности», и развернули кампанию террора задолго до его официального провозглашения. Особенно преуспели в произволе в Пермской губернии, в «месторождении большевизма». Во-вторых, Урал с самого

¹ Бажов П. П. Бойцы первого призыва. К истории полка Красных Орлов. Свердловск, 1934. С. 83.

² Шестернина Н. Г. Каменск. 1917–1950 гг. Книга Памяти. Каменск-Уральский, 2006. Кн. 2. С. 92.

³ Жития святых Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 2008. С. 99.

начала оказался в эпицентре военных действий. В результате от красного террора на Урале духовенство пострадало больше, чем в каком-либо другом российском регионе¹.

При описании большевистских репрессий 1918 года против духовенства Пермской епархии исследователи говорят о «кровавой осени». Согласно пермскому историку М. Г. Нечаеву, красный террор на Урале достиг здесь своей кульминации в сентябре-октябре 1918 года². Применительно к Екатеринбургской епархии, куда Гражданская война пришла раньше, чем в Прикамье, можно говорить о «кровавом лете», на которое здесь приходится четыре пятых всех погибших в том году священно- и церковнослужителей. На территории Оренбуржья репрессии против духовенства начинаются ранее всего, с весны 1918 г.

В Оренбургской епархии, по данным церковных епархиальных советов, за участие в «дутовщине» и поддержку крестьянских выступлений пострадало более 60 священников, из которых 15 было убито³. Так, согласно приказу № 9 Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией на Восточном фронте, надлежало «подвергать расстрелу каждого из духовенства, несмотря на его сан, кто дерзнет выступить словом или делом против советской власти»⁴.

В пределах Екатеринбургской епархии с 10 июня по 17 октября 1918 г. (по данным, представленным Высшему Временному Церковному Управлению) были убиты разными способами 47 служителей культа, из них 3 протоиерея, 33 священника, 7 дьяконов, 1 псаломщик, 1 просвирня и 2 монашествующих⁵. По сообщениям Екатеринбургского епархиального совета, в это же время тюремному заключению подверглись 25 священников, скрывались от преследований около 50⁶.

¹ *Нечаев М. Г.* Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917–1922. Пермь, 2004. С. 222.

² ?

³ *Нечаев М. Г.* Красный террор и церковь на Урале. Пермь, 1992. С. 4.

⁴ *Абдулов Н. Т.* Уфимская епархия в системе государственно-церковных отношений. 1917–1991 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2006. С. 42.

⁵ *Булавин М. В.* Взаимоотношения государственной власти и Православной Церкви в России в 1917–1927 гг. (на примере Урала): дис.... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. С. 48.

⁶ *Лавринов В.* Екатеринбургская епархия... С. 29.

Репрессии против священнослужителей на Урале с самого своего начала являлись частью агрессивной политики новых властей по подавлению инакомыслия. В монографии «Репрессии против духовенства Екатеринбургской епархии летом 1918 года» нами были выявлены формальные причины репрессий, выделены основные территории, на которых происходили убийства духовенства, и определены части Красной Армии, осуществлявшие террор.

Причинами убийства духовенства могло быть подозрение в организации восстаний; часто крайнее недовольство представителей новой власти вызывал колокольный звон, который во время боевых действий однозначно истолковывался как контрреволюционное действие. Хотя в большинстве случаев колокольный звон использовался духовенством как неотъемлемая часть богослужебной жизни, случаи использования его с целью поддержки народных восстаний также имели место¹. Во многих случаях гибель священнослужителей происходила от действий карательных отрядов, занимавшихся подавлением народных восстаний и возмущений против изъятия хлеба и насильственной мобилизации, а также проведением массовых зачисток. Большинство убийств было совершено при отступлении частей Красной Армии².

В пределах Екатеринбургской епархии наибольшее количество убитых оказалось в приходах, расположенных вдоль железнодорожной линии Шадринск – Синарская (ныне Каменск-Уральский) – Богданович – Егоршино, ставшей основным путем отступления красногвардейских отрядов. Так, в селе Верх-Теченском «отличилась» боевая дружина Т. Г. Анчугова. Вдоль тракта Челябинск–Екатеринбург и в Каслинском заводе действовал Восточный отряд Жебенева и Голубева, отличавшийся особой жестокостью в расправах над мирным населением. Вдоль линии железной дороги того же направления действовал отряд А. Л. Ваньяна и С. В. Мрачковского. После поражения от белочехов 14–15 июля 1918 г. эти отряды отступили к Екатеринбургу.

¹ Вебер М. И. «Громкий по названию, но жалкий по своему делу и печальной памяти»: документы колчаковского следствия об отряде анархиста матроса М. Х. Петрова, 1918 г. // Вестн. музея истории Екатеринбурга. Вып. 2. Екатеринбург, 2016. С. 4–51.

² Лавринов В. Екатеринбургская епархия... С. 176-177.

Непосредственно в районах боевых действий со стороны РККА репрессии осуществлялись красноармейцами всех трех полков Восточной дивизии, воевавших на этом направлении: 4-й и 5-й Уральские полки и более всех отличившийся своей жестокостью 1-й Крестьянский советский полк («Красные орлы»). Репрессии проводились по всему пути отступления из Далматово через Каменский завод на Егоршино, где они были объединены под единое командование П. Н. Подпорина. В населенных пунктах, находившихся в тылу красноармейцев, особой силы репрессии достигли в окрестностях станции Егоршино, где местное население противилось принудительной мобилизации. Особой жестокостью здесь отметился отряд А. О. Павловского. В репрессиях против участников крупных восстаний, главное из которых Невьянское восстание автомобилистов, участвовали карательные отряды П. Жебенева, П. Хохрякова, П. Ермакова и другие.

В сентябрьском номере шадринской «Народной газеты» за 1918 г. была опубликована заметка следующего содержания: «В 20-х числах июля, в лесу около станции Синарской, найдены трупы жертв советской власти: священника села Колчеданского о. Стефана Луканина, 80 лет, дьяконов того же села Гудзовского и Бегмы, Каменского завода протоиерея Василия Победоносцева, 80 лет и неизвестной женщины. Все трупы имеют явные следы издевательств мучителей над беззащитными жертвами. У о. Стефана 19 штыковых ран на теле и левая рука отесана острым оружием, у Гудзовских глаза выколоты, пальцы левой руки заострены, как карандаш, у Бегмы все лицо иссечено, у женщины отрезана грудь. Волосы на головах священнослужителей выдерганы и частью опалены»¹. Тело 70-летнего протоиерея Василия было обнаружено с почти отрубленной головой².

¹ И. М. Станция Синарская // Народная газета. 1918. № 26, 10 сент. С. 4.

² Печерин А. В. Очищение огнем: Репрессии против православного духовенства Екатеринбургской епархии летом 1918 года. Екатеринбург: Урал. церк.-ист. общество, 2016. С. 83.

Существует множество разных подсчетов количества репрессированного духовенства в 1918 году¹. Для определения масштабов репрессий на территории Екатеринбургской епархии (в дореволюционных границах), было подсчитано количество жертв среди священников, дьяконов и псаломщиков. Общее число убитых составляло 50 человек: 39 священников (один из них умер во время ареста), 8 дьяконов и 1 псаломщик. В процентном отношении к общему количеству духовенства епархии на 1915 год (см. таблицу 1.1), масштабы репрессий выглядят следующим образом: всего было убито 3,5 % духовенства, из них священников пострадало 6 %, дьяконов 3,1 %, псаломщиков 0,2 %.

Притеснения духовенства носили во время Гражданской войны по преимуществу локальный характер и были ограничены местами проведения боевых действий. Так, например, в 5-м округе Камышловского уезда, включавшего 18 приходов с 30 клириками (21 священником и 9 дьяконами) было убито шесть священнослужителей (четыре священника и два дьякона), что составляет пятую часть всего клира благочиния.

В районе станции Егоршино красногвардейцы находились почти два месяца. Расстрелы духовенства при этом производились без всякого следствия (даже формального) и какого-либо суда. Главная роль в этих эпизодах принадлежала бойцам 1-го Крестьянского советского полка. Однако известны и другие красногвардейские части и подразделения, дислоцировавшиеся в Егоршино, например, местный железнодорожный отряд под руководством бывшего слесаря А. О. Павловского, который писал в 1930 году следующее: «Меня одно интересует, признает ли Испарт мною организованный отряд красногвардейским отрядом, тоест Егоршинский железнодорожный отряд, или просто бывшей бандой и меня как командира отряда или бывшего атамана банды»² (орфография источника сохранена).

¹ См.: *Печерин А. В. Колесов А. В.* Репрессии против духовенства Екатеринбургской епархии // ГУЛАГ. Начало. Пермь: Пермск. национал. исследовательский политех. ун-т, 2017. С. 169–176 ; *Лавринов В.* Екатеринбургская епархия... С. 176 – 177.

² ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 120. Цит. по: *Жития святых Екатеринбургской епархии.* Екатеринбург, 2008. С. 282–289.

В колчаковских газетах называлось общее число расстрелянного духовенства в Пермской епархии — 123 человека. Среди них: 3 епископа, 19 протоиереев, 44 священник, 6 дьяконов, 4 псаломщика, 44 монашествующих¹. Из сравнения количества пострадавших с общим количеством клира епархии на 1912 год (см. таблицу 1.1) наглядно видно, что репрессии касались в первую очередь более «высокой» части клира: протоиереев пострадало 39 %, священников 7 %, дьяконов 2 %, псаломщиков 1 %.

Ожесточенность репрессий 1918 года иллюстрируют такие примеры: 19 июня 1918 г. был живьем закопан в землю архиепископ Пермский Андроник (Никольский), а в дальнейшем убиты члены комиссии Поместного Собора во главе с черниговским архиепископом Василием, прибывшие в Пермь для расследования обстоятельств ареста владыки Андроника и установления его дальнейшей судьбы². Накануне своего отступления из города, в ночь с 23 на 24 декабря 1918 г., большевики утопили в проруби временно управляющего Пермской епархией епископа Соликамского Феофана (Ильминского) вместе с 7 иеромонахами³.

6–27 октября 1918 г. произошел разгром Белогорского Свято-Николаевского мужского монастыря, самого крупного в Пермской епархии, прозванного Уральским Афоном. Белогорский монастырь находился на территории Осинского уезда, где красный террор отличался невиданной жестокостью. Первый удар принял на себя настоятель Белогорского монастыря архимандрит Варлаам. Его пригласили на собрание в Юго-Осокинский завод, где арестовали и отправили в г. Осу. Там игумена утопили в Каме. Всё монастырское имущество было разграблено. Расстреляно 36 человек, причем убитые монахи были брошены в ямы и залиты нечистотами. 28 октября 1918 г. в Пермь под конвоем доставили 102 белогорских насельников, мобилизованных для принудительных работ. Многие из них в дальнейшем погибли или пропали без вести⁴.

¹ Нечаев М. Г. Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917–1922. Пермь, 2004. С. 210.

² Нечаев М. Г. Красный террор и церковь на Урале. Пермь, 1992. С. 8.

³ Он же. Церковь на Урале в период великих потрясений. С. 220.

⁴ Там же.

На территории современной Челябинской области первые убийства священнослужителей относятся ко времени подавления Каслинского восстания, когда были невинно убиты трое священнослужителей и более сотни жителей Каслей. Информация об этих страдальцах, также как и о других священно- и церковнослужителях, убитых накануне и в начальный период Гражданской войны, встречается только в метрических книгах и в воспоминаниях участников тех событий, и исследована недостаточно. Первые следственные дела в отношении репрессированных священнослужителей стали заводиться с 1919 года, когда было заведено пять следственных дел, четверо осужденных были приговорены к расстрелу, а один, обвиненный, как и другие, в контрреволюционной деятельности, получил пять месяцев принудительных работ. В 1920 году было заведено три следственных дела по контрреволюционной деятельности. Один священник был приговорен к расстрелу, а двое получили сроки по 5 и 3 года. В 1921 году один из пяти репрессированных получил три года, остальные четверо были расстреляны.

Итак, за первые четыре года существования советской власти на территории современной Челябинской области пострадало (по известным на сегодняшний день данным) 16 человек, что составляет 3,9 % от общего количества репрессированных «церковников». Данный период, исключая 1937–1938 гг., характеризуется наибольшим количеством случаев применения высшей меры наказания (ВМН). С 1918 по 1921 гг. здесь было вынесено 12 смертных приговоров по отношению к служителям церкви, тогда как с 1922 по 1940 гг. (исключая годы Большого террора) — пять.

Окончательное занятие Урала Красной Армией привело к массовому исходу населения вместе с отступавшей Белой Армией в Сибирь и на Дальний Восток. Масштаб «исхода» духовенства еще недостаточно исследован. По оценке, проведенной исследователем Гражданской войны на Урале А. М. Кручининым, накануне занятия г. Екатеринбурга дивизией под командованием В. М. Азина 14 июля 1919 г., город покинула почти треть жителей: 26 тыс. из 83 тыс. Это данные по городу Екатеринбургу в его границах на 1919 год (без Верх-Исетского, Нижне-Исетского, Уктусского заводов, с. Шарташского и других населенных пунктов, вошедших в состав города позднее). Из 200 врачей в городе осталось только 10; город покинули почти

все преподаватели горного университета и гимназий, большая часть музыкантов, артистов, деятелей театра; богатые и состоятельные люди. По мнению А. М. Кручинина, всего с территории Большого Урала (включающего Вятскую, Уфимскую, Оренбургскую и другие уральские губернии) ушли сотни тысяч человек¹. Д. В. Олихов оценивает количество беженцев духовного звания, находившихся на востоке страны, в 3000 семей²; большинство из этих лиц пришли на восток с территории Большого Урала.

О масштабах беженства духовенства отдельных уездов и волостей можно судить по ряду документов. Масштабы исхода зависели от конкретных обстоятельств на местах. Наиболее наглядно это можно продемонстрировать на примере Красноуфимского уезда. Здесь еще в июне 1918 года вспыхнуло антибольшевистское восстание, которое так и не было подавлено красноармейскими карательными отрядами и продержалось до прихода Белой Армии. Клировые ведомости приходов Красноуфимского уезда, сохранившиеся почти в полном составе в Пермском архиве, позволили сделать вывод о том, что при отступлении белых в 1919 году уезд покинуло большинство духовенства.

Из 7 приходов градо-Красноуфимского благочиния изменения в связи с бегством клира коснулись в той или иной степени всех. Священники дореволюционного рукоположения остались в селах Нижний Потам, Верх-Карзинском и Инчигуловском, но в этих приходах низшие члены причтов либо совсем отсутствовали, либо появились после 1919 года. В 1-м благочинном округе Красноуфимского уезда к 1920 г. из 15 причтов только один, в с. Ачитском, остался в полном составе. Еще в пяти приходах (Верх-Тисинском, Кленовском, Тисовском, Утинском, Сокольском) осталось по одному священнику, но с прихода ушли другие члены причта. Оставшийся в с. Сокольском священник был привлечен к принудительным работам. Во 2-м благочинном округе Красноуфимского уезда из 22 приходов причт в полном составе остался лишь в с. Ключевском. В селах Журавлевском, Бреховском

¹ Кручинин А. М. Белый Екатеринбург (1918–1919): армия и власть. Екатеринбург, 2018. С. 289–290.

² Олихов Д. В. Создание и деятельность Временного высшего церковного управления Сибири (1918–1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2014. С. 156.

и Петропавловском остались только священники, остальные члены причта (в т. ч. второй священник в двухштатном с. Петропавловском) бежали¹. По 3-му благочинному округу имеется неполная картина, содержащая материалы только 8 приходов. В подшивке клировых ведомостей 3-го округа Красноуфимского уезда за 1921 г.², находится информация только о двух приходах: в одном из них был новый причт, сформированный после ухода белых, в другом остался только священник, место псаломщика было вакантным. Все священники, служившие в 1922 году в заводе-Уткинской Покровской церкви, начали служение на приходе после 1920 г. Священники 5 церквей 3-го округа Красноуфимского уезда начали служение на этих приходах не ранее 1921 года³. Таким образом, в 52 приходах Красноуфимского уезда осталось 14 священников, а полный причт сохранился только в двух.

Анализ метрических книг Туринского уезда, сохранившихся в Государственном архиве Свердловской области за 1919 г. почти в полном составе, позволил сделать вывод о том, что из 38 приходов, вошедших впоследствии в состав Свердловской области, с белыми ушли священники 19 приходов. Туринский уезд, в отличие от Красноуфимского, представлял относительно спокойную картину. В 1918–1919 гг. здесь не было сколько-нибудь значительного числа расправ над духовенством и антибольшевистских восстаний, однако с белыми ушла половина священнослужителей. В Красноуфимском уезде, где ситуация была специфической, приходы покинули более 70 % священников. В целом же изменения состава причта в Красноуфимском уезде, по имеющимся данным, коснулись более 95 % приходов⁴.

Из имеющейся в нашем распоряжении далеко не полной базы источников по храмам Екатеринбургской епархии (в границах 1917 г., без учета Туринского и Красноуфимского уездов) удалось выявить 70 приходов, духовенство которых

¹ ГАПК. Ф. 542. Оп. 1. Д. 9. Л. 1, 39 об.–40, 75 об.

² Там же. Д. 16.

³ ГАПК. Ф. 542. Оп. 1. Д. 15.

⁴ Печерин А. В., Мангилёва А. В. Массовое бегство духовенства на Урале в 1919 г. и его последствия // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 3(23). Екатеринбург, 2018. С. 138–166.

ушло в Сибирь с армией Колчака¹. По большинству из 600 храмов епархии сведений за этот период не обнаружено.

О массовом уходе духовенства в Камышловском уезде имеются такие свидетельства: в с. Водолазовском Камышловского уезда 12 июля 1919 г. умерла девятимесячная дочь псаломщика Димитрия Филиппова, и в метрической книге указано: «По случаю ухода местного священника и иереев ближайших сел с армиями адмирала Колчака, надгробное пение младенческое и погребение исправлено псаломщиком»².

Недостаток духовенства в окрестностях Режевского завода Екатеринбургского уезда привел к тому, что единственный оставшийся в округе священник совершал службы и требы в семи приходах, по одному на каждый день недели. В послужном списке священника К. Д. Пономарёва, служившего с 25 марта 1919 г. в Кривской Богоявленной церкви, сообщается: «Во время гражданской войны, ввиду отступления многих священнослужителей в Сибирь, согласно распоряжения епископа Григория³, исполнял на правах входящего обязанности священника при нижеследующих церквях: Покровской церкви села Покровского Ирбитского округа, Космо-Дамиановской церкви села Останинского, Крестовоздвиженской церкви села Леневого, Петро-Павловской церкви села Аромашковского, Христорождественской церкви села Липовского и Успенской единоверческой церкви Режевского завода»⁴.

Списки лиц, бежавших с белогвардейцами, составлялись волостными исполкомами в 1919 году. В Бобровской и Кисловской волостях Екатеринбургского уезда

¹ Там же.

² ГАСО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 277 (Метрическая книга Златоустовской церкви села Водолазовского за 1919 год). Л. 137 об.–138.

³ Григорий (Яцковский) — епископ Екатеринбургский и Ирбитский (с 17 ноября 1917 г.). В 1922 г. был арестован по обвинению в соучастии с А. В. Колчаком и антибольшевистской деятельности. В 1925 г. условно-досрочно освобожден из заключения, спустя несколько месяцев возглавил Временный Высший Церковный Совет, созданный под эгидой ОГПУ в противовес структуре заместителя Патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского).

⁴ ЦГАУР. Ф. 245. Оп. 5. Д. 175. Л. 46.

все священники покинули приходы вместе с семьями: из с. Косулино и Бобровского (Бобровской волости) священники Михаил Иванов и Василий Топорков¹, «священник села Кисловского бежал с белыми, его дом занят под исполком»².

Причины массового бегства духовенства с приходов были обусловлены рядом факторов. Ведущую роль играл страх повторения репрессий. В церковной прессе того времени можно встретить множество статей с характерным названием: «Зверское убийство», «Жертвы большевизма», «Гонения и расстрелы духовенства», «Мученики иереи»³, с соответствующим содержанием. На территории, подконтрольной белым, религиозная пропаганда являлось одним из важных факторов идеологической борьбы⁴. Духовенство как активно вело пропагандистскую деятельность, так и само в большей степени было средой, в которой антибольшевистские настроения приобретали характер глубокой убежденности. Летом – осенью 1919 г. антибольшевистские публикации приобретают больший религиозно-мистический контекст, возрастают апокалиптические и эсхатологические мотивы. В них большевики ассоциировались с «царством зверя». При этом всячески подчеркивался религиозный характер белого движения⁵.

Нарастанию страхов среди духовенства способствовали массовые акции, устраиваемые епархиальной властью. К таковым можно отнести «вечера скорби», инициированные впервые в Шадринске, на которых зачитывались сообщения о зверствах большевиков, присутствовали семьи погибших, выступали свидетели и оставшиеся в живых жертвы террора. К таким акциям можно отнести и торжественные похороны «жертв большевизма». Для большей символичности белые власти шли даже на некоторые нарушения традиций: убитые священнослужители часто

¹ Список лиц, бежавших с белогвардейцами, волостных исполкомов Екатеринбургского уезда // ГАСО. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 644. Л. 4.

² Там же. Л. 14.

³ *Печерин А. В.* Очищение огнем: Репрессии против православного духовенства Екатеринбургской епархии летом 1918 года. Екатеринбург, 2016. С. 160–163.

⁴ *Сушко А. В.* Использование колчаковским режимом религиозных чувств населения в годы гражданской войны // Омский научный вестник. Исторические науки. 2012. № 5 (112). С. 7–10.

⁵ *Луков Е. В. Шевелев Д. Н.* Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920) Томск, 2007. С. 155.

хоронились не на приходах и отдельным чином, а рядом с другими убитыми в местах братских захоронений. Иногда для таких «братских захоронений» могилы уже похороненных без торжественного погребения священников вскрывались. Так, например, было положено в братскую могилу при массовом скоплении народа в Верх-Теченском волостном центре тело убитого и уже к тому времени похороненного в селе Песчано-Калединском священника Алексия Архангельского¹. Одной из обязательных черт погребений священников при белых было присутствие большого числа духовенства на похоронах.

Причины беженства духовенства можно узнать из «Анкет лиц, вернувшихся из районов, занятых армией Колчака», где возвратившиеся в 1919 г. на родину объясняли причины своего ухода с белыми. Приведем некоторые из них. Дьякон Сретенской церкви г. Ирбита Василий Степанович Киселев: «Бежал с белыми по причине волны беженцев и террора расстрелов 1918 года»², священник единоверческой церкви с. Яланского Шадринского уезда Федор Михайлов Луговых: «Выехал с Урала 18 июля 1919 года — от страха террора красных. <...> Не имел желания оставаться, т. к. ясно узнал, что советская власть никого без причин не трогает»³. Священник Черемховского села, Камышловского уезда Анатолий Филаретов Порошин: «Выехал с Урала 14 июля 1919 года. Бежал по причине боязни террора... Сочувствующий к большевикам»⁴. Дьякон той же церкви Николай Дмитриевич Топорков: «Был дьяконом до бегства с Колчаком. Причина бегства — паника и газетные слухи»⁵, жена священника с. Гарашинское Первушина: «Уехала от страха перед красноармейцами и их террором»⁶. Псаломщик села Турьинские Рудники Филарет Васильевич Словцов: «Уехал с белыми под влиянием вздорных слухов о терроре Красной Армии над духовенством»⁷.

¹ Там же. С. 40.

² ЦГАУР. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 90. Л. 733 об.

³ Там же. Л. 206.

⁴ ЦГАУР. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 90. Л. 204 об.

⁵ Там же. Л. 205 об.

⁶ Там же. Л. 501.

⁷ Там же. Л. 477.

Страх перед красным террором был оправдан по причине активной позиции Церкви в поддержке белого движения¹. В январе – феврале 1919 года по передовым линиям Пермско-Уфимского фронта действовал проповеднический отряд, созданный в Омске. В Челябинске этот отряд произнес 7 проповедей. Успех этой деятельности в рядах Белой Армии привел к организации нескольких проповеднических передвижных отрядов. В одном из них служил будущий Свердловский епископ Стефан, тогда протоиерей, Николай Знамировский. В октябре была введена должность епископа армии и флота, которую занял Пермский епископ Борис. По данным Н. Ф. Каткова, количество духовенства, состоявшего в ведении главного священника, а затем епископа армии и флота, составляло более двух тысяч человек. Цифра эта требует подтверждения, но сам факт активного привлечения духовенства в ряды действующей армии является неоспоримым и подтверждается множеством частных примеров.

Активно поддержал белое движение известный в Екатеринбурге священник Екатерининского собора прот. Иоанн Сторожев. Назначенный благочинным военного духовенства всех полковых частей Уральской области, он впоследствии эмигрировал с Белой Армией в Харбин². Некоторые из духовенства перешли на должности полкового духовенства белых, будучи полковыми священниками уже во время Первой мировой войны. Так, священник с. Арамильского Вениамин Алексеевич Крутиховский указал в своей анкете: «Во время занятия Урала Колчаком — полковой священник, а потом священник лазарета»³. Священник Симеоновской

¹ Олихов Д. В. Организация проповеднических отрядов в Сибирской армии адмирала А. В. Колчака Временным Высшим Церковным управлением Сибири // Армия и общество. 2014. № 1 (38). С. 81–83 ; Новикова Т. М. Православная Церковь и правительство А. В. Колчака // Вестник ИрГТУ, 2010. № 4. (44). С. 268–272.

² Известия Екатеринбургской Церкви. 1918. № 14. С. 259–260.

³ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 90. Л. 806.

церкви-школы в Екатеринбурге о. Александр Лукин был откомандирован в распоряжение военного ведомства еще в 1916 году, затем, будучи уже полковым священником в Белой Армии, оказался в Маньчжурии¹.

Вступление в ряды полкового духовенства было по преимуществу добровольным актом, хотя сохранились свидетельства о принудительной мобилизации низшего духовенства. В клировой ведомости с. Быковского Красноуфимского уезда была найдена запись о подобном случае: «Псаломщик Георгий Павлович Качанов, 37 лет <...>. С 18 июня 1919 года мобилизован белыми и не возвратился по настоящее время»². Как исключение, могли встречаться случаи принуждения к отъезду. Довольно путаный рассказ священника с. Клевакинского Константина Ивановича Липина в анкете лиц, вернувшихся из районов, занятых армией Колчака, предполагает именно такой вывод³.

Причиной ухода могла послужить активная поддержка духовенством Белой Армии, активное сотрудничество с армией Колчака по борьбе с большевизмом на местах, вступление в должности полковых священников при лазаретах, госпиталях и тюрьмах во время белого правительства. В соответствии с циркуляром Верховного главнокомандующего, подписанного в июле 1919 г., духовенство на местах должно было вести осведомительную работу⁴.

В дальнейшем многие из клириков замалчивали факты сотрудничества или службы в Белой Армии, а также факт отступления с белогвардейскими частями из-за боязни обвинения в контрреволюционности. Так, например, в послужном списке дьякона Нижне-Исетского завода Симеона Иаковлевича Евдокимова говорится о службе в шадринской Князь-Владимирской церкви до 15 июля 1919 г., следующая запись о службе в г. Петропавловске с 13 ноября 1919 г по 2 октября 1920 г., после

¹ Из епархиальной жизни // Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1916. № 28. Отд. неофиц. С. 231 ; *Демаков И. Н.* Русская Православная Церковь в Маньчжурии: страницы истории // Православие на Урале: связь времен: материалы IV межрегион. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2015. С. 65.

² ГАПК. Ф. 542. Оп. 1. Д. 7. Л. 27 об.

³ ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 90. Л. 772.

⁴ *Луков Е. В., Шевелев Д. Н.* Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920). Томск, 2007. С. 146–155.

чего дьякон снова возвращается в родные места. Причина, по которой дьякон в 1919 г. оказывается в Западной Сибири, не указывается¹. Сведения о службе священника Александра Ершова при тюремной церкви в Кунгуре удалось обнаружить только в документах церковного делопроизводства 1921 года².

Благодарственная литургия в честь освобождения от красных и напутственный молебен отряду Н. Н. Казагранди стали одной из главных причин ухода с Белой Армией и дальнейшей эмиграции в Харбин священника Михайло-Архангельской церкви Кушвинского завода Константина Николаевича Архипова³. Если «провинившийся» перед советской властью, но вернувшийся в Екатеринбург священник Архипов в 1923 г. служил в обновленческой церкви, то для не принявших советскую власть в России по идеологическим причинам оставался единственный путь — дальнейшая эмиграция. Среди таких священников были клирик Верхнейвинской Никольской церкви Иоанн Алексеевич Рубан, эмигрировавший во Францию⁴, игумения Чердынского Иоанно-Богословского монастыря Руфина (Кокорева) и монахиня Ариадна (Мичурина), протоиереи Иоанн Сторожев, Аристарх и Николай Пономаревы и многие другие представители уральского духовенства, составившие цвет российской эмиграции⁵.

При этом А. Н. Кашеваров и Д. В. Олихов отмечают, что, несмотря на активное участие Церкви в идеологической работе на службе белой власти, большинство духовенства на территории, подконтрольной белым, было глубоко аполитично. Для многих белая власть вызывала сочувствие лишь потому, что она сохраняла положительное отношение к Церкви в отличие от «безбожной» советской. Поэтому среди основных причин бегства большинства духовенства стала подверженность идеологической пропаганде и страх повторения красного террора. Так, например,

¹ ЦГАУР. Ф. 245. Оп. 5. Д. 171. Л. 3–3 об.

² См.: Крест архипастыря: материалы к биографии священномученика Аркадия (Ершова), епископа Екатеринбургского. Екатеринбург, 2015. С. 18.

³ Дмитриев С. Н. Реэмиграция протоиерея Константина Архипова как редкий феномен на переломе эпох // Православие на Урале: связь времен. С. 75.

⁴ Кручинин А. М. Невьянский набат: народное восстание на Среднем Урале в июне 1918 г. Екатеринбург, 2010. С. 151.

⁵ Иван Владимирович Сторожев: юрист и пастырь в XX веке. Альбом семейных фотографий и документов. М., 2017 С. 22.

в 1919 году покинули свои приходы вновь назначенные причты сел Мироновского и Колчеданской Сретенской церкви, где ранее было убито все духовенство.

Отметим, что страхи, способствовавшие массовому исходу священнослужителей, оказались преувеличенными. В 1919 году на Урал пришла Красная Армия, имевшая психологический настрой побеждавшей армии, и в воинских частях удалось наладить дисциплину. Политика большевиков, крайне жестокая к противникам в 1917–1918 гг., в 1919 году стала более гибкой, чтобы не озлоблять колеблющихся, к которым относилась основная масса крестьян, часть рабочих и часть интеллигенции. К священнослужителям, обвиненным в контрреволюционных выступлениях и пособничестве, при этом, как правило, применялись аресты, заключения в лагеря и отправка на принудительные работы. Высшая мера наказания при этом продолжала применяться, но количество расстрелянных значительно снизилось (по Екатеринбургской епархии в 1919–1920 гг. – 5 случаев¹).

Со второй половины 1919 года многие из ушедших с А. В. Колчаком и не смогших устроиться в Сибири, стали возвращаться в родные края. Возвращение духовенства на Урал происходило вплоть до 1922 года. Завершению этого процесса способствовало открытие свободного железнодорожного сообщения по территории Сибири.

1.3 Приходское духовенство в условиях репрессивной политики 1921–1936 гг.

1921 год явился на Урале этапом, завершающим период репрессий, связанных с гражданской войной. Период НЭПа характеризуется ослаблением репрессивной политики государства по отношению к Церкви. И. А. Курляндский² оценивает 1923–1926 гг. с использованием понятия «религиозный НЭП». Для Урала этот период (в 1922 по 1926 гг.) характеризовался значительным ослаблением репрессивной политики, что отразилось в уменьшении арестов духовенства. Так, в пределах

¹ Лавринов В. Екатеринбургская епархия... С. 177.

² Курляндский И. А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М., 2011.

современной Челябинской области было осуждено 11 человек, что составляет менее 2,7 % к общему количеству репрессированных «церковников», ни одного смертного приговора в эти годы не было вынесено¹. Статистика по соседним областям выглядит схожим образом: в Башкирии было осуждено 13 человек², на территории Свердловской области 10, на территории будущей Курганской области — 1 человек³, будущего Пермского края — ни одного.

В период НЭПа со стороны государства началась поддержка обновленческого раскола. Одновременно внутри церковной среды создавалась система доносительства. Согласно имеющимся свидетельствам, количество осведомителей среди служителей Церкви в Советском Союзе выросло с 400 в 1923 году до 2500 в 1931 году⁴.

В 1926 году достаточно большое распространение на Урале получает Временный Высший Церковный Совет, получивший в современной историографии название Григорьевского раскола — по имени архиепископа Свердловского Григория (Яцковского). Церковные расколы в разрезе государственно-церковных отношений достаточно хорошо изучены, однако стоит отдельно отметить их роль в изменении характеристик всей совокупности духовенства. Из-за появления нескольких автономных центров церковной жизни у духовенства появляется возможность выбора юрисдикции, каждый архиерей старался увеличить штат духовенств не только за счет приема клира из других епархий и юрисдикций, но и за счет рукоположения новых клириков. В результате повысилась миграция духовенства и увеличился его численный состав. Но за счет массового беженства в Гражданскую войну и перехода на гражданскую службу численность духовенства в сравнении с дореволюционным снижается. Так, в Екатеринбургской епархии численность духовенства к 1915 году составляла 1417 человек, из которых 911 священников и дьяконов

¹ См. ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 793; 7148; 9746; Оп. 4. Д. 9527.

² Посчитано по: БД ПСТГУ. URL: http://www.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans.

³ Церковный староста из д. Мезенцево Щучанского р-на А. П. Буньков (БД ПСТГУ. URL: http://www.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans).

⁴ *Веденеев Д.* Покаяние инквизитора [Электронный ресурс] // Отрок.ua: правосл. журнал для молодежи. 2017. № 5 (86). URL: http://otrok-ua.ru/sections/art/show/pokajanie_inkvizitora.html

и 506 псаломщиков (см. табл. 1.1), к 1926 году на территории Свердловской епархии (ненамного отличавшейся от территории от дореволюционной Екатеринбургской епархии) служило 1046 представителей духовенства (284 псаломщика и 762 священника и дьякона). Таким образом, количество духовенства сократилось на четверть (26 %). Причем сокращение священнослужителей произошло незначительно — на 16,3 %, а количество псаломщиков уменьшилось почти наполовину — до 45,9 %.

В 1926 году была принята новая редакция УК РСФСР с многочисленными изменениями и дополнениям статьи 58-й (ответственность за контрреволюционную деятельность), расширенной до 14 пунктов. Эта статья в период с конца 20х до конца 30х гг. была применена к большинству осужденных представителей уральского духовенства.

Новая волна репрессий была связана с окончанием НЭПа и новым курсом государства на форсированную индустриализацию и коллективизацию. Репрессии этого периода захватили в большей степени сельскохозяйственные районы. Так, если на территориях современных Челябинской области и Пермского края в эти годы приговорено к различным срокам соответственно 27,6 % и 29,3 % от общего числа «церковников», репрессированных в советскую эпоху, то на территориях Башкирии и Курганской области соответствующий показатель составил 49 % и 35,5 % соответственно¹. В этот период начинается массовое закрытие церквей. Большинство духовенства в итоге оказывается без возможности продолжать священническое служение.

В связи с тем, что проведение коллективизации и массового закрытия церквей привели к обострению ситуации в стране и негативной реакции мировой общественности, партийно-государственное руководство приняло некоторые меры для разрядки обстановки. 14 марта 1930 г. Центральный Комитет ВКП(б) выпустил постановление «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении»,

¹ База данных репрессированного духовенства Урала (1918–1946 гг.) // см. ссылку 1 на С. 34-35.

в котором закрытия в административном порядке церковей были признаны перегибами¹. Однако на Урале смягчения антирелигиозной кампании практически не произошло, и практика закрытия церковей сохранилась неизменной. Количество храмов, действующих в Уральской области на начало 1930 года см. в табл. 1.4.

Указанные в таблице округа в целом тождественны территориям уездов, входивших в состав Екатеринбургской епархии в 1917 г. (кроме Шадринского округа, включавшего территории двух бывших уездов — Шадринского и Камышловского).

Таблица 1.4

Количество церковей по округам Уральской области на 1930 год*

Территория	Староцерковнических ²	Обновленческих	Всего церковей
Свердловский округ	144	61	205
Тагильский округ	164	48	212
Ирбитский округ	54	166	220
Шадринский округ	185	21	206
Всего:	547	296	843

* Источник: *Лавринов В.* Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы... С. 58.

14 мая 1931 г. был закрыт Воскресенский собор г. Уфы³, 9 сентября 1931 г. — Христорождественский собор г. Челябинска⁴. Вскоре после этого оба храма были снесены до основания. В Оренбурге в мае-июне того же года закрыли 6 церковей (в том числе Казанский собор), причем три из них после этого немедленно

¹ *Лавринов В.* Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы... С. 62.

² К категории староцерковнических отнесены церкви «сергиевской», «григорьевской», «автокефальной андреевской» юрисдикций.

³ ЦГИА РБ. Ф. 394. Оп. 2. Д. 2052. Л. 1. Цит. по: *Сергеев В. П., прот.* Открытое почитание святынь в Уфимской епархии в условиях репрессий 1930-х годов // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 31. С. 126–135.

⁴ *Антипин Н. А.* Православные храмы Челябинска: история и современность. Челябинск: Авто Граф, 2015. С. 51.

начали разбирать¹. В 1932 году закрылся Спасо-Преображенский собор в г. Перми, которому, однако, суждено было уцелеть (единственному из всех дореволюционных кафедральных соборов Урала) — благодаря тому, что его здание заняла картинная галерея². В том же 1932 году были закрыты Преображенский собор г. Невьянска, Свято-Троицкий собор г. Верхотурья, Свято-Троицкий собор г. Алапаевска, Покровский собор г. Камышлова³.

Статистика действующих церквей по Свердловской епархии до 1929 года показывает, что вплоть до 1929–1930 гг. закрытие храмовых зданий в Свердловской области не носило массового характера. В 1914 году в Екатеринбургской епархии действовала 591 церковь⁴, из них 17 домовых, 2 походных и 56 приписных, где не было собственного причта. В это число не входило 78 строящихся церквей. Кроме того действовало 725 часовен и молитвенных домов. Согласно отчету по антирелигиозной пропаганде в Свердловской области, до революции на территории области действовало 880 церквей⁵. В 1930 году, по данным В. В. Лавринова, в четырех округах Уральской области, соотносимых с территорией Екатеринбургской епархии, действовало 843 церкви. В пермской части Уральской области, согласно подсчетам исследователей на основе архивного справочника «Из истории религии в Прикамье», на территории Пермской области с 1918 до 1928 гг. было официально закрыто всего 15 церковных зданий (в расчет не принимались домовые церкви, закрытые в первые годы Советской власти)⁶.

¹ Оренбуржье православное: история и современность. Оренбург, 2014. Цит. по: *Сорокина С. Е.* Гонения советского периода в Оренбургской епархии [Электронный ресурс]. <http://baklykov.info/pravoslavie/goneniya-sovetskogo-perioda-v-orenburgskoj-eparhii.html> (дата обращения: 02.02.2017).

² Популярная энциклопедия Пермского края: Сборник полезных краевед. сведений / [Автор проекта А. Ф. Старовойтов; ред. Т. И. Быстрых]. Т. 1. Пермь, 2006. 200 с., С. 166.

³ *Лавринов В., прот.* Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. Екатеринбург, 2001. С. 63.

⁴ Справочная книжка Екатеринбургской епархии за 1915 г. С. 3 ; Отчет о состоянии Екатеринбургской епархии за 1914 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2636. Л. 19.

⁵ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 452. Л. 58.

⁶ *Нечаев М. Г.* Из истории Пермской епархии // Храмы Пермского края. Историко-краеведческое издание. Фотоальбом. Пермь, 2010. С. 23.

Кампания по закрытию храмов, начатая в 1929 году, на Урале вступила в активную фазу в 1931 году. В условиях проводившейся коллективизации, отмечается рост числа арестованного и осужденного духовенства. Так, В. В. Лавринов по Свердловской епархии с 1929 по 1934 гг. насчитывает 105 человек. Анализируя их возраст, автор говорит о преобладании арестованных лиц в возрасте от 40 до 60 лет, а в отношении их местожительства приходит к выводу о преобладании сельского духовенства. В. В. Лавринов уточняет, что данных об общем количестве духовенства в Свердловской области и об удельном весе сельского духовенства за эти и последующие годы не сохранилось.

Н. Т. Абдулов в своей диссертации показывает прямую связь между закрытием храмов и уменьшением количества духовенства. По его данным, в 1929 году в Уфимской епархии было 393 православных прихода и 1017 представителей духовенства; в 1931 году — 183 церкви и около 220 представителей духовенства¹. Приводя статистику, Н. Т. Абдулов не уточняет, включает ли он в это число псаломщиков. Согласно базе данных Православного Свято-Тихоновского университета², в Башкирской АССР с 1929 по 1931 гг. включительно было репрессировано 229 представителей клира, монашествующих и работников церкви. Из них 163 представителя духовенства (епископов, священников, дьяконов и псаломщиков). Таким образом, «естественная» убыль, связанная с оставлением служения в церкви, для духовенства Башкирии составляла за три первых года коллективизации более половины от общего числа.

При этом динамика закрытия церквей и количества духовенства, приводимая большинством исследователей, нуждается в проверке или уточнении. Часто она основывается на отчетах партийных органов, которые принимаются без критики. В статистике по закрытию церквей часто спутаны культовые здания всех конфессий и православные церкви, данные по областям и по епархиям, количество действующ-

¹ Абдулов Н. Т. Уфимская епархия в системе государственно-церковных отношений: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2006. С. 80, 93.

² Подсчитано автором по: БД ПСТГУ URL: http://www.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans.

щих церквей с количеством закрытых и т. п. В статистике духовенства часто указаны представители только одной ориентации; под духовенством понимаются то священники и дьяконы, то в это число включаются псаломщики. Однако общие тенденции по закрытию храмов и сокращению числа духовенства просматриваются.

Период голода 1932–1933 гг. отмечен очередным усилением репрессий против сельского духовенства. В Челябинской области, большинство обвинительных приговоров в 1933 году (34 из 42) было вынесено против духовенства и церковного актива сел и деревень¹. Второй репрессивной тенденцией этого периода стала массовая компания против церковно-монашеских общин. Из 54 монашествующих, осужденных на территории будущей Челябинской области за весь советский период, за четыре года коллективизации, с 1929 по 1933 год было осуждено более половины — 29 человек². Продолжали подвергаться преследованию полулегально сохранявшиеся общины ранее закрытых монастырей. Так, в Верхотурье после закрытия Покровского женского монастыря сестры большей частью сосредоточились при Верхотурской Знаменской церкви, ставшей центром нелегальной общины. В результате проведенной чекистами оперативной разработки «Историческая гниль», несколько верхотурских священников и около 80 монахинь в 1932 г. было выслано в Казахстан и Западную Сибирь, а архимандрит Ксенофонт (Медведев) получил лагерный срок³.

15 мая 1932 г. в стране было объявлено о начале «безбожной пятилетки». Союз воинствующих безбожников наметал в первый год добиться закрытия всех духовных школ (тогда еще сохранялись богословские школы у обновленцев), во второй — провести массовое закрытие церквей, запретить написание религиозных сочинений и «изготовление предметов культа», на третий год — выслать всех служителей культа за границу (в реальной обстановке тех лет «заграница» понималась,

¹ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 336; 1587; 1591; 2226; 2425; 4543; 4704; База данных ПСТГУ URL: http://www.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans.

² ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 336; 793; 1587; 1592; 1660; 1942; 2138; 2425; 3128; 8823; 9931.

³ Лавринов В. Екатеринбургская епархия... С. 63–64.

конечно, как эвфемизм), на четвертый — закрыть остающиеся храмы всех религий и, наконец, на пятый — закрепить достигнутые успехи¹. В 1933 году в Свердловской области было проведено массовое закрытие часовен (не менее 117 только в Ирбитском округе)². В том же году в Прикамье было осуждено по политическим обвинениям более 245 членов Истинно-Православной Церкви³.

Для разорения общин с целью последующего закрытия церквей власти повсеместно применяли завышенное налогообложение. Особо активное духовенство выселялось из городов в ходе всеобщей паспортизации населения 1933–1934 гг.

В начале 1934 года в РСФСР изменилось территориальное деление. Уральская область была разделена на три области: Свердловскую (включавшую и современный Пермский край), Челябинскую (включавшую и современную Курганскую) и Обско-Иртышскую (примерно соответствовавшую нынешней Тюменской). Из бывшего Средне-Волжского края выделилась Оренбургская область. В связи с этим решением митрополита Сергия (Страгородского) и Синода изменились и границы уральских епархий⁴. Вышел также указ обновленческого Синода о разделении Уральской митрополии на две: Свердловскую и Челябинскую⁵.

В 1935 году произошел разгром «сергиевской» Пермской епархии. Властями по надуманным обвинениям в антисоветской деятельности были арестованы все 19 священнослужителей Перми и Мотовилихи (Молотово). В числе подсудимых был и архиепископ Пермский Глеб (Покровский). 1 апреля 1936 г. подсудимые услышали приговор. Владыке дали 10 лет лагерей, но в дальнейшем (спустя полтора года) он был расстрелян. Игумен Иоанникий (Лихачев), служивший в мотовилихинском Свято-Никольском храме на Второй Вышке, также был приговорен к 10

¹ *Цыпин В.* История Русской православной Церкви. М. 1994. С. 103.

² *Лавринов В.* Екатеринбургская епархия... С. 64.

³ *Нечаев М. Г., Уткин С. В.* Исполнение приказа № 00447 в среде православных Пермской епархии // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 270.

⁴ *Лавринов В.* Екатеринбургская епархия... С. 65.

⁵ Там же. С. 66.

годам — только за то, что помянул в церкви Императора Николая II. После этого Пермская епархия оставалась без владыки вплоть до 1943 года¹.

В 1935 году властями был ликвидирован последний в Свердловской области нелегальный монастырь в д. Сирбишиной Невьянского района. (Официально этот монастырь не действовал с 1924 года) При его окончательном закрытии было арестовано 15 человек, из них больше половины привлечено к уголовной ответственности².

В этот период в жернова репрессивной машины все чаще стали попадать обновленцы. В прежние годы советская власть их использовала в своих целях, но теперь настал их черед. В 1935 году по политическим обвинениям был арестован ряд обновленческих руководителей, среди них архиепископ Пермский Сергей (Иванцов)³.

Продолжалось закрытие храмов. Если в 1934 году в Свердловской епархии было закрыто не менее 12 церквей различных ориентаций, то в 1935 году их количество составило не менее 46, а в 1936 году — не менее 28⁴. В Кунгурском районе, отличавшимся большим количеством церквей, в ноябре 1935 г. было создано специальное оргбюро, занявшееся исключительно закрытием церквей, которых в итоге за период до 1 апреля 1936 г. было закрыто 24⁵.

В результате закрытия церквей, различных репрессивных мер (лишение избирательных прав, непомерное налогообложение с последующей конфискацией имущества, уголовное преследование...), редкого совершения рукоположений количество священнослужителей в 1926–1936 гг. массово снижалось. В Свердловской епархии в этот период число священников и дьяконов сократилось более чем

¹ *Вяткин В. В.* История Пермской епархии в XIX – начале XXI века: формы и методы церковной деятельности, государственно-церковные отношения: дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2005. С. 191–192.

² *Лавринов В.* Екатеринбургская епархия... С. 64.

³ Там же. С. 67.

⁴ Там же. С. 68.

⁵ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 375. Л. 63 об.

вдвое — с 762 до 310¹. Из 452 клириков, переставших служить в церкви, подверглись заключениям и ссылкам 117 человек (110 священников, 7 дьяконов) — четвертая часть. 335 человек перестали служить в результате закрытия храмов, отказа местных органов власти в регистрации, выхода за штат и других причин.

Сокращение числа епархий к середине 1930-х гг. привело к тому, что служение в церкви прекращают не только священники, но и архиереи. Прекращение служения в документах, как правило, обозначено «выходом за штат». Переход на гражданскую работу среди епископата был достаточно редким явлением. Как исключение можно отметить обновленческого архиепископа Константина (Прокопьева), работавшего счетоводом и арестованного в 1938 году в Кургане. Чаще всего неслужившие архиереи продолжали содержаться прихожанами. Например, схиэпископ Петр (Ладыгин), проживавший некоторое время в пос. Аша на пасеке в домике, деньги на приобретение которого были даны в долг, зарабатывал на жизнь плетением лаптей, копкой картофеля и т. п. Согласно обвинительному заключению, его содержали верующие². Епископ Рафаил (Гумилевский), после ссылки переехавший в Шадринск, работы не имел (служить власти не разрешали), жил на пожертвования прихожан и на «помощь друга всех обездоленных А. Л. Золотуриной»³. Руфин (Брехов), епископ Саткинский и Игринский, от лиц, постриженных им же в монашество, а также за счет доходов нелегальной портняжной мастерской собирал средства на постройку здания монашеского общежития⁴.

Таблица 1.5

Численность духовенства⁵ по округам Уральской области
за 1926 г. и 1930 г. (по всем ориентациям)*

¹ Лавринов В. Екатеринбургская епархия... С. 68.

² ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 4. Д. 3128.

³ ГАОПДКО. Ф. 6905. Оп. 2. Д. 6905.

⁴ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 367.

⁵ Понятие «духовенство» здесь использовано в узком смысле, включает священнослужителей (епископов, священников и дьяконов) и церковнослужителей, к которым В. Лавринов относит псаломщиков.

Округа	1926 г.	1930 г.
Свердловский округ	307	271
Тагильский округ	219	210
Ирбитский округ	168	89
Шадринский округ	352	284
Всего	1046	854

* Источник: *Лавринов В.* Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. С. 51, 58.

В декабре 1936 года VIII Чрезвычайный съезд Советов СССР принял новую Конституцию СССР, провозгласившую политические и гражданские свободы (в том числе свободу совести) и предоставившую равные права всем гражданам, включая «служителей культа». Конституция породила надежды на прекращение гонений на Церковь. Однако последовавший в 1937–1938 годах Большой террор фактически полностью уничтожил на Урале духовенство как профессиональную и социальную группу.

В 1915 году в Екатеринбурге всего насчитывался 81 представитель духовного сословия: 1 архиерей, 72 священнослужителя (протоиереи, иеромонахи, иереи, протодьяконы и дьяконы) и 8 псаломщиков (невысокое число последних объяснимо тем, что на псаломщических вакансиях служили дьяконы). В церквях Верх-Исетского завода (официально вошедшего в состав Свердловска в 1927 г.), Шарташа, Уктуса и Нижне-Исетска (в составе Свердловска с 1934 г.) служили 12 священнослужителей и 6 псаломщиков¹.

Согласно спискам лишенных избирательных прав за 1924–1925 гг., количество духовенства Свердловска составляло 58 священнослужителей (35 священников и 23 дьякона) и 10 псаломщиков. Согласно данным Всесоюзной переписи, в 1926 году в Свердловске проживали 55 священнослужителей и 11 псаломщиков (из которых одна женщина)². Два этих источника согласуются между собой.

¹ Справочная книжка Екатеринбургской епархии за 1915 год. С. 16–21 ; Памятная книга Оренбургского учебного округа за 1915 год. С. 207–244.

² Цит по: *Лавринов В.* Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. Екатеринбург, 2001. С. 51.

Согласно списку граждан, лишенных избирательных прав, к 1935 году, в Свердловске проживало около 30 священноцерковнослужителей¹, в т. ч. 3 епископа, 26 священников и дьяконов (из них 4 значились как «бывшие»), один псаломщик. Еще троих можно отнести к числу духовенства на основании таких указаний, как «служитель культа, брат протодьякона» и «служительницы культа»².

С 1926 по 1935 г. число священнослужителей в г. Свердловске сократилось на 44 человека: репрессировано 11 священнослужителей, убыль остальных связана с закрытием приходов, снятием духовенства с регистрации, выселением в результате паспортизации 1933–1934 гг., переводами на другие места, оставлением служения в церкви в связи с уходом за штат или снятием сана. Отметим, что в статистике за 1935 год фигурируют только представители духовенства, значившиеся в списках лишенных избирательных прав. Например, бывший (но не снявший сана) священник А. Н. Ложкин, в то время работавший в Свердловске кладовщиком, в списках лишенцев за 1935 год не значился. Одной из церковных практик в кон. 1920-х – начале 1930-е гг. являлось почисление правящим архиереем за штат священника, оставлявшего служение в церкви, сан при этом не снимался³. В 1935–1936 гг. в г. Свердловске репрессировано 5 священников, а во время Большого террора 1937–1938 гг. — 32 служителя церкви, в т. ч. 26 священнослужителей (епископов, иереев, дьяконов), что составляет практически весь состав проживавшего тогда в городе духовенства⁴.

Динамика изменений количественных показателей Екатеринбургского (Свердловского) духовенства отражены на рисунке 1.

¹ Не включены старообрядцы.

² Список лишенных права голоса по г. Свердловску 1934–1935 г. // ГАСО. Ф. Р-286. Оп. 3. Д. 442. Л. 1–46.

³ См. напр.: Клировая ведомость Бисертского завода за 1931 г. // ЦГАУР Ф. 245 Оп. 5 Д. 173. Л. 33 об.–34.

⁴ Лавринов В. Екатеринбургская епархия... С. 180–185.

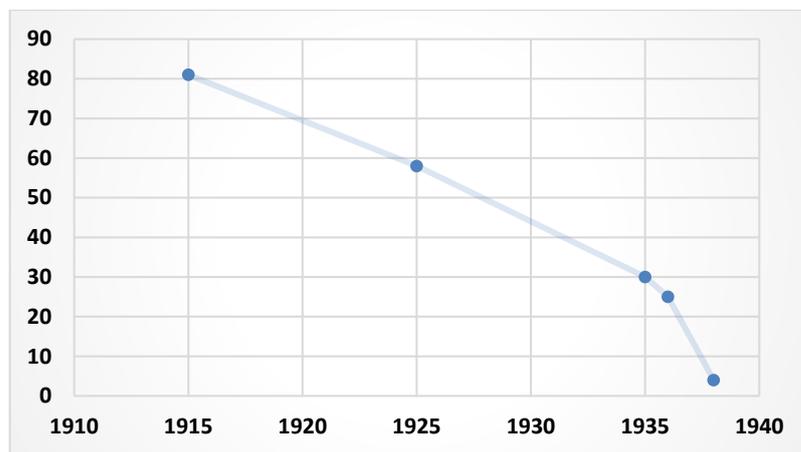

Рисунок 1 — Динамика убыли священнослужителей г. Свердловска

На примере г. Свердловска можно видеть, что количество клира на протяжении двух десятилетий линейно сокращалось. Большой террор привел к фактическому исчезновению духовенства как социальной группы.

На протяжении 1918–1936 гг. одной из самых продолжительных репрессивных кампаний против духовенства можно назвать лишение избирательных прав. Согласно Конституции 1918 года, права избирать и быть избранными лишались монахи и духовные служители церквей и религиозных культов. Эти ограничения несколько раз уточнялись, но окончательно были сняты только в «Сталинской» Конституции 1936 года.

В процессе работ над списками лишенных избирательных прав в Государственном архиве Свердловской области было обнаружено несколько списков лишенцев за 1925 и 1929 гг. По Свердловску эти данные есть за 1924 и 1935 годы¹. Лишенные избирательных прав по религиозному признаку были выявлены в 244 населенных пунктах. Среди городов в списках фигурируют только Невьянск и Екатеринбург, остальные данные представлены по сельскому духовенству (деревни,

¹ Списки лиц лишенных избирательных прав по всем округам и руководящая переписка по этому вопросу за 1925 год // ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 9. Д. 33. Т. 2. Л. 301 ; Списки лишенных избирательных прав по Свердловскому округу за 1929 год // ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 9. Д. 235. Л. 111–121 ; Списки лиц, восстановленных и лишенных избирательных прав по Режевскому району Уральской области 1930 года // ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 9. Д. 25. Л. 32 ; Список лишенных права голоса по г. Свердловску 1934–1935 гг. // ГАСО. Ф. Р-286. Оп. 3. Д. 442. Л. 1–46.

села, рабочие поселки, поселки). Списки за разные годы охватывали разные населенные пункты: в списках за 1925 год нет поселений, указанных в списках 1929 и 1930 гг., и наоборот. В первую подборку вошли по преимуществу села Шадринского округа Уральской области, во вторую – поселения по преимуществу Свердловского округа Уральской области.

В обнаруженных документах было выявлено 1303 человека, лишенных права избираться и быть избранными «по религиозному признаку». Все они проживали в 253 населенных пунктах территории, относившейся в 1917 году к Екатеринбургской епархии. Всего в Екатеринбургской епархии к 1917 году в 450 населенных пунктах имелись приходы¹. Кроме списков лишенных избирательных прав, в ГАСО на хранении находится комплекс личных дел тех, кто подавал заявление на восстановление в избирательных правах. По данным Ю. А. Русиной, он включает 1051 дело, из них 757 дела по духовенству, а 294 — по членам их семей².

Одним из важнейших условий восстановления в избирательных правах являлось прекращение работы в церкви. Сам факт того, что представитель духовенства обратился с просьбой о восстановлении в избирательных правах, в большинстве случаев может свидетельствовать об оставлении им церковного служения. Мы попытались сравнить результаты по группам лишенных избирательных прав с результатами по группам подавших заявления на восстановление в правах (см. таблицу 1.6).

Данные о лицах, лишенных избирательных прав, представлены на основании авторского анализа выборки (1303 человека). Данные о лицах, подавших заявления на восстановление в избирательных правах, представлены Ю. А. Русиной (1051 человек)³.

Таблица 1.6

¹ Подсчитано по: *Лавринов В.* Екатеринбургская епархия... С. 22, 188–311.

² *Русина Ю. А.* «Нет права голоса — нет доверия»... С. 193.

³ Там же. С. 194.

Таблица распределения духовенства, лишенного избирательных прав и ходатайствовавшего о восстановлении в избирательных правах, по должностям

Должность	Лишенные избирательных прав, в % 1920-е гг. (Всего – 1303 чел.)	Подавшие заявления на восстановление в избирательных правах, в % (Всего – 1051 чел.)
Священники	24,1 %	24,6 %
Дьяконы	6,5 %	9,8 %
Псаломщики	8,8 %	29,6 %
Другие	60,6 %	36 %

* Источник:

Эта выборка должна быть признана довольно условной (не полной). Однако вывод, что в сравнении с дореволюционным соотношением, представленном в табл. 1.1, доля псаломщиков достигла своего исторического минимума, а доля священства, наоборот, возросла, сделать можно. В дальнейшем тенденции к уменьшению и фактически отмиранию института псаломщичества сохранятся.

Реже всего ходатайствовали о восстановлении в избирательных правах священнослужители, но в силу того, что эта группа была в количественном отношении больше, то и общее количество подавших на восстановление в правах было достаточно высоким. Чаще всего подавали заявление на восстановление в избирательных правах низшие члены церковного клира — псаломщики. Эта часть духовенства наиболее быстро оставляла служение в церкви. Для псаломщика выход из церковного служения не был связан ни с какими церковными запретами, он при оставлении службы в церкви не считался расстригой, снявшим сан, потому как сакрального действия, рукоположения, над ним не производилось. Все это облегчало выход псаломщиков из церковной в гражданскую сферу деятельности.

Исследователи феномена лишенчества сходятся в том, что процесс этот проходил неравномерно. Обращается внимание на скачкообразный рост числа лишен-

ных избирательных прав с 1926 по 1929 гг. За эти годы увеличение числа «лишенцев» в целом по стране произошло более чем в три раза, с 1 040 894 человек до 3 716 855 человек¹. Рост был достигнут за счет добавления новых категорий, в т. ч. членов семей. Одной из причин увеличения числа лишенных избирательных прав называют неудачно прошедшие для коммунистов (особенно в деревне) выборы 1925 года. Для духовенства это увеличение было почти в два раза (см. таблицу 1.7).

Таблица 1.7

Количество лишенцев по религиозному признаку

Численность «лишенцев»	1926	1927	1929
СССР	148145	249987	282835
Тюменский округ Уральской области	Нет данных	6985	7213

* Источник: *Красильников С. А.* На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – кон. 1930-х гг.). Новосибирск, 1998; *Мавлютова З. Ш.* Лишение избирательных прав Православного духовенства (на материалах Тюменского и Тобольского округов Уральской области 1920-х гг.) // Вестник Челябинского государственного университета, 2009. № 23 (161). История. Вып. 33. С. 54.

Согласно инструкции «О выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов» от 13 октября 1925 г. (п. 14), избирательного права лишались служители религиозных культов всех вероисповеданий и толков, как-то: монахи, послушники, священники, дьяконы, псаломщики и т. д., независимо от того, получают ли они за исполнение этих обязанностей вознаграждение².

Таблица 1.8

Количество лишенных избирательных прав
по религиозному признаку в Свердловском и Шадринском
округах Уральской области (без г. Свердловска)*

¹ *Красильников С. А.* На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – кон. 1930-х гг.). Новосибирск, 1998. 91 с.

² Цит. по: URL: <https://www.rusempire.ru/sssр/osnovnye-pravovye-akty-sssр/607-ob-utverzhdennii-instruktsii-o-vyborakh-gorodskikh-i-selskikh-sovetov-i-o-sozyve-s-ezda-sovetov.html> .

Категория (в т. ч. бывшие)	1924–1925 гг.	1929 г.
Священники (в т. ч. иеромонахи)	145	127
Служители культа ¹	127	101
Дьякона	26	25
Псаломщики	39	64
Монахи	4	5
Монахини (в т. ч. игуменьи)	52	94
Жены служителей церкви	73	181
Матери, дети служителей церкви	7	17
Братья, сестры, иные члены семьи	11	38
Церковные старосты	7	4
Другие	22	8
Всего	513	644
Количество поселений, взятых для выборки	142	101

* Составлено по: ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 9. Д. 2. Т. 1 ; Д. 25; Д. 33. Т. 2 ; Д. 235 ; Ф. Р-158. Оп. 2. Д. 2.

В ГАСО списки лишенных избирательных прав (за период 1924–1925 гг.) включают 601 представителя духовенства и члена их семей по 142 населенному пункту, за 1929–1930 гг. — 690 по 101 населенному пункту. Эти выборки позволяют судить о некоторых тенденциях в изменении состава «лишенцев». В 1929 году продолжают лишаться права голоса священники и дьяконы, на 25 % возрастает количество «лишенцев» из монашествующих, на 50 % — из псаломщиков, более чем в три раза количество лишенных права голоса жён, детей и родителей «служителей культа». Более всего (с 6 до 30) возросло число лишенных права голоса жен псаломщиков. Большинство исследователей ставит в один ряд жён и других родственников, никак не выделяя первых. Анализ же просопографической базы данных по «лишенцам» показывает, что жёны подвергались лишению избирательных прав почти в 10 раз чаще, чем другие ближайшие члены семьи (см. таблицу 1.8).

¹ Часто употребляемое в советском делопроизводстве определение «служитель культа» применялось как к священникам, так и к дьяконам и псаломщикам.

Таким образом, можно заключить, что в репрессивной политике советского государства начинается поворот к репрессиям против низшего церковного клира, против жен, а также выборочно иных членов семей служителей церкви.

Таблица 1.9

Количество лишенных избирательных прав
по религиозному признаку в г. Свердловске*

Категория	1924 г.	1935 г.
Епископы	?	3
Священники	35	5
Служители культа (в т. ч. бывшие)		21
Дьяконы (в т. ч. бывшие)	23	10
Псаломщики	10	1
Монахини	12	2
Жены служителей церкви		8
Матери, дети служителей церкви		3
Братья, сестры, иные члены семьи служителей церкви	1	5
Другие	4	3
Всего	85	61

* Составлено по: Список лишенных права голоса по г. Свердловску 1934-1935 г. // ГАСО. Ф. Р-286. Оп. 3. Д. 442. Л. 1-46.

Из анализа данных по г. Свердловску середины 1920-х и 1930-х гг. (см. таблицу 1.9) видна тенденция уравнивания для государства всех служителей церкви, вне зависимости от их иерархии в церковной среде. В большинстве списков лишенцев указывается уравнительный термин «служитель культа».

Утверждение, что лишение избирательных прав обязательно являлось ступенью для последующих политических репрессий, по нашему мнению, излишне категорично. Прямая связь между лишением избирательных прав и привлечением в качестве обвиняемых по 58-й статье нами прослеживается не часто. Так, среди одной из самых многочисленных групп «религиозных лишенцев» — жен священников — по Уралу было обнаружено только 8 осужденных по 58-й статье. Случайная

выборка из семнадцати следственных дел, хранящихся в ГААОСО, показала, что избирательных прав были лишены все представители духовенства и монашествующие (всего 35 чел.). Среди тех, кто не был лишен прав, отметим, например, церковных старост и председателя церковного совета.

Как общую тенденцию 1920–1930 гг. можно отметить уменьшение группы псаломщиков и ее доли в церковном клире. Основными причинами являлись тяжелое экономическое положение (невозможность приходов содержать клир), высокие налоги, лишение избирательных прав. Отметим, что сокращение количества епископов в этот период не только не произошло, но, причине образования нескольких церковных юрисдикций, оно увеличилось.

Всего с 1929 по 1938 гг. на Урале (за исключением не рассматриваемой в настоящей работе Удмуртии) нами было отмечено 92 архиерея. По всей видимости, это число не полное, так как сюда могли не войти викарные архиереи и «андреевцы» — епископы, массово рукоположенные епископом Андреем (Ухтомским).

Примечательно, что в условиях возрастания антицерковных репрессий середины 1960-х гг., при массовом закрытии храмов, количество архиереев в СССР также возрастало. Рост епископата наблюдался и в условиях Гражданской войны. Если в 1918–1921 гг. он был обусловлен желанием патриарха Тихона сохранить автономность и независимость церковного управления, то в условиях несвободы церковного института рост епископата санкционировался уже государственной властью. Появление большего числа епископов помогало повысить степень лояльности священноначалия в условиях неблагоприятной и прямо репрессивной политики, снизить социальное напряжение в рядах простых верующих и более эффективно проводить государственно-церковную политику.

1.4 Большой террор против приходского уральского духовенства

В. Лавринов, приводя статистику репрессированных во время Большого террора, называет 154 священнослужителей (из них 91 расстрелян) и не менее 500 мирян¹. Вторая цифра была им получена не на основании документальных данных, а из собственного заключения, согласно которому на каждом приходе вместе со священником арестовывали двух-трех мирян, составлявших церковный актив. При изучении же следственных дел репрессированных из Государственного архива административных органов Свердловской области нами были обнаружены 194 служителя церкви (вместе с дьяконами) и только 67 активных мирян. М. И. и Н. Е. Дегтяревы указывают такую особенность Большого террора: арест священнослужителей в качестве гражданских лиц (следовательно, в дальнейшем их отсутствие в базах данных о репрессированных священниках)².

Совершенствование методологии по выявлению репрессированных священно- и церковнослужителей поможет, по нашему мнению, снизить процент «неустановленных» и сделать цифру репрессий более реальной. Так, за основу выборки в нашем исследовании были взяты любые упоминания о принадлежности к церкви репрессированных лиц. Они могли содержаться в анкете подследственного, в графах «Работа (место службы)» или «Социальное происхождение», оттуда данные попадали в базы данных репрессированных по 58-й статье. По нашему мнению, процент не указавших себя в качестве служителей церкви был очень низок, потому как в базу попадали и бывшие священники, и бывшие монахини. Более того, иногда в служители церкви и монахи записывали тех, кто на самом деле таковыми не являлись. В том случае, если человек, в прошлом имевший отношение к духовенству, смог сознательно скрыть это на допросе, нашей статистике это никак ей не повредит, потому что служители церкви после 1918 года учитываются уже не

¹ Лавринов В. Екатеринбургская епархия... С. 72.

² Дегтярева М. И., Дегтярева М. Е. «Оглядываясь на тридцать седьмой»: следственные дела священников, пострадавших в Перми в год Большого террора // Вестн. Пермского ун-та. 2013. Вып. 3 (23). С. 176–186.

по сословной принадлежности, а по признаку своего сознательного выбора в пользу служения Церкви.

Ранее наиболее подробным социостатистическим исследованием политики Большого террора на Урале являлась статья М. Г. Нечаева и С. В. Уткина «Исполнение приказа № 00447 в среде православных Пермской епархии»¹. Сравнительный анализ масштабов Большого террора, полученный независимо от указанного выше исследования, в целом показал похожую картину террора. Так, пермскими авторами названо общее количество репрессированных священноцерковнослужителей, отраженное в документах Пермского государственного архива социально-политической истории — 957 человек. По всей видимости, в число выбранных авторами были включены представители неправославных конфессий и старообрядцы. Из них в 1937—1938 гг. подверглись аресту и осуждению 395 человек (41,3 %). Количество приговоренных к ВМН составило 241 человек (61,0 % от общего числа осужденных)².

Наша выборка по Пермскому краю включает 902 служителя церкви, из которых во время Большого террора пострадал 391 человек, что составляет 43,4 % от общего числа репрессированных, разница в расчетах при этом не превысила 2,1 %. Количество приговоров к ВМН, по нашим данным, составило 232 (59,3 %)³. Таким образом, данные, полученные нами, в целом адекватно отражают картину Большого террора на Урале.

Всего по Свердловской области (без районов нынешнего Пермского края) за 1937–1938 гг. подверглось репрессии 259 служителей церкви, из них 192 были облечены священным саном: 6 имели епископскую хиротонию в разных юрисдикциях (обновленческий и «григорианский» митрополиты, обновленческий архиепископ, заштатный обновленческий епископ, «сергиевский» архиепископ), 170 —

¹ *Нечаев М. Г., Уткин С. В.* Исполнение приказа № 00447 в среде православных Пермской епархии // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 244–275.

² *Нечаев М. Г., Уткин С. В.* Исполнение приказа № 00447... С. 270.

³ Здесь и далее подсчет выполнен по авторской базе данных репрессированного духовенства Урала (см. ссылку 1 на С. 34–35).

священническую и 16 дьяконскую. 67 осужденных не имели священного сана, две трети из них состояли на низших должностях в церкви (церковные старосты, казначеи, председатели и члены церковного совета, певчие и регенты хора, псаломщики, сторожа, уборщики в храме и др.). Треть репрессированных «церковников» составляли люди, не работавшие в храме (монахини, активные церковники, активные прихожане и др.). Меньшая доля среди репрессированных активных прихожан, не состоявших ни на каких должностях, может объясняться тем, что привлечение таких людей в условиях массовой кампании было для НКВД более проблематичным: списков активных прихожан в храмах не составлялось, в списки лишенных избирательных прав они могли не входить, имена таковых реже встречались в агентурных сводках.

На территории современного Пермского края был подвергнут репрессиям 391 «церковник». Из числа репрессированных имели сан 251 человек: 1 епископ, 2 игумена, 5 иеромонахов, 4 протоиерея, 21 дьякона, 193 священника, 25 служителя культа (без уточнения сана), а не имевших священного сана — 140 человек.

В Челябинской области (не включая районы нынешней Курганской области) было репрессировано 275 служителей церкви. Облеченных саном из них было 141 человек. Социальный состав клириков раскрыт на основании анкет следственных дел: 7 архиереев (2 митрополита и 5 архиепископов), 134 священнослужителя (2 архимандрита, 2 «служителя культа» без указания конкретного сана, 11 протоиереев, 2 иеромонаха, 102 священника и 15 дьяконов). Не облеченных саном было 134 человека, из них 13 членов группы истинно-православных христиан; репрессиям подверглись также две жены священников.

На территории современной Курганской области (выделившейся из Челябинской области в 1943 г.) было репрессировано 111 служителей церкви, из них 80 клириков (1 архиепископ, 2 протоиерея, 76 священников и 1 дьякон). Не облеченных саном было 31 человек.

В Башкирской АССР было репрессировано 287 человек, из них: 216 служителей церкви: епископ автокефальных церквей — 1, архимандритов — 5, иеромонахов — 2, протоиереев — 9, священников — 197, дьяконов — 2. Не в сани было

репрессировано 71 человек, из них только один член группы истинно-православных христиан.

В Оренбургской области в период Большого террора было репрессировано 154 служителя церкви, из них 114, облеченных саном: один обновленческий архиепископ, два епископа, один игумен, пять протоиереев, 96 священников, девять дьяконов. Остальные 40 осужденных не были облечены священным саном, но принадлежали Церкви либо по своему статусу, (12 человек: один монах, девять монахинь, два юродивых) или работали на низших церковных должностях (28 человек).

Краткость сроков проведения операции по приказу № 00447, всего 4 месяца, обусловила способы выбора жертв. Первым и одним из основных источников информации для сотрудников НКВД были агентурные сводки по отдельным районам и населенным пунктам. Большую роль здесь играли осведомители из среды служителей церкви, наиболее активные из которых давали фактически ежедневные агентурные сводки.

Таблица 1.10

Количество репрессированных священноцерковнослужителей
в период Большого террора*

Современные административные субъекты Российской Федерации	Всего репрессировано	Клирики, % к общему количеству	Церковнослужители
Свердловская область	259	192 (74,13 %)	67
Пермский край	391	251 (64,19 %)	140
Башкирия	287	216 (75,26 %)	71
Оренбургская область	154	114 (74,03 %)	40
Челябинская область (с районами будущей Курганской области)	386	221 (57,25 %)	165

* Источник:

Другим источником информации для НКВД во время репрессий могли служить церковные документы, в которых имелись послужные списки духовенства. Такие списки составлялись священством еще в 1930-е гг. и хранились как в при-

ходских архивах, так и в епархиальных управлениях. Например, подборка клировых ведомостей духовенства Свердловской епархии за 1931–1932 гг. хранилась в канцелярии епископа Сарапульского и Свердловского Алексия (Кузнецова) и впоследствии попала в Центральный государственный архив в Ижевске¹. Кроме того, органами могли использоваться регистрационные данные духовенства из районных исполнительных комитетов, а также списки лишенных избирательных прав.

При этом нужно отметить, что некоторым категориям церковнослужителей удалось избежать репрессий из-за их закрытости (отсутствия у властей данных об их деятельности). Такой категорией, к примеру, явились члены общин истинно-православных христиан (ИПХ). В Свердловске и Башкирии были задержаны только по одному члену ИПХ, группа членов ИПХ (из 13 человек) во время Большого террора была выявлена лишь в Челябинской области. В идеологии этих групп одним из элементов вероучения было непризнание государственного строя и отрицание всякого сообщения с ним, как несущим на себе «печать антихриста». Отсутствие арестов среди лиц этой категории, в каком-то смысле реально являвшихся носителями антигосударственных взглядов, выглядит несколько странным. Оно может быть объяснено тем, что представители истинно-православных христиан вели либо крайне закрытый, либо страннический образ жизни, группы их не имели государственной регистрации, в них было сложно внедрить осведомителей.

Другой категорией, которую в меньшей степени задел репрессии во время Большого террора, явились монашествующие, не занимавшие какие-либо церковные посты. К началу 1930-х гг. формы бытования монашества претерпели значительные изменения. Если ранее монашествующие объединялись в общины или другие группы, пытаясь организовать свою жизнь в социуме, то в 1936–1938 гг., после разгрома большинства общин во время коллективизации и возвращения осужденных из трехлетних ссылок, они селились по домам и квартирам, по 2–3 человека, ведя закрытый образ жизни, исключая всякую общественную деятельность.

¹ Ведомости о церквях, причтах и прихожанах Свердловской епархии за 1931 г. // Центральный государственный архив Удмуртской республики. Ф. 245 Оп. 5 Д.173. Л. 1–40.

Исследователи Большого террора единогласно отмечают его внеюрисдикционность. В отличие от предыдущих лет террор не обошел стороной ни сторонников митрополита Сергия, ни сторонников Уфимского епископа Андрея (Ухтомского), ни другие автокефальные приходы, ни «григорьевцев», террор захватил все религиозные группы христиан, которые имели какую-либо государственную регистрацию или вели оседлый образ жизни. Обновленцев Большой террор также коснулся в полной мере. Причем еще до его начала — 26 мая 1937 г. в Свердловской области был арестован обновленческий митрополит Михаил Трубин, а вместе с ним 126 представителей этой церкви, проживавших в Свердловске, Перми и других городах Урала¹.

Пострадали во время Большого террора также и осведомители НКВД из числа служителей церкви, хотя интенсивность их привлечения определялась часто региональными особенностями работы областных отделов НКВД.

В большинстве исследований, посвященных Большому террору, статистика его жертв ограничивается 1937–1938 гг.². Не все ученые согласны с этой хронологией, и в зависимости от рассматриваемой группы, подвергшейся репрессиям, верхняя и нижняя хронологическая граница могут отодвигаться. Согласно выводам диссертационного исследования С. В. Сосновской, среди историков до сих пор нет однозначного мнения о хронологии Большого террора. При этом «историки единодушны в том, что пик репрессий на Урале, как и по всей стране, приходился на 1937 г.»³. Данные, полученные в результате статистических расчетов по всем областям Урала, позволяют вполне согласиться с этим выводом: большинство обвинительных приговоров по Уральскому духовенству было вынесено именно в 1937 году (см. таблицу 1.11).

¹ Нечаев М. Г., Уткин С. В. Исполнение приказа № 00447 в среде православных Пермской епархии. С. 257 ; Нечаев М. Г. Из истории Пермской епархии // Храмы Пермского края. Историко-краеведческое издание. Фотоальбом. Пермь: Политком, 2010. С. 27.

² Синельщиков Ю. П. Место уголовного процесса в Большом терроре 1937–1938 // Вестн. МГПУ. Серия: Юридические науки. С. 53–62.

³ Сосновская С. В. Политические репрессии на Урале в конце 1920-х – начале 1950-х гг. в отечественной историографии: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010.

Хронология Большого террора против духовенства на Урале

Регион	Количество пострадавшего духовенства по годам			Из них осужденные не во время действия приказа № 00447
	1937	1938	1937–1938	
Свердловская область	236	23	259	15
Пермский край	338	53	391	26
Челябинская область	235	57	292	3
Курганская область	101	10	111	20
Башкирия	263	24	287	10
Оренбургская область	147	7	154	18

* Источник: База данных репрессированного духовенства Урала (1918–1946 гг.) (см. ссылку 1 на С. 34–35).

Одной из существенных характеристик определения Большого террора, по нашему мнению, является массовое вынесение смертных приговоров осужденным. В 1938 году число осужденных по всем областям заметно снижается, но смертные приговоры при этом продолжают выноситься, поэтому, несмотря на кульминацию в 1937 году, репрессии не могут считаться ограниченными только этим годом. По нашему мнению, Большой террор против служителей церкви на Урале можно сузить временем действия приказа НКВД № 00447: с августа 1937 по ноябрь 1938 гг. Ни до, ни после действия этого приказа на Урале в 1937–1938 гг. не было расстреляно ни одного служителя церкви. Поэтому определение Большого террора против церковнослужителей на Урале в узком смысле этого слова можно ограничить временем действия приказа № 00447. На тех же позициях стоят пермские историки М. Г. Нечаев и С. В. Уткин, а также их российские и немецкие коллеги, предпринявшие комплексное исследование Большого террора в разных областях России.

Вопрос о том, на какое время приходится кульминация Большого террора, впервые был поставлен М. Г. Нечаевым и Уткиным. При расчете они использовали за отправную точку дату ареста, по-нашему же мнению, более объективную картину динамики репрессий покажет подсчет, основанный на датах осуждения.

По подсчетам пермских историков, пиком репрессий против духовенства является август (95 человек) и октябрь (76 человек), спад приходится на ноябрь (10) и декабрь (12)¹. При нашем подсчете статистика репрессий в Пермском крае выглядит следующим образом: август (50), сентябрь (70), октябрь (76), ноябрь (53) и декабрь (35) и выражается как нарастание к октябрю и последующий спад². Пик обвинительных приговоров приходится, по нашим подсчетам, в Оренбургской области на август и октябрь, в Свердловской — на сентябрь, в Челябинской — на ноябрь. Это объясняется спецификой работы областных управлений НКВД.

Многие исследователи Большого террора исходят из посыла о хаотичности этого процесса, говорят об отсутствии в его проведении всякой внутренней логики и даже о самоистреблении нации. В нашем исследовании мы придерживаемся мнения о том, что даже при высоком проценте хаотичности в процессе осуществления Большого террора, некоторые закономерности все-таки могут быть отмечены. Другим важным тезисом, взятым за основу нашей работы, является большая доля местной специфики каждого областного управления НКВД в осуществлении данной кампании. Согласно комплексному исследованию Большого террора, проведенному группой российских и немецких ученых, при одинаковых установках основная тяжесть приказа № 00447 в разных местах легла на разные категории населения, которые местные органы государственной безопасности в большей или меньшей степени расценивали как проблемные для своего региона³. Так, например, в Прикамье основной удар репрессивной машины пришелся на спецпереселенцев, в Свердловской области — на фиктивных членов Российского общевойскового союза⁴.

Репрессивная политика по отношению к духовенству имеет отличие в разных областях и районах. Это обусловлено разными причинами: особенностями работы того или иного областного управления НКВД с агентурой в рядах церковников,

¹ Нечаев М. Г., Уткин С. В. Указ. соч. С. 244–275.

² База данных репрессированного духовенства Урала (1918–1946 гг.) (см. ссылку 1 на С. 34–35).

³ Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009.

⁴ Сталинизм в советской провинции... С. 46.

оценкой служителей церкви как контрреволюционеров, степенью их аполитичности, авторитетом среди местного населения.

Известно, что выполнение приказа № 00447 регламентировалось определенными планами и даже указаниями, сколько человек должно было быть приговорено к расстрелу, а сколько отнесено к более «щадящему» наказанию в виде срока осуждения в 10 или 8 лет. «Плановые показатели», в конечном счете, были увеличены более чем в два раза. Так, в Оренбургской области лимит на расстрелы вырос с 1500 до 3500¹. При этом областные управления НКВД в большинстве случаев перевыполняли даже такой завышенный план.

Ниже приводим сведения о количестве человек, подлежащих осуждению по лимитам июля 1937 года, которые содержались в приказе № 00447 наркома НКВД СССР Н. И. Ежова, и итоговое число репрессированных по Свердловской и Челябинской областям (см. таблицу 1.12).

Таблица 1.12

Масштабы репрессии Большого террора

по Свердловской и Челябинской областям (август 1937 г. – ноябрь 1938 г.)*

Области	ВМН (1-я категория) Изначальный лимит / осуждено фактически	8–10 лет ИТЛ (2-я категория) Изначальный лимит / осуждено фактически	Изначальный лимит / осуждено фактически
Свердловская область	4000 / 11840	6000 / 7779	10000 / 19619
Челябинская область	1500 / 8656	4500 / 8130	6000 / 16786

* Источник: Сталинизм в советской провинции... С. 45 ; Прудникова Е. А. Хрущев. Творцы террора. С. 500–501.

Каждое из областных управлений проявляло, таким образом, в этом деле долю самостоятельности, решая, кого и в каких группах относить к первой или второй категории. Количество осужденных служителей церкви от общего числа ре-

¹ Прудникова Е. А. Хрущев. Творцы террора. М., 2007. С. 474-485, 500-501.

прессированных во время Большого террора составляет всего 1,2–1,3 %, что обусловлено малочисленностью самой этой группы. Внутри же ее репрессии коснулись очень и очень многих.

Для того чтобы показать специфику террора в отношении к служителям Церкви применим такой критерий, как «интенсивность» (или «ожесточенность») Большого террора, измеряемую процентом осужденных к ВМН: по Свердловской области в целом она составляет 60,4 %, а для Челябинской — 51,6 %. Подсчет процентного отношения церковнослужителей, осужденных по первой категории (ВМН) к приговоренным к общему числу осужденных, покажет нам, в каком регионе был больший или меньший уровень репрессий по отношению к служителям церкви. Полученные результаты были сведены нами в таблицу 1.13.

Таблица 1.13

Число церковнослужителей, приговоренных
к высшей мере наказания на Урале во время Большого террора*

Регионы	Количество осужденных «церковников» по приказу № 00447 / из них клириков	Количество «церковников», приговоренных к ВМН / из них клириков ¹	% применения ВМН с авг. 1937 по ноябрь 1938 гг., все «церковники» / клирики	
Свердловская область	175 / 151	105 / 90	60,0 % / 59,6 %	62,5 % / 65,7 %
Пермский край	363 / 251	231 / 174	64,0 % / 69,3 %	
Челябинская область	357 / 171	263 / 138	73,7 % / 80,7 %	73,9 % / 82,0 %
Курганская область	91 / 57	68 / 49	74,7 % / 86,0 %	
Башкирия	275 / 208	197 / 174	71,8 % / 83,6 %	
Оренбургская область	134 / 111	118 / 106	88,1 % / 95,5 %	

* Источник: База данных репрессированного духовенства Урала (1918–1946 гг.) (см. ссылку 1 на С. 34-35).

Из таблицы видна специфика «интенсивности» террора к служителям Церкви вообще и к духовенству в частности. В первую очередь надо отметить огромную

¹ В каждой из областей встречаются умершие во время следствия (один или два), они объединены с приговоренными к смертной казни.

роль регионального компонента в проведении политики Большого террора по отношению к «церковникам». Так, на территории Свердловской области эта «интенсивность» была меньше, чем где бы то ни было на Урале. Репрессии против церковнослужителей здесь практически не выделяются из общей картины Большого террора: в Свердловской области расстреливали в среднем 60,4 % от всех арестованных, среди «церковников» соответствующий показатель оказался равным 60 %.

В то же время в Челябинской области можно говорить о гораздо более ожесточенном терроре по отношению к служителям церкви. При общем количестве осуждений к расстрелу по области 51,6 %, к «церковникам» приговор к ВМН применялся в 73,9 % случаев, почти такой же уровень (71,8 %) был и в Башкирии. Самый же высокий процент расстрелянных «церковников» оказался в Оренбургской области — 88,1 %. Возможно это объясняется тем, что в этой области большинство из репрессированных служителей церкви имело священный сан. Из арестованных клириков при этом было расстреляно 95,5 %.

При этом нужно отметить, что по отношению к духовенству число приговоров к ВМН было выше, чем к «церковникам» в целом — от 60 до 90 % и более. Так, в Оренбургской области во время действия приказа № 00447 из 111 репрессированных клириков было приговорено к разным срокам только 5 клириков, остальные 106 расстреляны (95,5 %). В Башкирии из 208 репрессированных во время действия приказа № 00447 клириков приговорены к разным срокам 34, остальные 174 были расстреляны (83,6 %). В Свердловской области (без территории будущей Пермской и южных районов, в то время относившихся к Челябинской области) из 151 репрессированных по приказу № 00447 клириков, 90 были приговорены к ВМН (59,6 %). В Челябинской области (без территории нынешней Курганской области) — 171, из них расстреляно 138 (80,7 %).

Репрессивная политика против духовенства осуществлялась параллельно с кампанией по закрытию храмов. Осуществляли эти кампании два различных органа, поэтому если Большой террор в отношении духовенства был окончен в 1938 году, то активное закрытие храмов продолжалось вплоть до начала Великой Отечественной войны. В 1939–1941 гг. оно совершалось активнее, потому что храмы

после массовых арестов духовенства оставались без служащего клира, и, по сути, уже являлись недействующими. Богослужение в них не совершалось, что облегчало процедуру их закрытия.

По Челябинской области (включая современную территорию Курганской области) динамика закрытия церквей выглядела следующим образом: 1935 год — 38, 1936 год — 49, 1937 год — не менее 26, 1938 год — 45, 1939 год — 34, 1940 год — 18, 1941 год — 18¹. При этом приведенные цифры не вполне отражают реальное положение дел. Так, в делах о закрытии часто отмечается, что соответствующая церковь фактически является бездействующей уже несколько лет. Богослужения в ней за отсутствием священника не совершались, но формального акта о закрытии не имелось. Более корректным является другой показатель — количество действующих церквей. По Челябинской области соответствующие цифры были подсчитаны на основании отчетов по районам, суммирование которых дает следующий результат: февраль 1937 года — 67 церквей (из 581 до революции)², апрель 1939 года — две³, к началу 1941 года — одна. Таким образом, прямым результатом Большого террора стало сокращение количества действующих церквей к 1941 году на 98,5 %, что, безусловно, произошло вследствие массовых арестов духовенства.

В Башкирской АССР к середине 1941 года продолжал функционировать один православный храм (в г. Уфе). В 8 храмах богослужения не совершались, но официально они были не закрыты⁴.

В Чкаловской (Оренбургской) области с 1937 по 1941 гг. было закрыто около 300 православных приходов. К началу Великой Отечественной войны не осталось ни одной действующей церкви⁵.

¹ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 4252, 4296, 4432, 4356, 4395, 4397, 4432, 4434, 4476.

² Там же. Д. 4395.

³ Там же. Д. 4432.

⁴ *Сергеев В. П.* Судьбы святынь и подвижников Уфимской епархии в период 1940–50-х годов // XX ежегод. богосл. конф. ПСТГУ. М.: ПСТГУ, 2010. Т. 1. С. 347–352.

⁵ *Шубкин В. М.* Воинствующий атеизм как политика государства в предвоенные годы на территории Оренбургской (Чкаловской) области // Вестник ПСТГУ. История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 3 (58). С. 62.

В Свердловской области (вместе с Пермской частью) к началу 1937 года действовало 340 храмов, из них 130 церквей на территории Свердловской и 210 на территории будущей Молотовской области¹.

В Молотовской области с 1939 года по начало 1941 года облисполкомом было принято решение о закрытии 176 церквей и молитвенных зданий². Статистика по закрытию не отражала храмы, которые перестали действовать без формального постановления о закрытии. Статистика не закрывавшихся храмов по Молотовской области представлена в разных источниках по-разному: от 6 до 14 храмов. Согласно одному из исследований, количество действующих церквей к 22 июня 1941 г. равнялось 9 (8 храмов, из них два обновленческих и одна часовня)³, что составляет 96,7 % к дате начала Большого террора. На эти цифры мог оказать влияние способ подсчета: одни исследователи в это число включают только храмы, в которых проводились богослужения, другие — и те храмы, куда верующие имели вход, но богослужений не проводилось, третьи — те храмы, которые не были официально закрыты, но фактически не доступны для верующих.

В Свердловской области за 1937–1938 гг. из 130 церквей были закрыты 53 церкви⁴, с 1939 года по первое полугодие 1941 года — не менее 43⁵. Количество действовавших к 1941 году храмов равнялось 20 (18 церквей и два молитвенных дома)⁶. Официальных данных о закрытии 14 храмов не имеется, но в числе действовавших они не значились.

¹ Нечаев М. Г., Уткин С. В. Исполнение приказа № 00447 в среде православных Пермской епархии // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 244–275.

² Федотова Г. И. Государственная политика по закрытию и открытию церквей в годы Великой Отечественной войны (на материалах Молотовской области) // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г.). Екатеринбург: ИИА УрО РАН; Изд-во Екатеринбургской епархии, 2010. С. 367–370.

³ Марченко А., прот., Федотова И. Ю., Георгия (Братчикова), мон., Марченко Н. А. Русская Православная Церковь в Прикамье в годы Отечественной войны 1941–1945 гг. Пермь, 2015. С. 138–140.

⁴ Лавринов В. Екатеринбургская епархия... С. 73.

⁵ Лавринов В. Екатеринбургская епархия... С. 74.

⁶ Там же. С. 73.

Количество закрытых храмов во время Большого террора и после его окончания (до 1941 года) в Свердловской области составило 84,6 %. Причиной такого отличия от соседних регионов можно видеть, с одной стороны, в меньшей интенсивности проведения политики Большого террора в отношении свердловского духовенства, которая позволила остаться на свободе к началу Великой Отечественной войны как минимум 20 священнослужителям¹, с другой стороны, более мягкой политикой местного облисполкома по закрытию храмов.

Таким образом, из всех уральских регионов в Свердловской области церковь пострадала несколько меньше, как в отношении репрессий духовенства, так и закрытия храмов, что ставит вполне закономерный вопрос о причинах такой «мягкости». Нужно отметить, что долгое время в Свердловске располагалось Уральское обновленческое митрополичье, активно сотрудничавшего с ОГПУ-НКВД, а также именно Свердловская епархия была родоначальницей «григорианского» раскола, созданного также с участием ОГПУ. Можно предположить, что свердловские органы госбезопасности по этим причинам не видели особой опасности Церкви и не относили ее представителей к своим главным врагам. Конечно, рано делать вывод о том, что активное сотрудничество служителей церкви Свердловской области с органами госбезопасности помогло сохраниться остаткам церковного института во время Большого террора, но некоторые предпосылки, позволившие выдвинуть эту гипотезу, все же существуют.

Основной целью репрессивной политики Большого террора на Урале стал епископат. Из 92 уральских архиереев были расстреляны (или замучены на следствии) в 1937–1938 гг. (и один в 1930 г.) — 53 человека (58 %); умерли в лагерях или ссылке до 1938 года — 4; умерли своей смертью до 1938 года — 18; умерли своей смертью после 1938 года — 9. Не обнаружены данные о восьми архиереях. Нами установлено, что после 1938 года в Пермской епархии оставалось на свободе

¹ Там же. С. 76.

как минимум два обновленческих архиерея: Михаил (Бирюков) (заштатный) и Серафим (Коровин) (до 1940 года настоятель храма, затем за штатом). После 1943 года к активной деятельности вернулось только три архиерея.

Согласно данным В. Лавринова, на начало 1937 года количество служителей церкви на территории будущей Свердловской области (без пермской части) составляло 310 человек. Цифра эта была подсчитана автором самостоятельно, ссылок на источники информация не дается, что заставляет усомниться в ее точности¹. Возможно, сюда были включены и клирики, находившиеся в это время за штатом. Согласно данным Отдела культурно-массовой работы Свердловского обкома, количество служителей культа на 1 января 1937 г. составляло 500 человек, при 340 открытых храмах². При условно равномерном распределении клира по храмам пермской (210 храмов) и свердловской (130 храмов) частей, количество духовенства на территории будущей Свердловской области условно составляло примерно 190 человек, на территории будущей Пермской – примерно 310.

Масштабы Большого террора для духовенства Свердловской и Пермской областей выглядят следующим образом: арестовано на территории Свердловской области (без пермской части) было 192 клирика и 10 псаломщиков (из них 4 значились в следственных делах как «бывшие»), на территории Пермской части аресту подверглись 251 клирик и 35 псаломщиков (из них 36 значились как «бывшие»). Общее количество подвергшихся репрессиям составляет 440 представителей духовенства, служивших на должностях священников, дьяконов и псаломщиков, и 40 «бывших», оставивших к этому времени по той или иной причине церковное служение³. Последние в число 500, указанных в отчете, не входили.

Сведений о количестве уральского духовенства на конец 1938 года не имеется. В период с 1939 по 1943 гг. аресты оставшегося на свободе духовенства продолжались⁴. Следствием Большого террора и ареста всех правящих архиереев в

¹ Лавринов В. Екатеринбургская епархия... С. 68.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 375. Л. 58.

³ База данных репрессированного духовенства Урала (1918–1946 гг.) (см. ссылку 1 на С. 34-35).

⁴ База данных репрессированного духовенства Урала (1918–1946 гг.) (см. ссылку 1 на С. 34-35);

уральских областях прекратилось рукоположение священнослужителей. Получение рукоположения в Москве, откуда епархии управлялись, было очень сложным. В Архиве Московской патриархии за 1938–1940 гг. сохранились данные о рукоположении на территории Свердловской епархии только одного «сергиевского» священника Василия Птицына¹. За тот же период в Свердловской области было осуждено 8 служащих клириков, в Пермской — 11 служащих и двое «бывших» клириков². К началу 1941 года в Свердловской области в 20 храмах служили «не менее 20 клириков»³, в Пермской области при 9 работающих храмах количество духовенства при той же плотности должно было составлять около 10 человек. Точных данных по Пермской области не имеется. В Челябинской епархии к 1941 году служащего духовенства не имелось, в Башкирии — это было духовенство единственного открытого храма. В Оренбургской области, по данным В. М. Шубкина⁴, зарегистрированных священнослужителей не осталось уже в 1938 году⁵.

Динамика численности духовенства в период с 1937 по 1941 гг. выглядит следующим образом: в Свердловской и Пермской областях из 500 человек⁶ 459 человек было репрессировано, около 35 продолжало служить, остальные после 1937 года оставили служение и при этом смогли избежать репрессий. В сохранившейся переписке клира Свердловской епархии с Патриаршим Местоблюстителем содержатся прошения от трех клириков о выходе за штат в (от 19.06.1937, 11.10.1937 и

¹ Присяга производимому во священника [диакону Василию Птицыну] от 28 янв. 1938 г. с отметкой о его возведении в сан пресвитера // Архив Московской патриархии. Переписка с Свердловской епархией за 1938 г. Л. 5–5 об.

² База данных репрессированного духовенства Урала (1918–1946 гг.) (см. ссылку 1 на С. 34-35): ГААОСО Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 47915; База данных ПСТГУ. URL: http://www.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans.

³ Лавринов В. Екатеринбургская епархия... С. 76.

⁴ См.: Шубкин В. М. Воинствующий атеизм как политика государства в предвоенные годы на территории Оренбургской (Чкаловской) области // Вестник ПСТГУ. История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 3 (58). С. 67.

⁵ Однако некоторые данные (действующая в конце 1938 г. церковь в с. Покровка и арест священника Н. И. Духовского в 1939 г.) позволяют в этом усомниться.

⁶ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 375. Л. 58.

20.04.1939)¹, причем первый в ноябре отправил прошение о назначении на свободный приход.

Последствия Большого террора можно проследить по более поздним документам. Согласно отчету уполномоченного по делам религии по Свердловской области за 1947 год, на территории области несло церковное служение 55 человек, из них 39 священников и 3 дьякона с церковным стажем более 10 лет², т. е. рукоположенных ранее 1937 года и переживших период репрессий. Уже на следующий год эта цифра выросла до 75: 56 священников, 11 диаконов, 8 псаломщиков³. Отчеты уполномоченного приводят только отдельные цифры по служащему духовенству. Для того, чтобы проанализировать социокультурные характеристики духовенства, служившего после окончания Большого террора и их поведенческие стратегии в условиях репрессий, были проанализированы биографии, послужные списки и анкеты священнослужителей, на основе которых составлена база данных по послевоенному духовенству. При ее подготовке было решено ограничиться духовенством Свердловской епархии, служившим в период 1943–1949 гг., ввиду того, что тогда отмечался некий «всплеск» численности «старого» духовенства, состоявшего на церковной службе ввиду общего церковного подъема и возвращения многих священнослужителей из лагерей, в том числе после отбытия ими в 1947–1948 гг. 10-летних сроков лишения свободы. В дальнейшем их число стало уже сокращаться в силу естественных причин. Так, 76-летний протоиерей Амфилохий Горизонтов в 1947 году вышел за штат, а протоиерей Семен Хлынов в 1949 году в возрасте 78 лет скончался⁴.

Для составления выборки использовались как архивные документы (прежде всего из находящегося в ГАКО фонда уполномоченного Совета по делам религий

¹ Архив Московской патриархии. Переписка со Свердловской епархией за 1937 год. Л. 47, 60 ; То же за 1939 год. Л. 20.

² Отчеты уполномоченного по делам религий Свердловской области за 1947 г. // ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1 Д. 203. Л. 10.

³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 348. Л. 6.

⁴ *Лавринов В.* Екатеринбургская епархия... С. 137, 174.

при СМ СССР по Курганской области), так и опубликованные материалы¹. В базу вошли выявленные данные по 43 протоиереям и священникам, 3 протодьяконам и дьяконам, 2 псаломщикам; всего 48 человек, т. е., вероятно, порядка 35–40 % от их общего наличия в указанный период (с учетом «текучности кадров»). Биографии остальных представителей духовенства за указанный период не удалось обнаружить, но и такая выборка может вполне обеспечить репрезентативность полученных выводов по настоящему региону.

По Оренбургской области сведения о служившем после Великой Отечественной войны духовенстве были взяты из личных карточек служителей религиозных обществ Оренбургской (Чкаловской) области за 1943–1961 гг.², а также из одного личного дела священника, хранящегося в том же архиве (священник Константин Плясунов), и одно имя было взято из данных Свято-Тихоновского гуманитарного университета (иеромонах Адам Свистунов). В базу вошли выявленные данные 35 протоиереев, священников и иеромонахов, одного дьякона (36 человек). Псаломщиков в указанных источниках обнаружено не было. Кроме того, в разных источниках были обнаружены сведения о служении в этот период в Оренбургской епархии еще как минимум семи человек, но биографических сведений о них не имеется.

Как видно из анализа послужных списков духовенства по обеим областям, духовенство после окончания Большого террора восстанавливалось не столько при помощи новых рукоположений, сколько за счет принятия на службу заштатного духовенства, причем по преимуществу из других епархий. С 1943 года, когда появилась возможность рукополагать новых клириков, в Свердловской области было рукоположено 4 (из известных 48) клириков, а в Оренбургской 7 (из известных 36)³. Разница в процентном отношении (9 % от общего числа клириков) с Оренбургской

¹ ГАКО. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 1, 2, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 14; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 348; ГАСО. Ф. Р-2788. Оп. 1. Д. 73; *Лавринов В.* Екатеринбургская епархия... С. 126-175; *Лавринов В.* Очерки истории обновленческого раскола на Урале... С. 197-276; БД ПСТГУ URL: http://www.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans.

² Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 42, 97.

³ Там же.

областью (20 %), объясняется тем, что во время Большого террора служившее священство Оренбургской области было расстреляно и его восстановление требовало большего количества кадров. По всей видимости, в Уфимской и Челябинской епархиях, к 1941 году не имевших штатных клириков, стратегии восстановления духовенства выглядели похожим образом.

Высокий уровень миграции духовенства, отмечаемый после 1918 года, в 1940-е гг. достиг своих максимальных величин. Обращение к биографиям духовенства 1940-х гг. показало, что среди начинавших свое церковное служение до 1918 года в Екатеринбургской епархии было 11 клириков, в Оренбургской всего 4, соответственно 22 % и 11 % от общего количества.

В базе данных 1943–1949 гг. в Свердловской области было обнаружено 6 клириков (из них не менее 5 бывших обновленцев), которые не оставляли церковной службы на протяжении 1920–30-х гг., не исключая Большого террора¹. Но в целом для Урала это является скорее исключением, связанным с большим количеством оставшихся действовавших храмов и меньшей интенсивностью репрессий против духовенства. В Оренбургской епархии, где были закрыты все храмы, ни один священник не служил все 1920–1930-е гг. непрерывно. Похожая ситуация была в Челябинской области и в Башкирии.

Способом уклонения от репрессий являлось снятие церковного сана или временный выход за штат. Так, из временно оставлявших свою службу в церкви и в 1943 году вернувшихся к службе 7 клириков Свердловской и 9 клириков Оренбургской епархий не были подвергнуты репрессиям и ссылкам².

В Свердловской области из 44 послевоенных клириков, служивших в 1920-е – 1930-е гг., 26 человек прерывали служение в церкви на период от нескольких месяцев до 17 лет вследствие перехода на гражданскую работу и в иждивенцы. Из 29

¹ Лавринов В. Екатеринбургская епархия...; Лавринов В. Очерки истории обновленческого раскола на Урале...

² ГАКО. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 1, 2, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 14; ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 42, 97; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 348; ГАСО. Ф. Р-2788. Оп. 1. Д. 73; Лавринов В. Екатеринбургская епархия... С. 126-175; Лавринов В. Очерки истории обновленческого раскола на Урале... С. 197-276; БД ПСТГУ. URL: http://www.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans.

послевоенных клириков Оренбургской епархии, служивших в 1920–1930-е гг., 25 человек прерывали служение на срок от 5 до 19 лет (86 % против 56 % по Свердловской епархии). Примерно схожий процент духовенства в обеих областях подвергался репрессиям в виде лишения свободы, ссылки или предварительного заключения: 30 клириков из 44 в Свердловской и 20 клириков из 29 в Оренбургской (66 % и 69 % соответственно)¹.

Только по причине пребывания в заключении оставляли службы в Свердловской епархии 10 священнослужителей, в Оренбургской — четверо. Сложности трудоустройства на работу в церковь после отбытия заключения привели к тому, что в Свердловской области пребывали за штатом после возвращения из ссылок и лагерей 13 клириков, в Оренбургской — 14².

Сравнение репрессий Большого террора против священнослужителей с количеством священнослужителей, служивших до революции, произвести достаточно сложно, так как административно-территориальные границы менялись. На территории Уфимской губернии до революции служило 537 священников и 171 дьякон³, а репрессировано на территории Башкирской АССР в годы Большого террора было 214 священников и два дьякона⁴. Однако сопоставлять данные по Уфимской губернии с Башкирской АССР некорректно в связи со значительными административно-территориальными изменениями. На территории Оренбургской губернии к началу XX века служило 655 священников⁵. Число пострадавших во время Большого террора на территории Оренбургской области составило 105 священников и 9 дьяконов⁶. Прямое сопоставление данных по духовенству Оренбургской области с Оренбургской губернией представляется еще более неверным, так как в состав губернии входили территории будущих Челябинской, Курганской, Кустанайской и других областей. Относительное и очень приблизительное сравнение возможно лишь по

¹ Там же.

² Там же.

³ Полный православный богословский энциклопедический словарь. М., 1992. Т. 1–2. С. 2215.

⁴ База данных репрессированного духовенства Урала (1918–1946 гг.) (см. ссылку 1 на С. 34–35).

⁵ Полный православный богословский энциклопедический словарь. С. 1706.

⁶ База данных репрессированного духовенства Урала...

Свердловской области в границах 1937–1938 гг. и Пермской губернии. До октября 1938 года Свердловская область, включавшая пермскую часть, территориально сопоставима с Пермской губернией, увеличенной на Туринский уезд (выделенный из Тобольской губернии), но в то же время уменьшенной на сопоставимый с ним Шадринский (который в 1934 году вошел в состав Челябинской области). Количество клира, служившего в Пермской губернии (включавшей Екатеринбургскую и Пермскую епархии) на 1912 год составляло 1337 священников и 608 дьяконов (см. табл. 1.1). Во время Большого террора на территории Свердловской области (с пермской частью) было подвергнуто заключению и расстреляно 403 священника (27,9% от количества служивших в 1912 г. в Пермской губернии), 40 дьяконов (6,7%) и 45 псаломщиков (4,7%)¹ (см. табл. 1.10).

Из приведенной статистики видно, что доля репрессированных дьяконов и псаломщиков в уральских епархиях оказалась в разы меньшей, чем священников. Среди других работников церкви (церковных старост, сторожей, членов и председателей церковного совета и др.) доля репрессированных была еще ниже; менее всего коснулись репрессии Большого террора монашествующих и активных прихожан, не занимавших каких-то церковных должностей.

Отсюда можно сделать вывод, о том, что основной направленностью репрессивной политики государства во время Большого террора была институциональная церковная структура, а степень репрессий определялось занятием в этой структуре более высоких должностей. Основной группой, попавшей под репрессии, стало приходское духовенство и особенно епископат, который был репрессирован полностью; в значительно меньшей степени подверглись репрессиям низшие члены церковного клира: дьякона и псаломщики, еще в меньшей степени репрессии коснулись монашествующих и активных прихожан, не занимавших какие-либо должности в церковной организации. Уменьшение в разы числа церковных работников произошло прежде всего вследствие массового закрытия храмов.

¹ База данных репрессированного духовенства Урала...

Как показал подъем церковной жизни в годы Великой Отечественной войны, количество верующих людей осталось значительным, а их религиозность из-за отсутствия храмов стала приобретать иные формы¹.

В результате нашего исследования были получены данные, уточняющие взгляд на политику Большого террора на Урале. Установлена закономерность его проведения к разным категориям служителей церкви. Эта закономерность для всех уральских областей: репрессии Большого террора были направлены в первую очередь против священников, дьяконы пострадали в меньшей степени, еще ниже количество арестов было в отношении псаломщиков и работников церкви. Та же тенденция обнаруживается во всех рассмотренных территориях и в интенсивности террора: священнослужители чаще приговаривались к высшей мере наказания, чем остальные церковники.

Проведение политики Большого террора против духовенства на Урале имело ряд региональную специфику в зависимости от особенностей работы того или иного областного управления НКВД. Такие особенности имелись, например, в отношении к осведомителям. В челябинском Управлении НКВД все осведомители по духовенству были поставлены во главе фиктивных повстанческих организаций и расстреляны. В Свердловской области из трех, сотрудничавших с НКВД священников, один священник шел по одиночному делу и получил 10 лет, а двое других не попали в места заключения: один продолжил служение, другой находился на гражданской работе².

Другой региональной особенностью террора в отношении священнослужителей являлась его интенсивность (ожесточенность) по отношению к клирикам, которая также зависела от политики областного управления НКВД. Наиболее сильный террор против духовенства осуществлялся в Оренбургской области, из числа

¹ Такахаши С. Два типа религиозности времен позднего социализма: православные верующие во Владимирской области // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3/4. С. 327–347.

² Предположение о сотрудничестве этих священников с органами НКВД основано на фактах сотрудничества с уполномоченным по делам религий и неоднократном доносительстве на правящего архиерея. См.: Справки о деятельности церкви 1958–1966 гг. // ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 58. Д. 112. Л. 208.

арестованных приговорены к расстрелу 95 % священников и дьяконов, в Свердловской же священников чаще всего относили ко второй категории, как менее опасных контрреволюционеров, и приговаривали соответственно к 8–10 годам заключения.

* * *

Итак, изменение государственно-церковных отношений на принципиально иной основе было закреплено законодательно, в новом государственном устройстве церкви не было места. Политика устранения политического и идеологического конкурента подразумевала комплекс постепенных мер: церковный раскол, тотальную антицерковную пропаганду, замещение административных и культурных функций, ранее выполнявшиеся Церковью, различные формы репрессий.

Репрессивная политика советской власти явилась основным фактором изменения социокультурного портрета уральского духовенства.

На примере Екатеринбургской и Пермской епархий видно, что в начале XX века наблюдался небольшой, но стабильной прирост клира. Однако уровень образования духовенства не соответствовал требованиям, предъявляемым священноначалием. В Екатеринбургской епархии процент духовенства с полным семинарским или академическим образованием составлял 55 %, в Пермской епархии — 43 % (в губернской Перми он составлял 85 %, а в отдаленном Чердынском уезде — всего 25 %). Такая ситуация получила повсеместное распространение и в других епархиях и отчасти объяснялась тем, что с конца XIX века учащиеся семинарий получили возможность поступления в светские вузы.

Доля священнослужителей среди других служителей церкви (дьяконов и псаломщиков) во всех епархиях была стабильно высокой и составляла от 46 до 49 %, на втором месте по многочисленности была группа псаломщиков (от 31 до 43 %), дьяконство было самой небольшой и нестабильной по количеству группой (от 8 до 23 %).

Возрастной состав духовенства к началу XX века изучен на примере пермского духовенства. Для 82 % духовенства он составлял менее 50 лет, при этом самой молодой группой являлись псаломщики.

Первые репрессии в отношении духовенства начались на Урале в 1918 году, когда 13 февраля был убит воспитанник Екатеринбургской семинарии Симеон Коровин. Особенностью террора в Екатеринбургской епархии было то, что он был начат летом 1918 года, за несколько месяцев до официального объявления «красного террора», был инициирован на местах и отличался бессудностью расправ над священниками, оказавшимися в местах ведения боевых действий. В Екатеринбургской пострадало 3,5 % духовенства (священников, дьяконов, псаломщиков), в Челябинской епархии 3,7 %. Террор имел ярко выраженный классовый характер. В большей степени от него пострадали протоиереи и священнослужители, террор почти не затронул псаломщиков. Так, в Екатеринбургской епархии было убито 6 % священников, 3,1 % диаконов, 0,2 % псаломщиков. В Пермской епархии протоиереев было убито 39 %, священников 7 %, диаконов 2 %, псаломщиков 1 %. Летом 1918 года в приходах, располагавшихся в окрестностях Далматовского монастыря, появляется практика служения монашествующего духовенства на приходах. Принятое сначала как временная мера, она впоследствии получит широкое распространение по всему Уралу в связи с закрытием монастырей.

Активная пропаганда ужасов «красного террора», боязнь его повторения, факты сотрудничества духовенства с Белой Армией стали главными причинами массового бегства духовенства с приходов при генеральном наступлении Красной Армии на Восточном фронте. Бегство духовенства в 1919 году приняло массовый характер, затронув в большей степени те районы, где в 1918 году вспыхивали антибольшевистские восстания. В Красноуфимском уезде с приходов ушло около 75 % священнослужителей, а количество приходов, где ушел хотя бы один из членов причта, составляло не менее 95 %. В районах, не пострадавших от Гражданской войны, бегство духовенства было несколько меньшим. Так, в Туринском уезде приходы покинули 50 % священнослужителей. Массовые рукоположения новых служителей культа также привели к изменению социокультурных характеристик духовенства на Урале.

Период 1922–1926 гг., обозначенный исследователями как «религиозный НЭП», характеризуется повышением влияния государства на внутреннюю жизнь

церкви. В это время на Урале получают распространение обновленческое, григорьевское и андреевское движения. Два первых характеризуются в современной историографии как расколы, сформированные при помощи ОГПУ. Увеличение числа церковных юрисдикций привело к умножению епископата. В этот период начинается активная вербовка осведомителей ОГПУ из числа духовенства.

Новая волна репрессий против уральского духовенства возникает после окончания НЭПа и поворота к форсированной индустриализации. Эту волну массовых арестов можно ограничить 1927–1933 годами. Репрессии этого периода захватили в большей степени сельскохозяйственные районы и, соответственно, сельское духовенство. Так, если на территориях современных Челябинской области и Пермского края в эти годы пострадало 27,6 % и 29,3 % от общего числа «церковников», репрессированных в советскую эпоху, то на территориях Башкирии и Курганской области соответствующий показатель составил 49 % и 35,5 % соответственно. Второй репрессивной тенденцией этого периода стала массовая компания против церковно-монашеских общин. Из 54 монашествующих, осужденных на территории будущей Челябинской области за весь советский период, за четыре года коллективизации, с 1929 по 1933 годы, было осуждено более половины (29 человек). Против монашествующих, проживавших в Верхотурье, было сфабриковано групповое дело «Историческая гниль», по которому были осуждены около 80 монашествующих.

На этот период приходится массовое закрытие церквей, сокращается количество епархий. В результате потери рабочих мест, страха репрессий и арестов во всех уральских епархиях сокращается количество служащего духовенства. Так, за десять лет, с 1926 по 1936 гг., количество священнослужителей в Свердловской епархии сократилось на 452 клирика: с 762 до 310. Четвертая часть (117 из 452) священнослужителей оставили службу в церкви по причине ссылок и заключений. Политика лишения избирательных прав с 1918 по 1936 гг. привела к массовому уходу из церковного служения группы псаломщиков и уменьшению ее доли в церковном клире. Если священники, дьякона и псаломщики, прекратив профессио-

нальную деятельность в церкви, часто переходили на гражданскую службу, то вышедший за штат епископат за единственным исключением содержался за счет сборов прихожан.

Большой террор против уральского духовенства явился кульминацией репрессивной политики. В большей степени репрессии коснулись епископата, который был в этот период фактически уничтожен, служащих клириков (в первую очередь священников, потом дьяконов). В меньшей степени репрессии затронули псаломщиков и иных работников церкви. Монашествующие пострадали в меньшей степени, чем во время репрессий 1929–1933 гг., в основном пострадали те, кто служил на приходах. Также пострадали осведомители НКВД из числа служителей церкви, хотя интенсивность их привлечения определялась часто региональными особенностями работы областных отделов НКВД.

Интенсивность террора, определяемая количеством вынесения смертных приговоров для арестованных, отличалась в разных областях. Для священников Оренбургской области она составляла 95,5 %, для Башкирии — 83,6 %, для Челябинской области (с курганской частью) — 82 %, для Свердловской области (с пермской частью) — 65,7 %.

Большой террор против клириков церкви сопровождался массовым закрытием церквей, в результате чего рабочих мест лишились работники церкви. Аресты немногих оставшихся на свободе священников и закрытие храмов продолжались вплоть до начала Великой Отечественной войны. В результате чего в Чкаловской (Оренбургской) и Челябинской областях не осталось ни одного действующего храма и ни одного служащего священника, в Башкирии работал один действующий храм с несколькими клириками. В Свердловской и Пермской епархиях сохранилось соответственно 20 и 9 храмов со служившим в нем духовенством.

Анализ биографий духовенства Свердловской и Оренбургской епархий, состоявшего на службе в 1940-е гг., позволил проследить адаптационные стратегии, которые помогли ему выжить в годы Большого террора. Примерно одинаковое количество клириков Свердловской и Оренбургской епархий побывало в местах за-

ключения (66 % и 69 % соответственно). Прерывали на длительные сроки свое служение в церкви 56 % послевоенного духовенства Свердловской и 86 % Оренбургской епархий, причем у большинства перерыв был связан с заключением и сложностью трудоустройства после освобождения. И только в Свердловской области удалось обнаружить 6 человек, которые прослужили в церкви 1920–1930-е гг., не подвергнувшись аресту и не выходя за штат. В Оренбургской области такого духовенства обнаружено не было.

ГЛАВА 2. ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОРТРЕТА УРАЛЬСКОГО ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА В 1920–1930-е ГОДЫ

Духовенство в Российской Империи являлось социальной группой, положение которой на законной основе предполагало ряд привилегий от государства и ряд обязанностей перед ним. Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов, утвержденный Центральным Исполнительным Комитетом Советов рабочих и солдатских депутатов в заседании 10 (23) ноября 1917 года и одобренный Советом Народных Комиссаров 11 (24) ноября 1917 года, упразднил «все существовавшие донныне в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины» (ст. 1), а также установил «одно общее для всего населения России наименование граждан Российской Республики» (ст. 2)¹.

2.1 Изменение уровня доходов и качества жизни

Исследованию доходов пермского духовенства в XIX веке посвящена отдельная глава в монографии А. В. Мангилёвой. В отношении доходов духовенства она отмечает, что имеющийся у исследователей материал, в частности клировые ведомости, не дают полной картины, отсутствуют, например, сведения о дополнительных доходах. А. В. Мангилёва подчеркивает, что «вопрос об уровне жизни духовенства нуждается в дальнейшем исследовании с привлечением новых материалов»², однако отмечает, что «уровень жизни уральского духовенства был не так уж и низок»³.

Доходы духовенства до 1917 года слагались из нескольких статей. Традиционно приходское духовенство получало так называемую ругу – плату за службу продуктами или (реже) деньгами, пользовалось землей, приписанной к храму, а

¹ Цит по: Сайт конституции Российской Федерации. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5308/>.

² Мангилева А. В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX – начале XX в. Екатеринбург, 2015. С. 339.

³ Там же.

также получало плату за исправление треб. С 40-х годов XIX века началось постепенное введение казенного жалования клирикам церквей, прихожанами которых являлись государственные и удельные крестьяне (при том не способные сами обеспечить надлежащий уровень доходов духовенства). Еще раньше было назначено жалование клирикам горнозаводских приходов¹.

Помимо вышеуказанных, имелись и другие источники доходов. Это проценты с капиталов церкви, лежавших в банках. Доходы церкви могли строиться от сдачи в аренду церковных владений: земли, озер, помещений нерелигиозного назначения, принадлежавших церкви и др.

Весьма существенной статьёй доходов зачастую являлось собственное хозяйство клириков. В клировых ведомостях начала XIX века отмечалось широкое распространение среди духовенства скотоводства и птицеводства. Поголовье скота у некоторых священноцерковнослужителей при этом могло считаться вполне достаточным для небольшой фермы². Встречались клирики, занимавшиеся дополнительно ремеслом (главным образом, чеботарным). Добавим, что при исследовании доходов священнослужителей, как правило, рассматриваются источники дохода самого клирика. Исследований домохозяйства священнослужителей нами не обнаружено. А так как понятие «домохозяйство» включает и совместно проживающих с главой семейства людей, ведущих общее хозяйство, то общий уровень доходов может значительно различаться, в т. ч. и за счет лиц, не являющихся родственниками, но вносящих свою долю дохода в общий бюджет.

К тому же стоимость жизни была разной даже в пределах уезда. Например, преподававший в начале XX века в епархиальных учебных заведениях П. П. Бажов переехал из Екатеринбурга в Камышлов именно из-за того, что уровень цен в последнем был существенно ниже.

¹ Мангилева А. В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии... С. 271–272.

² Там же. С. 327.

В исследовании биографий зауральского духовенства, подвергшегося репрессиям в 1918 году¹, мы уделяли внимание уровню жизни клириков в начале XX века. Можно согласиться с выводами А. В. Мангилёвой о том, что уровень жизни духовенства был в целом удовлетворительным, но при этом довольно сильно мог отличаться и в большую, и в меньшую сторону.

Бедственное положение некоторых служителей объяснялось или бедственным положением прихода, или высокими затратами на обучение детей. Так, в 1909 году Василий Милицын просил снять с него священный сан «по причине бедности занимаемого им прихода»², а в дальнейшем он был вынужден ради получения дополнительного дохода сдать в наём квартиру в Екатеринбурге и отправить для присмотра за ней супругу. Это отдельное жильё с женой явилось даже причиной епархиального разбирательства³.

При сравнении экономических моделей существования духовенства до революции с послереволюционным периодом нужно отметить, что коренным образом отличалась сама структура расходов клира. До революции продукты питания были относительно дешевыми, а обучение детей в учебных заведениях дорогим. Многодетному дьякону В. Ситникову, например, пришлось иметь большие долги⁴. В СССР до 1940 года обучение было бесплатным, но дети духовенства, лишённого избирательных прав, при поступлении в учебные заведения (официально — в высшие, на практике — в любые) сталкивались с проблемами, нередко делавшими это обучение невозможным.

А. В. Мангилёва подчеркивает, что доход зависел и от образовательного уровня духовенства. Так, в Екатеринбурге к 1917 году имелось 10 учебных заведений Оренбургского учебного округа, в которых на должности преподавателей Закона Божьего (и исполняющих должности преподавателей) числилось 15 священников. 14 из них одновременно состояли в городских приходах, получая жалование

¹ Печерин А. В. Зауральские новомученики: жизнь и страдания. Далматово: Белое Городище, 2018.

² Печерин А. В. Зауральские новомученики... С. 209.

³ ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 471

⁴ Там же. С. 253.

и по церковной службе. На размер годового преподавательского жалования влияли должность, статус учебного заведения, стаж работы, количество преподаваемых часов. В Екатеринбурге жалование для священников колебалось от 140 руб. в год до 4130 руб. (см. таблицу 2.1), в то же время средний оклад в приходах епархии, согласно «Справочной книжке Екатеринбургской епархии», составлял 300 руб.

Таблица 2.1

Размеры окладов священнослужителей-преподавателей

г. Екатеринбурга за 1915 год*

Учебное заведение	Должность	Годовое жалование, руб.
Екатеринбургская гимназия	законоучитель	2500, квартира
	и.о. законоучителя	240
Прогимназия	законоучитель	144
Реальное училище	законоучитель	4130
Учительский институт	законоучитель	1440
1-я женская гимназия	законоучитель	1883
	и.о. законоучителя	240
	и.о. законоучителя	140
2-я женская гимназия	законоучитель	1430
Частная женская гимназия	законоучитель	360
	и.о. законоучителя	460
1-е высшее начальное училище	законоучитель	900
2-е высшее начальное училище	законоучитель	700
	и.о. законоучителя	150
Железнодорожное высшее начальное училище	законоучитель	468

* Источник: Памятная книжка Оренбургского учебного округа за 1915 год. С. 207–245.

Можно считать, что весьма обеспеченной в финансовом отношении была группа священников уездных и губернских городов. Так, в деле об имуществе наследников протоиерея Н. Оранского, служившего в г. Камышлове, содержится

весьма впечатляющий список личного имущества, показывающий зажиточное положение последнего¹.

Для сравнения с уровнем жизни духовенства в середине 1930-х гг. может быть использован анализ перечня имущества служителей церкви, составлявшийся при обысках и арестах в 1930-е гг. Имущество это составляло один или два вида одежды, иногда книги или отдельные богослужебные принадлежности. Обеднение духовенства шло постепенно. В 1918 году вышло сразу несколько декретов советской власти, которые подорвали экономическое положение духовенства и ударили по их социальному статусу. В первую очередь это были декреты о земле и об отделении церкви от государства и школы от церкви.

Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в первую очередь ударил по священнослужителям, работавшим преподавателями в нецерковных учебных заведениях. Декрет привел к их увольнению, а также к выселению из казенных квартир. В селах исполнение этих декретов коснулось клира не сразу и в меньшей степени, чем в городе. Одним из главных следствий стала отмена основной статьи доходов духовенства — государственного жалования. Это привело к массовому сокращению вторых и третьих штатов духовенства в больших приходах (до революции храмы с большим приписанным населением часто имели два или три штата священников, дьяконов и псаломщиков). Священническую группу такие сокращения затронули в меньшей степени, потому как в селах, где причт ушел с белыми, оставалось немало праздных мест. Духовенство, оказавшееся без мест на своем приходе, легко могло найти пустовавший приход в рамках своего благочиния. В большей степени сокращение штатов привело к сокращению псаломщической группы, так как места псаломщиков заменялись дьяконами. Массовый переход псаломщиков из церковной в гражданскую сферу деятельности привел к тому, что в начале 1920-х гг. в церкви появляется феномен женского псаломщического служения, исследованный в параграфе 2.5 настоящей работы.

¹ Опись имущества умершего священника колчеданской Сретенской церкви Иоанна Оранского // Государственный архив в г. Шадринске (ГАШ). Ф. И-206. Оп. 1. Д. 129.

До революции клирики на приходах жили или в собственных, или в церковных домах, или на съемных квартирах. Следствием декрета об отделении Церкви от государства стало изъятие церковных домов для государственных учреждений. На селе этот процесс занял несколько лет. В первую очередь отбирались дома священнослужителей как более большие, крепкие и пригодные для новых учреждений. Так, в приходе с. Алтыновского из пяти домов в 1920 году у церкви были изъяты только два священнических дома. Низший причт, дьякон, псаломщик и просфорня, продолжали жить в церковных домах, священник же вынужденно переехал на съемную квартиру¹. До сих пор дома духовенства сохранились во многих уральских селах и являются наглядным свидетельством высокого социального статуса и уровня жизни дореволюционного приходского священника. В дальнейшем, согласно клировым ведомостям за 1930–1931 гг., изъятыми оказывались не только церковные, но и собственные дома священнослужителей, подпавшие под репрессивную политику раскулачивания и вследствие неуплаты налогов. Движимое имущество, находившееся в ведении церкви, также могло быть конфисковано за неуплату налогов.

Такая государственная политика наряду с падением доходов от церкви привела переустройству их быта в сторону самообеспечения за счет ведения собственного хозяйства. Во время сезонных работ священнику по хозяйству помогали крестьяне прихода. Так, например, на священника с. Замараевского Б. И. Павлова, имевшего 3 лошади, 3 коровы и 60 десятин земли, трудились три постоянных работника и до 200 сезонных². У священника с. Лебяжьевого Куртамышского р-на Н. П. Селяпинова, имевшего одну лошадь и две коровы, сезонно трудились 50 человек, постоянная работница была одна³.

Такая экономическая модель сельским духовенством активно применялась вплоть до массовой коллективизации, во время которой духовенство вместе с кре-

¹ Клировые ведомости 2-го благочинного округа Красноуфимского уезда Пермской епархии за 1920 г. // ГАПК. Ф. 542 Оп. 1 Д. 9. Л. 3 об.–4.

² ГАОПДКО Ф. 6905. Оп. 2. Д. 1203. Л. 5.

³ ГАОПДКО Ф. 6905. Оп. 2. Д. 73. Л. 66 – 66 об.

стьянством пострадало в большой степени. Можно предположить, что материальные сложности наряду с закрытием церквей привели к массовой миграции духовенства, а также к выходу их из церковного служения в начале 1930-х гг.

Для выявления имущественного положения сельского духовенства после революции нами было просмотрены в ГАОПДКО архивно-следственные дела духовенства, относящиеся к периоду 1929–1935 гг. Данных по имущественному положению в этих делах содержится мало, они являются разрозненными и крайне разнородными; чаще всего (в 10 случаях) приводятся сведения о домашнем скоте (см. табл. 2.2). На момент ареста из десяти священников только у одного имелась корова.

Таблица 2.2

Количество домашнего скота в семьях духовенства Уральской области
(в границах Курганской области)*

ФИО	До 1917 г.				До 1929 г.			
	лошади	коровы / телята	овцы	свиньи	лошади	коровы / телята	овцы	свиньи
Кокорин А. П.	2	2 / 2	–	–	2 / 1	2 / 2	5	1
Меркурьев К. А.	1	4 / 5	–	–	2	5	2	1
Сапрыкин М. А.	3	3	15	–	2	2	12	–
Шевелев А. А.	3	4	6	2	1	1	–	–
Инфантьев П. Н.	н/д	н/д	н/д	н/д	–	1	(2 козы)	
Марсов Н. А.	н/д	н/д	н/д	н/д	2	1	2	2
Попов Г. Г.	н/д	н/д	н/д	н/д	1	7	5	–
Селянинов Л. П.	н/д	н/д	н/д	н/д	1	1	–	–
Селянинов Н. П.	н/д	н/д	н/д	н/д	1	2	–	–
Ульянов И. В.	н/д	н/д	н/д	н/д	1	2	–	–

* Источник: ГАОПДКО. Ф. 6905. Оп. 2. Д. 73, 887, 917, 1092, 1645, 2368, 2502, 3659, 4049, 4842.

Таким образом, до начала коллективизации поголовье домашнего скота у священнослужителей хотя и существенно различалось по размерам, но в целом имелось у всех и, очевидно, играло важную роль в подсобном хозяйстве. Показательно, что у некоторых оно даже заметно увеличилось по сравнению с дореволюционным периодом. В дальнейшем, однако, домашний скот у священнослужителей практически исчезает. Основной причиной этого, безусловно, стало ужесточение антицерковной политики властей, одним из проявлений которой являлось обложение духовенства

непомерными налогами, неуплата которых влекла за собой конфискацию имущества. Так, в 1929 году подобная мера была применена к священнику Николаю Марсову. Прочитируем опись оставшегося после конфискации имущества его семьи из пяти человек: койка железная – 1, подушек – 2, одеяло – 1, матрас – 1, клеенка – 1, холст – 2 аршина, полотенце – 6, скатерти – 2, юбка – 1, ящик – 1, стаканов – 5, тулуп – 1; всего имущества на сумму: 10 руб. 90 коп¹.

Имущество духовенства могло забираться во время раскулачивания при коллективизации, и по причине неуплаченных вовремя налогов, и в следствии конфискации имущества по суду, как у священника А. А. Шевелева, с формулировкой «за саботаж и невыполнение хлебозаготовок»². В целом, насколько можно судить из воспоминаний родственников духовенства, подобные события в то время происходили повсеместно.

Низкий уровень жизни городского населения, особенно в жилищном отношении, в 1920–1930-е гг. являлся вполне обыденным для тех лет, но положение духовенства в этом плане было значительно хуже среднего. Так, правящий архиерей Екатеринбургской епархии, а с середины двадцатых годов глава «григорьевского» раскола Григорий Яцковский, имевший в своем распоряжении до 1918 года архиерейский дом с множеством обслуживающего персонала, домовую церковь и другими помещениями, в 1932 году проживал в одном из помещений Иоанно-Предтеченской церкви жилой площадью 10 кв. м. Вместе с ним в других помещениях церкви проживало еще четыре человека. При этом уровень жизни архиерея продолжал оставаться самым лучшим среди городского духовенства, превышая средний уровень почти в два раза.

На основании переписи домовладений г. Свердловска мы помещаем выборку, наглядно показывающую качество жизни духовенства начала 1930-х гг. (см. таблицу 2.3).

Среднее количество квадратных метров на одного клирика и/или члена его семьи составляло менее пяти метров. Среднее количество квадратных метров для

¹ ГАОПДКО Ф. 6905 Оп. 2. Д. 887. Л. 31.

² ГАОПДКО Ф. 6905 Оп. 2. Д. 1645. Л. 19.

проживавших с ними горожан было в среднем 5,5 метров. Владельцы собственных домов в результате подселения были поставлены в равное с недомовладельцами положение.

Таблица 2.3

Уровень жизни духовенства, согласно результатам переписи
домовладений г. Свердловска за 1932 год

ФИО	Возраст, из них жил в городе	Домо-вла- делец	Кол-во жильцов всего, из них чле- нов семьи клирика	Всего жилых м ² / м ² на семью кли- рика / м ² на чело- века
Ляпустин Н. А., прот.	67 / 1	нет	5 / 1	40 / 6 / 6
Хромцов Ф. С., прот.	58 / 25	нет	4 / 4	25 / 25 / 6,3
Исаков А. В., свящ.	52 / 15	да	31 / 5	96 / 15 / 3
Левицкий Д. А., свящ.	52 / 52	нет	35 / 7	65 / 16 / 2,2
Григорий (Яцков- ский), архиеп.	65 / 14	нет	5 / 1	38 / 10 / 10
Рождественский А. А., дьякон	4 / 2мес	нет	5 / 1	39 / 6 / 6
Подкорытов П., прот.	55 / 35	нет	18 / 2	101 / 12 / 6
Хаймин И. И., прото- диак.	37 / 5	нет	21 / 7	83 / 15 / 2,1
Леонтьев В. Ф. (быв. дьяк., рабочий-сапож- ник)	49 / 49	да	16 / 8	48 / 26 / 3,3
Иванов И. (быв. про- тодьяк., служащий)	66 / 10	нет	69 / 5	624 / 21 / 4,2

* Источник: ГАСО. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 179. Л. 2-2 об.; Д. 206. Л. 12-12 об.; Д. 264. Л. 12-12 об.; Д. 283. Л. 12-12 об.; Д. 295. Л. 4-4 об.; Д. 313. Л. 4-4 об.; Д. 480. Л. 4-4 об.; Д. 517. Л. 33-33 об.; Д. 532. Л. 31-31 об.

Главным источником информации о доходах духовенства в 1920–1930-е гг. (как и в XIX веке) являются клировые ведомости. Для анализа финансового положения духовенства были выбраны клировые ведомости 22 приходов Красноуфимского уезда за 1916 и 1922 гг.

Гиперинфляция начала 1920-х гг. не позволяет сравнивать цифры даже в рамках одного года, но позволяет увидеть, из чего слагались основные статьи доходов духовенства в первые годы советской власти. Две формы оплаты, связанные с государством, после 1918 года перестали существовать навсегда – это жалование и

процент с капиталов. Примерно в половине приходов содержание продолжало осуществляться за счет кружечных доходов. В некоторых приходах кружечные сборы не собирались совсем.

Согласно Декрету о земле, приходы с 1918 года не имели права владения землей, но из анализа метрических книг по Красноуфимскому уезду за 1920–1922 гг. видно, что земля хотя и переходила в пользование крестьян, но в некоторых приходах продолжала отдаваться во временное пользование причта. Из 22 приходов в 1922 году земля имелась только в трех. Из 32 клировых ведомостей за 1929–1931 годы в Свердловской епархии выявлен лишь один подобный случай: в 1929 году в с. Куликовском священник имел одну десятину земли и обрабатывал ее сам¹. В других ведомостях если и содержались упоминания о церковной земле, то очевидно, что речь шла о земле, занимавшейся самой церковью и церковным кладбищем. С началом массовой коллективизацией подобные случаи частного землевладения представителей духовенства исчезли полностью.

Одной из важных статей дохода для духовенства был хлебный сбор. Так, у священника уже упоминавшегося с. Алтыновского он составлял до 100 пудов в год, но, как указано в клировой ведомости, в 1920 году хлебный сбор был отменен, по видимому, в результате продразверстки. Тем не менее выдача хлеба как форма натуральной оплаты священнику сохранялась до 1930-х гг. Из 22 приходов Красноуфимского уезда хлебный сбор и натуроплата хлебом указаны в шести. Из 32 проанализированных клировых ведомостей Свердловской епархии за начало 1930-х гг. в содержании 5 причтов был указан хлебный паек или печеный хлеб.

Несмотря на переход многих приходов в начале 1920-х гг. на оплату священникам продуктами, возвращение к повсеместному натуральному обмену в церкви не произошло. Живые деньги священники продолжали получать за совершение треб и от кружечных сборов вплоть до конца 1930-х годов.

Для сравнительного анализа денежных доходов духовенства был взят общий размер доходов из клировых ведомостей за 1931 г. Из 32 храмов конкретные суммы

¹ ГАПК. Ф. 542 Оп. 1. Д. 173. Л. 11–11 об.

денежных доходов были указаны только по приходам п. Билимбаев, с.с. Бруснятского, Гарашинского, Захаровки, Костоусовского, Скатынского и Шарташа¹. Структура дополнительных доходов в сравнении с 1922 годом существенно не изменилась. Чаще статьей дохода указаны добровольные доходы от совершения треб, вместо хлебного сбора указан хлебный паек, вместо добровольного пожертвования и добровольных сборов — добровольные подаяния, подаяния от общины. За терминологическими отличиями стоит реальное понижение и социального статуса, и экономического положения священника в приходе.

Для сравнения уровня доходов духовенства начала 1930-х гг. с дореволюционным взяты одни и те же приходы, с информацией о годовых доходах причта по справочнику 1915 г., фактически относящихся к 1913 г. (см. таблицу 2.4).

Ввиду совершенно разного уровня цен в первом и втором случаях, ниже приведена сравнительная таблица цен на некоторые продукты для того и другого периода (см. таблицу 2.5).

Таблица 2.4

Сравнительная таблица доходов духовенства за 1913 и 1930–1931 гг.*

Приход	Общий размер годового дохода (из всех источников), руб.	
	1913 г.	1930–1931 гг.
Билимбаевский завод	3858 (на 7 членов причта)	5715 (на 3 члена причта)
с. Бруснятское	1435 (на 3)	1285 (на 2)**
с. Гарашинское	1033 (на 2)	800 (на 2)
с. Захаровское	1080 (на 3)	956 (на 2)**
с. Костоусовское	793 (на 2)	1061 (на 1)**
с. Скатынское	1096 (на 3)	548 (на 1)**
с. Шарташское	720 (на 2)	1003 (на 1)**

* Источник: Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1915 год. Екатеринбург, 1915; ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 5. Д. 169, 172, 173.

** Пересчитано, исходя из указанной суммы доходов за неполный год.

¹ ЦГА УР. Ф. 245. Оп. 5. Д. 169 (Клировые ведомости церковей с.с. Бруснятского, Костоусовского); Д. 172 (с.с. Гарашинское, Скатынское, Шарташ, Билимбаевский завод); Д. 173 (Верхне-Уфалейский, Бисертский заводы, с.с. Обуховское, Володинское, Падеринское, Никольское, Пышминско-Экономическое, Сылвинское).

Таблица 2.5

Сравнительная таблица цен на основные продукты питания

Наименование товара, единица измерения	Средние цены по г. Москве, в руб.		
	1913 г.	1925 г.	1937 г.
Хлеб ржаной, кг	0,07	0,12	0,85
Хлеб пшеничный, кг	0,14–0,17	0,29–0,39	1,70
Масло сливочное, кг	1,10–1,22	1,88–2,49	16,0
Рис, кг	0,39	0,43	6,0
Картофель, кг	0,02	0,06	Нет данных
Говядина, кг	0,46–0,56	0,54–0,68	6,0–7,0
Сахар, кг	0,29–0,32	0,63–0,75	4,7
Сукно, м	2,82	10,98	Нет данных

* Источник: *Терешкова М.* Цены 1913 года в современных рублях [Электронный ресурс] // Красное место. URL: <http://www.krasplace.ru/ceny-1913-goda-v-sovremennykh-rublyakh> (дата обращения: 05.11.2018); *Курукин И., Никулина Е.* Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. М.: Молодая гвардия, 2007; Справочник отпускных и розничных цен по г. Москве (1937 г., август).

Таким образом, если общие доходы причтов в 1930–1931 гг. в цифровом выражении представляли собой величины более или менее соразмерные с 1913 годом, то покупательная способность рубля при этом снизилась в 6–9 раз в зависимости от вида товара. В связи с этим уместно указать, что преподаватель Камышловского духовного училища А. А. Наумов во второй половине 1920-х годов продолжал трудиться по специальности (в учебном заведении, которому было отдано здание того же училища), был занят и на второй работе (заведовал музеем), не имел на иждивении несовершеннолетних детей и при том писал своему коллеге В. П. Бирюкову, что может только мечтать о новых сапогах¹.

Еще одним фактором массового обеднения духовенства стали непомерные налоги, налагаемые как на приходы, так и на священнослужителей в 1920–1930-е

¹ ГАСО. Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 2851. Л. 23–24 об.

гг. Известны случаи, когда начислявшиеся налоги на доходы духовенства превышали сами доходы. Так, священник с. Верхний Куганак в Башкирии В. Бородулин получил за исполнение треб с июля 1931 года по январь 1932 года 1696 руб. 55 коп., а уплатить налогов обязан был 2435 руб.¹ В ОГАЧО сохранилась также переписка по жалобе священника с. Сосновского Иоанна Кевролетина на размер налога, при этом он был монахом!² Неуплата же этих налогов вела к конфискации имущества. Следует отметить, что в некоторых приходах в начале 1930-х гг. оплату налогов полностью брала на себя церковная община, что, конечно, являлось довольно значительной статьей в финансовом обеспечении духовенства.

При выселении священников из церковных и собственных домов, что к 1930-м гг. стало явлением почти повсеместным, оплату проживания клирика на съемной квартире брал на себя приход. В 1930-е гг. при повсеместно низком уровне жизни, бесплатную квартиру и отопление также можно было считать серьезной статьей доходов священнослужителей.

Можно суммировать, что в первые два десятилетия советской власти произошло повсеместное и массовое обеднение духовенства, поставившее их из стабильно обеспеченного сословия на порог бедности и фактического выживания в условиях агрессивно настроенной к ним государственной системы. Материальное положение духовенства стало напрямую зависеть от прихожан. При этом «градус веры» оставшихся в церковных общинах людей повысился. Они кроме содержания причта разделяли налоговое бремя, падавшее как на церковные помещения, так и на духовенство.

2.2 Изменение образовательного уровня и возрастного состава

Картину последствий массового «исхода» духовенства в 1919 году описывает в своих дневниках клирик Вятской епархии протоиерей Михаил Елабужский: «11

¹ Абдулов Н. Т. Уфимская епархия в системе государственно-церковных отношений: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2006. С. 90.

² ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 4396.

августа. Многие священники отступили с белыми. Архиерей Алексей¹ охотно ставит временно на их место во священники дьяконов и даже псаломщиков. Повсеместно развилась дьяконская горячка. Даже не кончившие начальную школу дьяконы ставятся во иереи»². Картина эта была характерна не только для Вятской епархии. Обращение к клировым ведомостям позволяет провести анализ рукоположений духовенства в период Гражданской войны. В градо-Красноуфимском благочинии трое из девяти клириков были рукоположены после 1919 г. В 1-м благочинии Красноуфимского уезда к осени 1920 года также в $\frac{1}{3}$ приходов на местах священников служили иереи нового поставления. Во втором округе их количество приближалось к половине от всего служившего священства³.

В градо-Красноуфимском благочинии лишь один из семи настоятелей приходов был выходцем из духовного сословия. С учетом вторых священников, доля духовенства не из духовного сословия составляла $\frac{2}{3}$ (6 из 9). В 1-м благочинии Красноуфимского уезда более половины (8 из 14) священников были из числа крестьян (6), мещан (1) и рабочих (1 сын мастерового); во 2-ом округе преобладали клирики из духовного сословия, количество же священства из иных сословий составляло чуть больше трети⁴. Анализ клировых ведомостей других уездов Пермской губернии показывает повсеместно большой уровень духовенства, вышедшего из других сословий (в основном из крестьян и мещан), составлявшего в разных местах от трети до половины и более от общего числа клириков⁵. Как тенденцию можно также отметить, что оставшиеся при красных представители духовенства дореволюционного поставления также были по преимуществу из «народной среды». Нужно также сказать о появлении в среде низшего церковного духовенства женщин.

¹ Епископ Алексей (в миру Николай Николаевич Кузнецов) в 1918 г. назначен на Сарапульскую кафедру; в 1927 г. возведен в сан архиепископа; в 1931–1932 гг. и в 1935 г. временно управлял Свердловской епархией; в 1938 г. расстрелян.

² Протоиерей Михаил Стефанович Елабужский. Можга, 2015. С. 55.

³ ГАПК. Ф. 542. Оп. 1. Д. 7, 10, 24.

⁴ Там же.

⁵ ГАПК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 270, 272, 274, 276–278, 280–282.

Массовый уход клириков с белыми войсками не мог не отразиться на социокультурном портрете уральского духовенства. Выявить социальные трансформации, произошедшие в результате изменения личного состава духовенства, позволяют, прежде всего, источники личного происхождения.

Пополнение состава духовенства представителями иных социальных страт ставит перед исследователями вопрос об уровне образования этих новопоставленных клириков. Клировые ведомости по Красноуфимскому уезду показывают, что ни один священник «недуховного» происхождения не окончил духовных учебных заведений. Это относится также и к «ненаследственному» духовенству дореволюционного поставления. Исключением из правил является священник с. Алтыновского из пермских мещан, рукоположенный в 1912 г. и окончивший перед тем школу псаломщиков. В основном уровень образования священников мирского происхождения ограничивался двухклассными школами Министерства народного просвещения, учительскими школами и учительскими семинариями, земскими школами, редко гимназиями. Родом их деятельности до вхождения в состав клира было по преимуществу преподавание. Из анализа послужных списков рукоположенного в 1919–1920 гг. духовенства можно сделать вывод, что первыми, кто вошел в состав духовенства в первые годы советской власти, стала сельская интеллигенция, по преимуществу бывшие учителя.

Клировые ведомости отдельных церквей Кунгурского уезда конца 1919 г., сохранившиеся в архиве Пермского края, содержат послужные списки ушедшего с Колчаком и оставшегося духовенства, а также клириков нового поставления. Из 13 человек, служивших на начало 1919 года, к концу года в тех же самых приходах служили 7 человек. Анализ их образовательного уровня показал, что с колчаковскими войсками ушли все выпускники духовных семинарий, священники же, не имевшие образования такого уровня, остались все, за исключением одного¹.

Сведения об образовательном уровне священнослужителей в первые годы советской власти были сведены в таблицу, где для сравнения представлены данные

¹ ГАПК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 272.

об образовательном уровне духовенства по уездам на 1912 г., полученные из «Справочной книжки Пермской епархии». Для сравнения приводятся не только абсолютные, но и относительные показатели. Неполные данные за 1919 год позволяют говорить об обозначившихся позже тенденциях (см. таблицы 2.6, 2.7).

Данные таблицы 2.6 свидетельствуют прежде всего о значительном падении удельного веса священнослужителей с семинарским образованием. В Красноуфимском уезде процент клириков с окончанным и неоконченным семинарским образованием снизился с 50 % до 13,5 %, а в Пермском — с 66,5 % до 20,1 %. Существенных изменений численности клириков, имевших низшее духовное образование (оконченное и неоконченное духовное училище), при этом не произошло. Общее понижение уровня образования священнослужителей, низкая доля профессионального образования и отсутствие опыта службы становились очень часто нормой приходской жизни, отраженной на страницах дневника вятского протоиерея Михаила Елабужского: «25 сентября [1922 г.] наш дьякон Павел Клим посвящен в иереи села Люк. Ныне и такие малограмотные проходят, — совсем он не умеет правильно читать по-славянски, даже читать только. А относительно разумения и спрашивать не приходится. Доводилось ему по ошибке перелистывать в Евангелии два листа — читает спокойнехонько и далее. При чтении Евангелия иногда в одном зачале сделал ошибок по 20–30, и это при неспешном дьяконском чтении. Как же он будет читать по-иерейски!»¹

¹ Протоиерей Михаил Стефанович Елабужский. Можга, 2015. С. 55.

Уровень образования священнослужителей Пермской епархии (1912–1921 гг.)*

Уезды, годы		Красноуфимский 1912 г.	Красноуфимский 1920–1921 гг.	Пермский 1912 г.	Пермский 1921 г.
Высшее (в т. ч. неоконченное)		–	–	–	1 (7,1 %)
Семинария	Окончившие курс	26 (30,2 %)	8 (12,1 %)	41 (45,4 %)	1 (7,1 %)
	Неокончившие курс	17 (19,8 %)	4 (6,1 %)	19 (21,1 %)	1 (7,1 %)
Духовное училище	Окончившие курс	6 (7 %)	7 (10,6 %)	5 (5,6 %)	3 (7,1 %)
	Неокончившие курс	5 (5,8 %)	4 (6,1 %)	4 (4,4 %)	–
Псаломщическая школа		–	4 (6,1 %)	–	–
Прочее (среднее / низшее)		28 (32,6 %)	38 (11 / 27) (57,6 %) ¹	14 (15,5 %)	8 (3/5) (57,1 %)
Домашнее обучение		4 (4,7 %)	1 (1,5 %)	7 (7,8 %)	–
Итого		86 (100 %)	66 (100 %)	90 (100 %)	14 (100 %)

* Источник: ГАПК. Ф. 542. Оп. 1. Д. 7. Л. 1-151; Д. 9. Л. 1-130; Д. 15. Л. 1-36; Д. 16. Л. 1-10; Д. 24. Л. 1-43; Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 274. Л. 1-35.

¹ Семеро из них окончили богословские или миссионерские курсы.

Священно- и церковнослужители церквей Осинского уезда в 1919 г.

Населенный пункт	Сан, должность	Фамилия	Год рождения	Происхождение	Образование	Поступление на приход	Поступление на данное место	Примечание
Кособаново	Священник	Степнин(?) Павел Николаевич	1869	Из духовенства	Духовная семинария (не окончил)	1916	1916	Эвакуировался
	Исправляющий должность псаломщика	Федотов Григорий Григорьевич	1878	Из духовенства	Училище (начальное?)	1919, март	1919, март	При отсутствии священника службы в некоторые воскресные дни исполняли священники с. Стефанова
Орда	Протоиерей	Седельников Александр Николаевич	1868	Из духовенства	Духовная семинария	1903	1917	Эвакуировался
	Священник	Шастин Петр Федорович	1863	Из духовенства	Духовная семинария	1910	1910	Эвакуировался
	Священник	Посохин Григорий Иоаннович	1883	Из духовенства	Духовная семинария	1908	1908	Эвакуировался
	Священник на дьяконской вакансии	Воскресенский Антоний Стефанович	1876	Из духовенства	Духовная семинария (вышел из 1-го класса)	1898	27.08.1919 рукоположен	Возложено настоятельство в с. Орде
	Дьякон на псаломщицкой вакансии	Корионов Иоанн Иаковлевич	1875		Начальное училище	1900	1905	Эвакуировался
	Псаломщик	Коровин Александр Павлович	1873	Из духовенства	Духовное училище	1918, сентябрь	1918, сентябрь	
	Псаломщик	Осинников Константин Тимофеевич	1888		Начальное училище	1914	1914	Эвакуировался
	Исправляющая должность псаломщика	Пятунина Анфиса Васильевна	1885	Дочь дьякона — вдова крестьянина	Прогимназия (не окончил)	1919, ноябрь	1919, ноябрь	
	Священник сверхштатный	Котельников Иоанн Иоаннович	1874	Из крестьян	Начальное училище (не окончил)	1916	1916	
Ерши	Священник	Симонов Филипп Семенович	1875	Из крестьян	Учительская семинария	1919, апрель	1919, апрель	
	Дьякон на псаломщицкой вакансии	Зобнин Михаил Александрович	1890	Из крестьян	Начальная школа	1919, февраль	1919, февраль	

Населенный пункт	Сан, должность	Фамилия	Год рождения	Происхождение	Образование	Поступление на приход	Поступление на данное место	Примечание
Голухино	Священник	Шмонин Анатоли Михайлович	1879	Сын сельского учителя	Городское 4-кл. училище	1919, сентябрь	1919, сентябрь	
	Псаломщик	Поспелов Федор Васильевич	1883	Из крестьян	Начальное училище	1919, сентябрь	1919, сентябрь	
Старый Посад	Священник	Кулаков Димитрий Никифорович	1888		Церковно-приходская школа	1919, сентябрь	1919, сентябрь	
	Дьякон	Чернов Иоанн Евграфович	1888		Начальное училище (не окончил)	1919, октябрь	1919, октябрь	
	Священник	Пихтовников Иоанн Прокопиевич	1892	Из крестьян	Земское училище	1916	1918	Эвакуировался без жены
	Дьякон	Чураков Иоанн Иоаннович	1893		Городское училище (не окончил)	1914	1915	25 июня 1919 род. Дочь
Веслянское	Дьякон	Мадонов Иоанн Филиппов	1878	Из крестьян	2-кл. миссионерское училище Министерства народного образования	1912	1914	Эвакуировался
	Священник	Алхутов Николай Михайлович	1880	Из духовенства	Духовная семинария, студент	1900	1913	Эвакуировался
	Священник	Кулахов Алексей Игнатьевич	1878		Народное училище	1919, декабрь	1919, декабрь	Временно исполняющий обязанности
Журавлево	Священник	Светлов Федор Евфимиевич	1868	Из духовенства	Духовная семинария (не окончил)	1918, май	1918, май	

* Источник: ГАПК. Ф. Р-1. Оп. 1 Д. 272. Л. 1-114 ; Справочная книга Пермской епархии на 1912 год. Пермь, 1911. С. 1-114

Последствия массового «исхода» духовенства можно проследить через анализ образовательного уровня духовенства в 1930–1931 гг. Нами было проанализировано 40 послужных списков клириков Свердловской епархии. Священники эти служили на приходах, расположенных в разных районах епархии. Сравним эти сведения с данными из последнего предреволюционного отчета Екатеринбургской епархии в Синод за 1915 год (см. таблицу 2.8).

Таблица 2.8

Уровень образования духовенства Екатеринбургской
и Свердловской епархий (1915–1931 гг.)*

Год	Высшее образование	Семинария		Духовное училище		Педагогическая школа	Прочее	Домашнее образование	Итого
		Окончившие	Неокончившие	Окончившие	Неокончившие				
1915	10 (1,5%)	359 (54,7%)	104 (15,9%)	60 (9,2%)	39 (6%)	4 (0,61%)	59 (9%)	21 (3,2%)	656 (100%)
1930	0	10 (25%)	3 (7,5%)	6 (15%)	2 (5%)	1 (2,5%)	16 (40%)	2 (5%)	40 (100%)

Группы протоиереев и священников, выделяемые в дореволюционной церковной статистике, в данном случае объединены.

* Источник: Отчет о состоянии Екатеринбургской епархии за 1915 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2699. Л. 18 об.–19.

Если накануне революции более чем $\frac{2}{3}$ священнослужителей (73,4 %) имели духовное образование не ниже неполного среднего, то к 1930 году цифра эта снизилась более чем в два раза, до 32,5 %. Как видно из анализа клировых ведомостей разных уездов Пермской епархии, представленного выше, падение это произошло не постепенно, например, в силу закрытия духовных школ, а скачкообразно, в 1919–1921 гг., в результате массового бегства духовенства. Впоследствии, с возвращением духовенства, уровень образования несколько вырос, но все равно не достиг тех значений, которые имел до революции. Причтовые вакансии замещались

выходцами из крестьян и низшего клира. Образование и у тех, и у других было невысоким. К 1922 году в разы увеличилось число священства с низшим и средним светским образованием, процент его составил до половины и более от общего числа духовенства. В дальнейшие годы, несмотря на возвращение бежавших с белыми клириков, этот процент продолжал оставаться высоким.

После окончания Гражданской войны состав причта на приходах довольно быстро восстановился. Часть духовенства, ушедшая с приходов вместе с белыми, вернулась, а на место не вернувшихся архиереи рукоположили новых клириков. Рассмотрение социального происхождения духовных лиц, поставленных на приходы в связи с уходом их предшественников, а также тех священноцерковнослужителей, которые не отлучались с мест своего служения, позволило сделать вывод о значительном снижении после Гражданской войны образовательного уровня духовенства и его профессиональных навыков. Происходит фактическое разрушение той социальной группы, которая существовала до революции, и формирование нового духовенства, значительно отличающегося по своему социокультурному портрету от прежнего, сохранявшего наследственные черты сословия.

В подборке состава причта мы использовали данные из клировых ведомостей четырех округов Красноуфимского уезда Екатеринбургской губернии (городского, 1, 2 и 3-го), которые имелись в архиве за разные годы в диапазоне 1920–1922 гг. По источникам было выявлено 67 священников, служивших в Красноуфимском уезде в послереволюционный период, из которых у 65 возраст был известен. Анализ «Адрес-календаря духовенства Пермской епархии за 1912 г.» показывает наличие в Красноуфимском уезде 99 священников (возраст 89 священников известен). Проверить полноту данных о количестве причта по имеющимся документам за 1920–1922 гг. не представляется возможным, но имеющиеся сведения выглядят репрезентативными для проведения комплексного исследования. Так, из 65 человек 26 были рукоположены в 1919 году. Высокий процент вертикальной социальной мобильности и ее интенсивности еще раз подчеркивает, что многие ограничивающие барьеры для рукоположения в сан священника фактически нивелируются. В этом

контексте интересен вопрос попадания в духовную среду людей молодых и деятельных, происходивших не из духовного сословия и имевших светское образование.

В начале XX века большинство духовенства получало священническую хиротонию в молодом возрасте после окончания учебы в духовной семинарии. Это было традиционно для Русской Православной Церкви¹. Анализ возраста рукоположенного в 1919 году клира показывает совершенно другую тенденцию. В Красноуфимском уезде средний возраст таковых составлял 40 лет (см. таблицу 2.9).

Таблица 2.9

Возраст священнослужителей в Красноуфимском уезде
при рукоположении в 1919 году*

Возраст	20–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет
Количество	4	10	10	2
%	15,4 %	38,5 %	38,5 %	7,7 %

* Источник:

Можно констатировать, что большой приток нового духовенства в послереволюционные годы не привел к его «омоложению». Категория рукоположенных в возрасте от 40 до 49 лет в 1919 году из исключения становится нормой (см. таблицу 2.10). Такая тенденция распространялась не только на один Красноуфимский уезд, но по крайней мере на всю Пермскую епархию. В ближайшие годы тенденция к рукоположению немолодых ставленников сохранялась. В годы тотальной нехватки духовенства епископат был обеспокоен, прежде всего, не поиском «пассионариев», а «затыканием дыр» на конкретных приходах. Впрочем, еще в 1910 году в своем

¹ Мангилева А. В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии... С. 429, 434.

отчете в Святейший Синод Екатеринбургский епископ Митрофан (Афонский) несколько раз подчеркивал, что в его епархии «одухотворенных, идейных подвижников-пастырей нет»¹.

Таблица 2.10

Возраст священнослужителей
Красноуфимского уезда в 1912 и 1919–1922 г. *

Возраст	20–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60 лет и выше
1912 г.	4	34	28	18	5
%	4,5 %	38,2 %	31,5 %	20,2 %	5,6 %
1919–1922 гг.	6	24	20	12	3
%	9,2 %	37 %	30,8 %	18,5 %	4,6 %

* Источник: Справочная книга Пермской епархии на 1912 год. Пермь, 1911. С. 51-62; клировые ведомости храмов Красноуфимского уезда.

Если в 1912 году средний возраст священников составлял 43 года, то в 1919 году он составил 42 года. Из выборки 1925 года, сделанной на основании списков лишенных избирательных прав по духовенству Свердловской области, средний возраст составлял уже 46 лет (выборка на 40 персоналий), а к 1929 году — уже 51 год (выборка на 61 персоналию). К сожалению, в списках лишенных избирательных прав возраст не всегда указан, а среди духовенства в 1935 году не указан ни разу². Юрисдикционная принадлежность нами не учитывалась, поэтому в выборке имелись представители как «сергиевского», так и обновленческого и «григорьевского» течений. Не рассматривались нами только священнослужители-старообрядцы.

Пробел в массовых биографических источниках второй половины 1930-х гг. позволяют заполнить следственные дела репрессированных священников. Наиболее репрезентативной для изучения возраста духовенства будет являться выборка

¹ Отчет о состоянии Екатеринбургской епархии за 1910 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2385. Л. 103.

² Списки лиц лишённых избирательных прав по всем округам и руководящая переписка по этому вопросу за 1925 год // ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 9. Д. 33 Т. 2 ; Списки лишенных избирательных прав по Свердловскому округу за 1929 год // Там же. Д. 235.

следственных дел за период Большого террора. В это время репрессиям подверглось почти все духовенство самых разных юрисдикций. Так, на территории современной Пермской и Свердловской областей средний возраст осужденных священников к 1937 году составлял 54 года, столько же составлял средний возраст у духовенства Башкирии, на территории Оренбургской области он достигал 56 лет, а в Челябинской области (включая территорию Курганской) — 57 лет¹.

Можно констатировать, что послереволюционные годы не «омолодили» духовное сословие, и даже в тех областях, где смена клира произошла почти на 40 % (Красноуфимский уезд), средний возраст духовенства изменился менее чем на 1 %. Впоследствии в связи с отсутствием духовного образования на Урале, прекращением притока в клир молодежи и редкими рукоположениями в священный сан намечается тенденция ежегодного «состаривания» духовенства. К 1930 году его средний возраст во всех уральских епархиях перевалил за 50 лет. К началу массового истребления приходского духовенства в 1937 году, его средний возраст составлял в разных епархиях Урала от 54 до 57 лет.

В 1940-е гг. процесс старения духовенства продолжился. Последовавшая после Большого террора смена служащего духовенства, когда на места репрессированных были приняты заштатные и новорукоположенные клирики, не принесла омоложения клира: в 1943–1949 гг. средний возраст клириков приближался к 60 годам. Так, средний год рождения клириков, служивших в 1943–1949 гг. в Свердловской епархии колебался в пределах 1887–1890 гг., в Оренбургской — 1887–1888 гг.²

¹ Печерин А. В., Колесов А. В. База данных репрессированного духовенства областей Большого Урала: рукопись. Екатеринбург, 2018.

² Подсчитано по: ГАКО. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 1, 2, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 14; ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 42, 97; ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 348; ГАСО. Ф. Р-2788. Оп. 1. Д. 73; Лавринов В. Екатеринбургская епархия... С. 126-175; Лавринов В. Очерки истории обновленческого раскола на Урале... С. 197-276; БД ПСТГУ. URL: http://www.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans.

2.3. Эволюция политических взглядов и морального состояния

Для создания социокультурного портрета духовенства необходимо рассмотреть, кроме его политических взглядов, еще и взгляды на церковную жизнь и внутреннюю церковную политику.

В первую очередь представляется важным изучение отношения духовенства к церковным реформам. Взгляды духовенства на церковные реформы подвергались с 1917 по 1930 гг. значительным изменениям. Революционные события 1917 года, проведение Поместного Собора Российской Православной Церкви в 1917–1918 гг. привели к резкому росту реформаторских настроений в среде духовенства. В дальнейшем эта волна реформаторства была использована для популяризации обновленческого раскола, что имело и обратную сторону. Среди духовенства, ставшего в оппозицию обновленческой церкви и составившего основу староцерковнического движения, реформаторские начинания постепенно угасают и переходят в оппозиционно-охранительную позицию по отношению к церковным реформам, которые стали отождествляться с обновленчеством.

Тем не менее, стоит уточнить, что реформаторское движение в начале 1920-х гг. было распространено не только у людей, перешедших впоследствии в обновленчество. Подтверждением тому может являться анализ анкет, заполненных более чем 700 клириками Пермской епархии фактически в самом начале формирования обновленческого раскола. Так исторически сложилось, что анкеты заполняло не только будущее обновленческое духовенство, но и те, кто стал впоследствии в радикальную оппозицию к обновленчеству.

Заполняли анкеты не только священники и дьяконы, но и псаломщики, а подчас даже и женщины, трудившиеся в церкви. Автором подобные документы в других епархиях не обнаружены. Несмотря на доступность источника, интерес исследователей к нему не был высок, что видно из записей об использовании дела. Ссылки на эти дела не встречаются и в диссертациях по истории обновленчества и истории церковно-государственных отношений. Из исследователей, работавших с этими документами, необходимо отметить пермского историка П. Н. Агафонова. В 1996 году им была выпущена работа «Духовенство Пермской епархии в 1920-е гг.»,

после чего труд хотя и переиздавался, но остался библиографической редкостью. Из анкет П. Н. Агафонов извлек и опубликовал только биографические данные духовенства, в то время как огромный пласт информации остался за рамками его научных интересов.

Вопросы, сформулированные в анкете, можно условно разделить три группы: политические, внутрицерковные и автобиографические. П. Н. Агафонов не делил суждения духовенства на политические и внутрицерковные темы, по всей видимости, в силу критического отношения к анкетам как историческому источнику по этой теме. Согласно замечанию известного церковного историка прот. Александра Мазырина, невозможно рассуждать о мировоззренческих позициях духовенства на основе анкет, заполненных в первые годы советской власти, т. к. нельзя исключать давления на священнослужителей, заполнявших анкеты. Ниже мы постараемся рассмотреть анкеты в свете критического анализа.

Опросные листы Пермским епархиальным управлением рассылались, вероятно, не без влияния со стороны советской власти. Большинство пунктов анкеты сформулированы в революционном духе и давали священникам установки на ответы. По нашему мнению, наиболее подверженным влиянию власти и поэтому наименее информативными являлись ответы на вопросы с политическим подтекстом. В остальном же ответы на вопросы, как биографического плана, так и по проблемам внутрицерковным (в частности ответы на вопросы о церковной реформе) могут использоваться в исследовании мировоззрения духовенства в данный период. Анализ представленных анкет позволяет проследить развитие реформаторских настроений в среде приходского духовенства накануне возникновения обновленческого движения.

Из всего массива анкет делалась выборка тех представителей духовенства, которые заняли впоследствии активную антиобновленческую позицию в Кунгурском уезде и принимали участие в создании в Кунгуре кафедры епископа, подчиненного патриарху Тихону. Более полный анализ позволяет нам делать выводы о реформаторских настроениях всего духовенства Пермской епархии того времени. При ответе на вопрос «Какие считает необходимыми реформы, как вообще в

церкви, так и в частности в приходской жизни», ни один из опрошенных не высказался о неприятии церковных реформ вообще. Около трети опрошенных воздержались от предложения конкретных реформ, чаще всего отдавая прерогативу принятия и определения необходимых реформ церковному Собору, руководствуясь, по-видимому, принципом «начальство все решит» и «без нас разберутся». Кто-то отказывался высказать свое мнение «по малому образованию», кто-то высказывался о принятии таких реформ, которые «будут соответствовать христианскому учению Православной Церкви». Процент духовенства, стоявшего за проведение реформ (и даже выдвигавшего свои программы), приближался к 70 %, занявшие неопределенную позицию составляли около 30 %. Противников реформ не было. Какие же реформы, по мнению духовенства Пермской епархии, были самыми насущными? Наиболее популярной указывается реформа богослужебного языка: приближение славянского языка как языка богослужебного к более удобопонятному. При этом протоиерей Александр Ершов (будущий епископ «сергиевской» ориентации Аркадий) высказывался за замену славянской псалтири при богослужении псалтирью в переводе проф. П. А. Юнгера. Писали так: «проведение богослужения на понятном для общества языке»; «приближение богослужения к народному пониманию» (по-видимому, считая церковно-славянский язык непонятным для народа). Некоторые предлагали ввести «родной», т. е. русский язык. Большинство высказывалось за то, чтобы паремии, Апостол, Евангелие читать на русском языке, а затем постепенно перевести и богослужебные книги на русский язык. Кто-то добавлял, что переведенные тексты должны быть написаны славянскими буквами, без титл и с сохранениями старой орфографии. Следует отметить, что эти предложения в церковной практике не были осуществлены. Более того, связанные с движением обновленчества и активной реформаторской деятельностью отдельных церковных общин, они маргинализировались в народном сознании и стали восприниматься как антицерковное реформаторство.

Практически всеми священниками высказывались предложения о реформах церковно-богослужебной жизни: упрощение богослужения, «изгнание пышности из обрядов», более деятельное участие народа (например, введение общественного

пения). Высказывались мнения об «изменении приходского устава в соответствии с условиями современной жизни». Звучали предложения о большем участии Церкви в жизни общества – об увеличении церковной благотворительности, в частности об открытии больниц, богаделен, читален.

Кроме того, в анкетах присутствовал пункт об отношении к реформам Высшего Церковного Управления: «Признает ли справедливость удаления от власти епископов-монахов и передачу высшей церковной власти в руки белого духовенства». Даже из будущего «тихоновского» духовенства большинство ответило на этот вопрос положительно. Против никто не высказался. Некоторыми власть епископов-монахов воспринималось как «пережиток царского режима», некоторые уточняли, что признают это справедливым, но только в соответствии с постановлениями Собора или при условии каноничности этих действий. Исследователь обновленчества И. В. Воронцова делает вывод, что обновленцами с целью создания раскола были использованы идеи, волновавшие духовенство¹. В подтверждение этого можно привести ответ будущего новомученика и епископа, а тогда протоиерея Александра Ершова: «Выступал и агитировал против группы “Живая Церковь”, находя ее несоответствующей обновлению Церкви»². Некоторыми представителями духовенства высказывались тезисы о более активном участии мирян в церковной жизни, в чем, по всей видимости, виделось возвращение к традиционному церковному устройению, нарушенному в Синодальный период.

На материале анкет можно выявить, что именно не устраивало приходское духовенство в традиционном и каноничном церковном управлении церковью епископами из числа монашествующих. Кто-то считал его несправедливым, вредным для блага Церкви и обидным для белого духовенства; звучали голоса о том, что «Церковь была унижена архиереями-монахами, но теперь выводят невесту Христову, из унижения, она будет сиять, как солнце, греть всех верующих». В качестве аргумента в пользу епископата, состоящего из белого духовенства, приходские священники выдвигали тезис, что белый епископ, пройдя пастырскую приходскую

¹ Воронцова И. В. Русский христианский модернизм в контексте церковного реформирования: 1-я четверть XX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

² ГАПК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 261. Л. 60–62 об.

школу, будет стоять ближе к пастырям¹. При этом не уточнялось, будет ли этот священник пострижен в монашество из вдовцов, что и до революции имело место, или же примет епископский сан без монашеской хиротонии.

В современной светской и церковной исторической науке утвердилась точка зрения на то, что Февральская революция, повлекшая для Церкви освобождение от пут государственно-бюрократической системы, создала благоприятные условия для внутреннего реформирования и переустройства своего высшего управления². Изучая документы Поместного Собора 1917–1918 гг., многие исследователи сходятся в том, что именно Собор представлял собой кульминацию церковно-реформаторской деятельности, а обновленчество явилось уже искажением этих идей. Тезис о том, что кульминацией реформаторской активности был Поместный Собор, может быть принят, но с оговорками, что на региональном уровне всплеск реформаторской активности духовенства, начавшийся после февраля 1917 года, продолжался вплоть до начала 1923 года.

Кульминацией реформаторской деятельности духовенства может считаться обновленческий Собор, который состоялся в Москве в 1923 году. На этом соборе был принят ряд радикальных и реформаторских постановлений: второбрачие духовенства, женатый епископат, перевод богослужения на русский язык. При этом вместо обещанного отделения Церкви от государства обновленчество декларировало принцип синергии (сотрудничества) Церкви советскому государству. В дальнейшем в большинстве епархий и даже в постановлениях обновленческого Синода происходит отход от принятых на соборе решений, изменивших церковные каноны. Так, например, второбрачие духовенства, разрешенное на Поместном Соборе, постановлением Синода допускалось только в случае одобрении церковной общиной. Перевод богослужения на русский язык не был осуществлен в большинстве приходов.

¹ Печерин А. В., Разин А. В. Некоторые аспекты истории антиобновленческого движения на Урале // Церковь. Богословие. История: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2015. С. 528–536.

² См.: Бабкин М. А. Русская православная церковь в начале XX века и ее отношение к свержению монархии в России: дис. ... д-ра. ист. наук. М., 2007.

Эволюция устроений по обновлению церковной жизни, порожденных революционными событиями, получила развитие скорее не в изменении канонических форм, а в преобразовании форм приходской и общинной жизни. Об этой деятельности на Урале не сохранилось каких-то систематических данных, но можно рассмотреть такие преобразования на примерах выборности епископов, активного участия женщин в церковном служении, в частности, вхождения женщин в алтарь и служения их в должности псаломщика, развития братств и сестричеств.

Выборность епископата на Урале была широко распространена при поставлении епископов в новообразуемых епархиях в 1923–1924 гг. Эта практика, например, имела место при выборах епископов Аркадия (Ершова) в Кунгуре, Льва (Черепанова) в Нижнем Тагиле и Стефана (Знамировского) в г. Шадринске. Из документов о поставлении этих архиереев видно, что их кандидатура представлялась патриарху, согласно выбору прихожан, причем другой кандидат на должность епископа был из числа мирян. Впоследствии эта практика сошла на нет.

Братства и сестричества были широко распространены в больших городах с 1921 по 1927 гг. Например, известно о трех нижнетагильских сестричествах: при Выходо-Иерусалимском соборе, Введенском и Выйско-Никольском храмах¹. В 1926 году епископом Хрисанфом при пермском Мотовилихинском заводе было также основано сестричество. В том же году Свердловским обновленческим управлением было принято решение о создании сестричеств при всех храмах.

Достаточно хорошо изучена деятельность Свято-Симеоновского братства в г. Шадринске². Одна из членов этого братства Анастасия Золотурина продолжала свою миссионерскую и благотворительную деятельность, связанную с поддержкой духовенства, вплоть до своего ареста в 1932 году: «Являясь членом организации братства и сестричества, существовавшего нелегально с 1920 до 1927 года при

¹ *Иванова О. В.* Братства и сестричества на Урале в период антицерковных кампаний // Православие на Урале: связь времен: материалы IV межрегион. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2015. С. 85–93.

² *Буткина С. Г.* Свято-Симеоновское братство в г. Шадринске: Жизнь верных христиан после революции // Православие на Урале: связь времен: материалы IV межрегион. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2015. С. 56–63.

Шадринском соборе, после ареста и высылки священника Буткина <...>, члены его поразъехались и умерли, я осталась единственной представительницей этого общества. Возродить вновь эту организацию в данное время я не имела в виду, т. к. создание подобного рода организации было бы равносильно новому поводу для притеснения религии и закрытия церквей, поэтому я функции этой организации считала лучшим прививать для выполнения персонально каждым верующим, не создавая для этого специальной организации. Поставив эту цель перед собой, я пропагандировала эти идеи среди преданных церкви христиан, и в итоге я сумела организовать это дело и привлечь всех монашествующих, живущих при церквях, которые являлись для меня хорошими и надежными помощниками...»¹.

Деятельность многих церковно-монашеских братств была насильственно прекращена властью в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Именно на этот период приходится ряд групповых дел, в которых фигурируют группы монашествующих и мирян из одной церковной общины.

До 1917 года подавляющее большинство священнослужителей исповедовало монархические убеждения, после же революции горячо поддержало свержение монархии. В художественной литературе, прессе и в исторических исследованиях советского периода Церковь представлялась стоящей на контрреволюционных и монархических позициях. В протоколах обвинительных заключений духовенства нередко можно встретить такие же формулировки.

А. В. Мангилёва отмечает наметившийся к началу XX века раскол духовенства на два противостоящих друг другу лагеря: «Часть духовенства воспринимала себя как хранителей традиционного уклада, призванных помочь, прежде всего, крестьянству адаптироваться в современном мире, не потеряв нравственных устоев. Представители другого лагеря воспринимали модернизацию как процесс прогрессивного развития общества, который неизбежно должен привести к изменениям и в жизни самих клириков»². В событиях революции 1905–1907 гг. ярко проявились

¹ Иванова О. В. Друг всех обездоленных // Кифа. 2014. № 10 (180).

² Мангилёва А. В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии... С. 425.

обе позиции: как «консервативной» группы духовенства, так и группы «ревнителей церковного обновления». Не являлось исключением и духовенство в уральских епархиях. Так, в либерально-реформаторском духе в 1905 году проходила деятельность кружка градо-Екатеринбургского духовенства, призывавшего к борьбе с деспотизмом и произволом епископской власти¹. В 1906 году один священник был подвергнут церковному суду с формулировкой «за свободомыслие», второй — временному запрету в священнослужении за «возбуждение народа против церковной и государственной власти»². Однако за все время революции 1905–1907 гг. в России за политические убеждения был извергнут из сана только один священник — Г. А. Гапон³.

Официальная церковная периодическая печать тех лет сохранила множество статей с критикой социалистического учения и апологией монархии. Наиболее ярким выразителем монархически настроенного духовенства на Урале можно считать епископа Андроника (Никольского). В отличие от других представителей уральского духовенства, свое учение о власти он системно и последовательно оформил в богословском труде «Русский гражданский строй жизни перед судом христианина, или основания и смысл царского самодержавия». Труд этот был написан владыкой после окончания первой революционной смуты и опубликован в журнале «Колокол» в 1909 году⁴.

Официальная консервативная позиция духовенства сочеталась, тем не менее, с общими революционными настроениями эпохи⁵, и новость о революционных событиях в Петрограде и отречении императора подавляющее большинство уральского духовенства восприняло с неподдельным энтузиазмом. И первые политические репрессии затронули именно тех представителей духовного сословия, кто в

¹ Отчет о состоянии Екатеринбургской епархии за 1905 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2086. Л. 38–39.

² Отчет о состоянии Екатеринбургской епархии за 1906 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2143. Л. 22 об.

³ Зырянов П. Н. Православная Церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984. С. 6.

⁴ Печерин. А. В., Разин. А. В. Андроник Никольский....

⁵ См.: Бабкин М. Духовенство Русской Православной Церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М.: Гос. публ. ист. б-ка, 2007. 532 с.

новых условиях остался со старыми монархическими убеждениями. Священник Кусинского завода Златоустовского уезда Николай Задорин по поводу революционных событий произнес речь, в которой призвал не слушать ораторов и искать защиты в церкви, поскольку наступают трудные времена¹. За такое «контрреволюционное» выступление священник был арестован и провел в заключении почти два месяца. Наиболее же известным церковным деятелем, после Февральской революции пострадавшим от своих идеологических противников, оказался епископ Екатеринбургский Серафим. 2 марта 1917 г. в проповеди, произнесенной в Екатерининском соборе, владыка во всеуслышание объявил: «Кучка бунтарей окаянных обнаглела до того, что осмелилась посягнуть на священные права помазанника Божьего, нашего царя-батюшку... Умрём же за царя»². Вскоре он был отстранен от должности, отправлен на покой в Московский Новоспасский монастырь. Во время деятельности Поместного собора, проходившего в Москве в 1917–1918 гг., никаких обращений по поводу осужденного собрата-архипастыря не прозвучало, он оставался в заключении вплоть до преобразования монастыря при большевиках в тюрьму, где, по всей видимости, и погиб³.

Епископ Пермский Андроник (Никольский), получив известие об отречении императора, в своей речи в кафедральном соборе г. Перми 5 марта назвал его мучеником, решившим по образу Христа принести себя в жертву для спасения людей и для примирения их. Хотя подобные высказывания и не повлекли за собой прямого преследования, они, несомненно, ослабили власть епископа в епархии, подавляющее большинство духовенства которой (так же, как и у соседей-екатеринбуржцев) выступило в поддержку Временного правительства. Известно, что в марте–апреле 1917 года пермский епископ не принял ни одного ответственного решения,

¹ *Нечаев М. Г.* Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917–1922. Пермь, 2004. С. 33.

² Цит. по: *Емелях Л. И.* Крестьяне и церковь накануне Октября. Л., 1976. С. 75.

³ *Печерин А. В.* *Сухарев Ю. М.* Поместный Собор Российской Православной Церкви и первый Чрезвычайный всероссийский съезд духовенства и мирян в воспоминаниях екатеринбургского протоиерея Алексея Игнатьева // Вестн. Екатеринбург. духовн. семинарии. 2018. № 2 (22). С. 148–180.

не посоветовавшись с исполнительным комитетом объединенного духовенства города Перми и Мотовилихинского завода¹.

Увлечение модными к 1917 году идеями социализма было распространено в первую очередь в среде преподавателей духовных школ, к которой относился преподаватель Камышловского духовного училища Павел Бажев, совмещавший службу в духовном ведомстве с членством в партии эсеров. Поклонником социалистических идей был преподаватель Пермской духовной семинарии священник Тихон Андриевский, автор известного в православной среде романа «Архиерей», опубликованного под псевдонимом иеромонах Тихон. Взгляды Андриевского в 1917–1918 гг. с достаточной ясностью раскрываются в его переписке с прот. Николаем Буткиным, где он фигурирует под псевдонимом Тихоновский.

В целом, подавляющее большинство духовенство держалось официально установленной государственной идеологии. Переосмысление итогов февральской революции наступает к лету 1917 года, когда в епархиальной прессе появляются голоса критики в отношении происшедших перемен: свобода, данная революцией и являвшаяся благом для просвещенных народов, для темного российского крестьянства вылилась в соблазн вседозволенности и разгула, первый удар которых выпал на Церковь. При этом отношение к монархии в епархиальной прессе оставалось стойко отрицательным. Так, прот. И. Уфимцев в своей статье «На Шипке все спокойно»², отмечал: «Раньше злая воля сдерживалась страхом перед властью. Теперь такого рода власть пала, настала “свобода”. Свобода, понятая темным людом как дозволение делать, что хочешь. И неудивительно, что в это переходное время от ударов превратной судьбы льются слезы у тех, кто по существу должен бы был более всех радоваться <..>. К чести нашего сельского духовенства должно сказать, что оно переносит свою невзгоду безропотно и покорно. Терпело много оно от деспотизма абсолютизма <...>. Теперь покорно терпит от деспотизма капризного “Демоса”. И не видит просвета <...>. Слезы при новом и старом произволе одинаково горьки и солонны».

¹ Нечаев М. Г. Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917–1922. Пермь, 2004. С. 67.

² Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1917. № 17, 23 апр.

К концу 1917 – началу 1918 гг. публикации в уральской епархиальной прессе окончательно меняют восторженную риторику, все чаще в статьях звучит тревога: «Изгнание священников из приходов, начавшееся со дней революции, не прекращается по сие время. Изгоняют священников по разным предлогам, большей частью совершенно неосновательным. Так, один приход просит удалить священника за то, что он кадет, а они — прихожане — социалисты-революционеры. Иногда причиной к удалению священника выставляют, что “батюшка старого режима”, а иногда просто, что священник стар (а ему 56 лет и пользуется хорошим здоровьем). <...> Самое удаление священников из прихода происходит разно. Иногда прихожане подают прошение об удалении священника и ждут разбора дела. Чаще же, хотя и подают прошение, но требуют удалить сейчас же, немедленно, дабы не произошло “эксцессов и насилия”, и при этом не согласны ни на какие дознания и следствия. Бывает и так, что прихожане еще до подачи жалобы ставят священнику ультиматум, оставить, невзирая на время года, в три дня церковный дом и район их прихода»¹.

«Наступило исключительное время, требующее подвига, исповедничества, величайшей самособранности духа <...>. Теперь нужны не мы, — средние, серые люди, обремененные семейными заботами, — теперь нужны вдохновенные энтузиасты, исповедники, способные стоять выше приманок жизни, чуждые каких-либо компромиссов, имеющие достаточный запас нравственных сил, в случае надобности, отрешиться не только от личных удобств, но и от самой жизни во имя Христова»².

К лету 1918 года в епархиальной прессе больше не осталось статей, восхваляющих революцию и революционные преобразования. Появляется тема иереев-мучеников, «мучеников долга»: «Скорбные, печальные вести сообщают нам газеты о положении нашего духовенства... Увы! — К нашему духовенству приложимы

¹ Защищайтесь сами // Известия Екатеринбургской церкви. 1918. № 5, 19 марта.

² Пузырев И., свящ. Теперь нужны не мы, а другие // Известия Екатеринбургской церкви. 1918. № 9, 1–15 мая.

теперь <...> пророческие слова Спасителя: “Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас”»¹.

Вполне естественно, что после массового исхода духовенства на священнических местах остались клирики, считавшие возможным служение при новой власти. Так, в послужном списке одного из священнослужителей, занявшего в 1920 г. должность благочинного, нарочито подчеркивалось, что «в 1918–1919 гг. с прихода не отлучался»². Возвращавшиеся также стремились продемонстрировать свою лояльность новой власти. Анкеты конца 1922 – начала 1923 гг., собранные представителями Пермского епархиального управления, содержали пункт: «Признает ли справедливость Российской Социальной Революции и законность созданной ею советской власти Российской Республики». Выборка из 13 анкет будущего «тихоновского», многими воспринимавшегося как «контрреволюционного», духовенства показывает, что большинство клириков ответили на этот вопрос положительно³.

Исследование политических воззрений духовенства было построено на анализе следственных дел духовенства, хранящихся в Курганском архиве общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО). В данном архиве фонд следственных дел духовенства относительно невелик, и это предоставляет возможность для полного их исследования. Нужно отметить, что следственные дела, несмотря на большую историческую ценность и усилившийся интерес исследователей, до сих пор мало изучены. Анализ следственных дел дает возможность рассмотреть весь спектр политических взглядов священно- и церковнослужителей, осужденных за «контрреволюционные» действия на территории современной Курганской области. И, соответственно, выделить среди них тех церковных деятелей (епископов, священников, монахов и мирян), которые сохраняли монар-

¹ Мученики долга // Известия Екатеринбургской церкви. 1918. № 11, 1–15 июня.

² ГАПК. Ф. 542. Оп. 1. Д. 7. Л. 47 об.–48 об.

³ Печерин А. В. Анкеты священников как исторические источники // Православие на Урале: связь времен. С. 166–174 ; Печерин А. В., Разин А. В. Некоторые аспекты истории антиобновленческого движения на Урале // Церковь. Богословие. История: материалы III Междунар. науч.-богосл. конф. (Екатеринбург, 6–7 февр. 2015 г.). Екатеринбург, 2015. С. 528–535.

хические взгляды. Временные рамки рассматриваемого вопроса определяются такими датами: 1919 год — это время появления первых следственных дел, и 1937 год — начало массового террора, характеризующегося повсеместной фальсификацией следствия.

Вопрос достоверности следственных дел как исторического источника неоднократно поднимался и в научных, и в церковных кругах. И действительно, комплекс дел 1937–1938 гг., в большинстве состоящий из сфабрикованных дел, не дает возможности составить достаточно достоверную картину политических взглядов арестованных по церковным делам. В период же с 1919 по 1936 гг. такая картина с определенной долей условности может быть выстроена.

Как показывает анализ следственных дел, в рассматриваемый период следствию важнее всего было выявить факты сопротивления советской власти. Идеологические предпосылки формирования «контрреволюционных настроений» не являлись объектом изучения следствия, поэтому чаще всего являются в деле второстепенными. Это, с одной стороны, предохраняет исследователя от фальсификаций, весьма распространенных, к примеру, в 1937–1938 гг., когда все духовенство стало вдруг «монархически настроенным», а с другой — осложняет исследование из-за скудности материала в источниках.

В ГАОПДКО хранятся дела на 194 осужденных по 58-й статье представителей духовенства. В рамках рассматриваемого периода было осуждено 120 человек, но нашему анализу подвергались только дела тех, кто был реабилитирован прокуратурой. Так, по причине отсутствия протокола о реабилитации, остались за рамками исследования 16 человек, а это около 20 % от общего числа. Причем половина из них была осуждена в период с 1935 по 1936 гг., поэтому этот период в настоящем исследовании также мало изучен.

Все 104 осужденных лица духовного звания можно классифицировать по различию церковного чина: два епископа (один в сане архиепископа), 16 монахинь, три псаломщика, один церковный староста, два члена церковного совета, остальные 80 — священнослужители и дьяконы.

При анализе политических воззрений осужденного духовенства на предмет промонархических настроений выявлено, с разными оговорками, 16 человек. При чем все свидетельства относятся к периоду с 1929 по 1933 гг.

Несколько особняком стоит дело епископа Стефана Знамировского. Известно, что до революции он занимал высокую административную должность и, будучи ректором Пермской семинарии, придерживался традиционных монархических позиций, что также находит свое подтверждение в деле следствия. О политических взглядах епископа Стефана после революции сказать сложно: по многочисленным показаниям свидетелей, во время отступления белых он говорил проповеди антисоветского содержания; согласно одному из протоколов допроса, свидетельствовал о признании советской власти («признаю советскую власть, считая ее народной»). Внутренние же убеждения епископа во время следствия не высказывались.

В результате систематизации следственных дел ГАОПДКО¹, были выявлены две крупных волны репрессий против зауральского духовенства: 1929–1930 гг. — годы коллективизации, когда было осуждено 42 священнослужителя, и 1932–1933 гг. — годы голода и объявления «безбожной пятилетки», когда было подвергнуто репрессиям 36 человек.

Представим наиболее показательные из этих дел. Так, по делу, начатому летом 1932 г., в качестве обвиняемых проходили: священник с. Далматовского Афанасий Поздняков и четыре монахини (часто в делах также проходят свидетели, имевшие близкое общение со священниками, но по разным причинам не попавшие на скамью подсудимых). Обвиняемый в протоколе допроса показал, что в период с 1903 по 1913 гг., работая учителем, увлекался народничеством, читал революционную литературу народнического толка. За это подвергался в 1905 году обыскам и допросам. По показаниям свидетелей, проходивших по делу, между священниками

¹ См.: *Печерин А. В.* Государственная политика по отношению к церкви по материалам Государственного архива политической документации Курганской области // Научное и социальное использование документов органов госбезопасности: материалы конф. Екатеринбург, 2011.

Поздняковым и Мансветовым велись антисоветские разговоры, с пожеланием восстановления старого монархического строя. На допросах обвиняемые вину свою отрицали, обозначая свою лояльность к власти¹. Священник Поздняков был ранее судим за антисоветскую деятельность. Протокол обвинения начинается с заявления о том, что монастыри являлись крупными религиозно-монархическими центрами. Такой вывод следователь сделал на том основании, что в церковной группе читались и распространялись среди населения книги Сергея Нилуса, Ф. К. ван Бейнингена, «Протоколы Сионских мудрецов». Книга С. Нилуса, кроме эсхатологической направленности, имеет также и ярко выраженную монархическую составляющую, что объясняется позицией самого автора — твердого монархиста. Мировоззрение монахинь, состоявших в общине священника, как это видно из анализа групповых следственных дел, складывалось под влиянием их духовного наставника. Следовательно, их политическая позиция также совпадала с позицией духовника. По данному делу вместе со священником Поздняковым были осуждены 3 монахини.

Фигурантом следующего дела, законченного 28 октября 1929 года, являлся священник с. Больше-Жужгово Шумихинского района Иван Гаврилович Лушников. В анкете отметил, что его отношение к советской власти лояльное. В протоколе допроса говорил: «И вообще в политических вопросах я мало разбираюсь». Косвенное отношение к монархическим взглядам мог иметь лишь в связи с тем, что находился под влиянием книги С. Нилуса, которая была отобрана у него в 1922 году.

По другому делу того же периода в с. Щучье Мишкинского района был осужден священник Иван Григорьевич Попов. По показаниям одного из свидетелей (также священнослужителя), политические убеждения Попова — старые, консер-

¹ Отсутствие данных о политических взглядах в анкетах вполне закономерно. Естественно, что никто из находящихся под следствием не будет писать в анкетах о своих монархических убеждениях. И хотя в анкетах такой вопрос чаще всего стоял, в большинстве случаев в этой графе ставили прочерк. Сделать вывод из следственных дел о том, каких взглядов придерживалось обвиняемое в контрреволюции духовенство, можно с достаточной степенью относительности, основываясь только на косвенных фактах и показаниях свидетелей.

вативно-монархические. Это его второй срок, первый он отбывал в Соловецких лагерях. На просьбу работников комиссии по хлебозаготовкам сдавать излишки хлеба Попов ответил отказом и открыто в сельсовете заявил: «Я был везде, не исключая Соловков, меня не запугаете, не заставите вывозить хлеб. Вы — люди, способные только мошенническим путем брать у крестьян хлеб, а не как власть, которая была раньше от Бога. Вы — власть от штыка, как шайка рецидивистов. Штыками власть долго не продержите»¹. Отступал с белыми до Красноярска в 1919 году, сын — белый офицер, эмигрировал в Австралию. В письмах не скрывает монархических настроений². Как следует из следственного дела, священник Попов умер в заключении.

После появления обновленческого движения и разделения Церкви на обновленческую и «тихоновскую», или «староцерковническую», последняя начинает все чаще восприниматься как монархическая. Например, в одном из следственных дел арестованный «тихоновский» священник после беседы с обновленческим священником писал, что «последний кратко и ясно разъяснил мне о политике Союза и о причастности тихоновцев ожидать возвращения монархии в России. Не желая быть врагом СССР, я со дня подачи сего заявления заявляю, что уйду из рядов тихоновцев и уйду в обновление, где отсутствует церковная политика, где именно только занимаются церковными делами».

В следственных делах 1930 гг. духовенство все чаще проявляет сожаление о «старом» строе, по-видимому, это связано с общим ухудшением жизненных условий. Но при этом духовенство, рассуждая о старом строе, не связывает его с монархической формой государственного правления.

По косвенным свидетельствам, отнесен к монархистам может быть священник Григорий Иванович Златоустов. В его следственном деле имеется много глубоких и обстоятельных суждений о политике, о современном положении Советского Союза, о колхозах. Заметно созвучие мировоззрений священника и прихожа-

¹ ГАОПДКО. Ф. 6905. Оп. 2. Д. 2206. Л. 5, 6, 11, 13, 17.

² Там же. Обвинительное заключение. Л. 28.

нина Мелехина Григория Ивановича, осужденного по тому же делу. Слова священника Златоустова: «Всякого рода планы — вещь обманчивая. Раньше, наверное, поумнее теперешних люди-то управляли государством, и то жизнь не планировали. Как можно предсказать, что у меня завтра то-то и то-то будет. Одно затемнение голов народа этими планами, все врут, я когда читаю, то всё хохочу, — какими сплетнями насыщены наши советские газеты»¹. Мелехин же на общих встречах говорил: «Крестьянин, благодаря их [органов власти] грабительству, уже мертвецом выглядит, то ли дело раньше, народ был здоровый, краснощекий, а теперь ходит в рваной одежде...». Среди крестьян Мелехин говорил: «Вот видишь, к чему нас довела советская власть, слушали, верили, надеялись и дождались, что хоть завтра умирай, я многим говорил раньше — не ждите добра от этой власти. Не хотели слушать, а вот и пришло время, которое слушатели те и вспоминают»². До революции Н. Г. Мелехин служил в Царском Селе унтер-офицером Его Величества лейб-гвардии полка в личном карауле императора Николая II.

Одним из ярких представителей монархического духовенства являлся епископ Рафаил (Гумилевский). Кроме своего высокого церковного сана, Рафаил имел академическое богословское образование, а также дворянские корни. В деле епископа Рафаила нам представляется достаточно полное богословское осмысление советской власти. Владыка связывает антицерковные действия советской власти с книгой Апокалипсиса, говоря о схожести советской власти с властью антихриста, но он разделяет конечное исполнение пророчества книги от настоящего времени, говоря, что в истории человечества мы можем видеть как бы повторение того, что касается конца мира, поэтому «безусловно, говорить об этой эпохе как о конце в буквальном и окончательном смысле, не приходится». Говорит также об уместности употребления этого термина в отношении власти как власти антирелигиозной³. В обвинение епископу Рафаилу ставились: пораженческая агитация; распространение слухов о скорой гибели безбожной советской власти как власти антихриста,

¹ ГАОПДКО. Ф. 6905. Оп. 2. Д. 2388.

² Там же.

³ ГАОПДКО. Ф. 6905. Оп. 2. Д. 1099. Л. 21.

поражении ее в грядущей войне и замене ее властью благодатной, Богом установленной. По показаниям свидетеля, коммуниста, «монашки говорят, что скоро эта звезда закатится, и начнется хорошая для христиан жизнь, и горе будет, тем, кто ушел за коммунистами, ведь эту звезду с востока придут и свергнут, а потом придет Господь и начнет судить живых и мертвых».

Согласно выводам следствия, «контрреволюционная организация» епископа, состоящая из 7 монахинь и нескольких мирян, была монархической. На вопрос следователя о сравнении современного положения духовенства с дореволюционным епископ уклонился от ответа. Хотя в другом месте епископ Рафаил говорит следующее: «По своим религиозным представлениям я являюсь почитателем Иоанна Кронштадтского, оценивая его личность как пастыря и не касаясь его политических убеждений, хотя его политические убеждения того времени я разделял»¹. Епископ был знаком с творчеством С. Нилуса. «Книга Нилуса “Протоколы Сионских мудрецов” была обнаружена у меня при прошлом аресте. Ни у кого в Шадринске не брал и ни с кем здесь не говорил»².

Некоторые черты политических убеждений может представить анализ анкет из следственных дел духовенства. Анализ этого источника может быть осуществлен только комплексным и критическим методами. Из следственных дел, хранившихся в ГАОПДКО методом случайного отбора обработаны 100 анкет священнослужителей, репрессированных с 1927 по 1937 гг. Графа «Политические убеждения» в представленной выборке была заполнены только в 28 случаях, что позволяет предположить о необязательном ее заполнении. Отсутствие принудительного ответа на вопрос о своем отношении к власти может означать, что заполненные анкеты хоть сколько-нибудь объективно отражают воззрение духовенства на власть. О своем лояльном отношении к власти заявило 15 человек (формулировки были различными: лоялен, сочувствующий и др.), один — с уточнением «с политикой партии в вопросе религии не согласен, в остальном разделяю». О своей аполитич-

¹ Там же. Л. 18.

² ГАОПДКО. Ф. 6905. Оп. 2. Д. 1099. Л. 18.

ности заявили 9 человек. Один на допросе 1930 г. заявил о примыкании до революции к партии меньшевиков, один о непризнании политики коллективизации, один высказался о том, что признает только Божескую власть и один затруднился ответить, ссылаясь на то, что он «не большевик и не коммунист, а верующий в Бога».

* * *

Вопрос о нравственности духовенства является во все времена достаточно закрытым, в силу того, что священники призваны сеять высокие идеалы христианства, и критерии к оценке их собственной жизни у общества всегда очень высоки. До 1917 года нравственное состояние духовенства контролировалось со стороны благочинных, консистории и правящего архиерея. Система слежки за духовенством была выстроена достаточно хорошо, церковное начальство знало фактически обо всех серьезных проступках клира. Иногда разбирательство не выходило за пределы благочиния. Но в большей степени контроль нравственного состояния зависел от самого епископа. Так, в отчете за 1910 год пришедший на кафедру епископ Митрофан (Афонский) критиковал своего предшественника за нравственную распущенность духовенства, расцветшую при нем. Не обошел он в своей критике и «излишнюю и вредную снисходительность благочинных. Так, они не считали нужным доносить о многих совершенно нетерпимых явлениях в жизни духовенства, каковы, например, о соблазнительном сожительстве вдовых священнослужителей с особами женского пола, не лишенном подозрений, о крайне безобразном нетрезвом и буйном поведении иных клириков и о многом другом. Но все эти недостатки не составляли общего правила, а являются довольно исключительными»¹.

Краткая информация о наличии штрафов и взысканий обязательно вносилась в послужные списки духовенства. Большинство проступков духовенства (священников, дьяконов и псаломщиков) было связано с пьянством и недостойным сану поведением, вторая большая категория осуждений представляла собой проступки против должности: вымогательство денег у прихожан, неисправное ведение служб

¹ Отчет о состоянии Екатеринбургской епархии за 1910 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2385. Л. 4.

и др. Кроме того, некоторое количество представителей духовенства во время революции 1905–1907 гг. и сразу после нее также находилось под церковным следствием по обвинению в антиправительственных проступках.

Объем заведенных епархиальной властью следственных дел на духовенство не был постоянным. Он мог зависеть от разных причин, в т. ч. от политической ситуации в стране. В 1909 и 1910 гг. при разных епископах было заведено одинаковое количество дел — по 136. Взысканиям по ним подверглось соответственно 46 и 54 человека. В Екатеринбургской епархии в 1907 году было применено 23 взыскания церковного суда, в 1908 году — 88 взысканий, в 1915 году — 46¹. Часть канонических преступлений духовенства прикрывалась благочинными, не доведшими их до сведения архиерея, о чем правящие архиереи упоминают в отчетах в Синод.

В 1915 году вдовый священник с Ново-Пышминского Василий Знаменский сошелся со священнической вдовой Татьяной Олесовой, и они воспитывали, не имея совместных детей, детей от их обоих браков². Из этой семьи вышел известный уральский музыкант, педагог и оперный певец, заслуженный работник культуры РСФСР Владимир Васильевич Знаменский. В 1915 году Василий Знаменский состоял духовным следователем в своем благочинии³, по роду службы должен был расследовать нравственные проступки клира. Несмотря на положенное по канонам снятие сана и перевод священника в разряд псаломщиков, он продолжал служить и исполнять успешно свои обязанности, за что 5 июня 1916 года получил наградной золотой наперсный крест.

Приведенный пример является исключением: церковный суд и вероятность потери сана и исключения из духовного сословия были несомненными факторами поддержания церковной дисциплины.

¹ Отчет о состоянии Екатеринбургской епархии за 1907, 1908, 1909, 1910, 1915 гг. // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2207. Л. 40об.–41об.; Д. 2268. Л. 47–47об.; Д. 2328. Л. 39; Д. 2385. Л. 107–108; Д. 2699. Л. 21–21 об.

² Воспоминания Игоря Борисовича Мозгового. Екатеринбург, 2014 г. Записаны А. В. Печериным.

³ Справочная книжка Екатеринбургского духовенства за 1915 год. С. 99.

Несомненно, после революции с провозглашенными ей свободами понятие благочестия духовенства изменялось вместе с падением нравственного состояния общества. Так, в обновленческой церкви клирикам было разрешено официальное вступление во второй брак, с условием разрешения этого брака приходской общиной, при наличии этого ходатайства в письменном виде в Синод. Но официальное разрешение на второбрачие не может свидетельствовать ни о том, что в других юрисдикциях этой проблемы не было, не может она также свидетельствовать о том, что официальным разрешением эта проблема была снята.

Недопустимое с точки зрения церковных канонов поведение клира встречалось как в «сергиевском», так и в обновленческом и в «григорианском» течениях. Так, например, разведенный священник «григорьевской» ориентации В. Макушин, в 1932 году осужденный на ссылку в Казахстан, женился в ссылке второй раз, после чего проживал со своей новой семьей в г. Свердловске и продолжал свое священническое служение, в списке осужденных в 1937 г. значится священником церкви п. Арамиль. В 1922 году в возрасте 55 лет кыштымский священник Н. Ляпустин похоронил свою супругу (до этого очень долго болевшую и по этой причине не имевшую детей), и в том же году у него родился внебрачный сын Вениамин, которому он дал свою фамилию. Официальных отношений с матерью сына при этом оформлено так и не было, она продолжала проживать в его доме о. Николая как домработница. При этом священник стал одним из активных деятелей обновленческого движения и в 1932 году, к 10-летию обновленчества, был награжден благословением и грамотой от Синода¹. В послужных списках священника «патриаршей церкви» («сергиевской») Г. Панова имеется свидетельство о браке его с О. Н., урожденной Хлыновой, и рождении дочери Елены. В 1919 году священник ушел по болезни за штат, служил в Красной Армии, а после возвращения на Урал в 1921 году стал жить уже с другой женщиной. В марте 1922 г. он был принят епископом Григорием (Яцковским) к служению, а в сентябре того же года у него родилась дочь Вера. При этом отношения с новой женой священник также не оформил, во

¹ Федотов Н., *прот.* История храмов г. Кыштыма (Кыштымский завод): диплом. работа. Екатеринбургская духовная семинария, 2017. С. 51–52.

всех послужных списках священник указывает первую жену, «место нахождения которой ему неизвестно». Ни в одном послужном списке не указано о его нахождении под церковным судом или следствием. Священник никогда не уходил в церковные расколы и занимал высокие должности в епархиальном управлении¹.

Одним из распространенных среди духовенства нравственных проступков (как до революции, так и после) являлось пьянство. Оно носило «внеюрисдикционный» характер. Во многих источниках 1920–1930-х гг. встречаются свидетельства о злоупотреблении клириков алкоголем, но при этом нет ни одного свидетельства о том, чтобы к ним были применены взыскательные церковные меры. Советским властям такие клирики были удобны, так как они подрывали авторитет церкви. Например, в отчетах бюро антирелигиозной пропаганды Свердловского обкома сообщалось о том, что «влияние на прихожан категорически потеряли пьянством» кыштымские священники Ляпустин («на Пасхе пьяного попа отхаживали врачи»), Хлопотов и Баженов. Последний «на Пасху вместе с дьяконом упал из коробка и не был пущен церковным советом к службе»².

При анализе послужных списков духовенства 32 приходов Свердловской епархии за 1931–1932 гг. встретилось 55 свидетельств о награждении духовенства в послереволюционный период, но ни одного свидетельства о штрафе или церковной судимости. Это может свидетельствовать о том, что в период внешних репрессий и внутренних смут судебная функция церкви сошла на минимум. Тем не менее о полной ее отмене при этом говорить не приходится. Так, в Пермской обновленческой епархии вопросы о запретительных мерах по отношению к провинившимся священникам выносились епископом на заседания Пермского епархиального управления, обсуждались его членами³.

¹ Послужные списки священника Гавриила Панова за 1946, 1948 гг. // Семейный архив дочери В. Г. Пановой.

² Протоколы оргбюро антирелигиозной пропаганды Свердловского обкома ВКП(б) за 1925 г. // ЦДОСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 704. Л. 16–16 об.

³ Простите, звезды Господни: исповедники и соглядатаи в документах, или Зачем русскому Церковь? / сост. В. А. Королев. Фрязино: Православный паломник, 1999. С. 236–237.

В протоколах заседания Пермского епархиального управления за 1931–1934 гг. можно видеть несколько жалоб духовенства и приходских советов, в т. ч. на нетрезвое поведение отдельных клириков. Жалобы эти по преимуществу оставались без взыскательных мер со стороны церковного начальства, а жалобщикам предлагалось простить и примириться¹.

Удаление священника с прихода и замена его на нового могли происходить только с разрешения местного районного исполнительного комитета (РИК), дававшего регистрацию священнику. При отсутствии личного обращения священника в РИК о снятии его с регистрации никакое решение епархиального управления или приходского совета или благочинного не утверждалось. По сути, у церковной власти не было никаких рычагов воздействия для запрещения священника в служении, что ярко иллюстрирует случай со священником в с. Нытве, которого приходское собрание постановило убрать с прихода и пригласить на службу священника и благочинного из с. Шерьи. С этим решением благочинный Власов проследовал в РИК: «Согласно протокола, я обратился в РИК как быть, и получил ответ «ввиду того, что Вам разрешено РИКом служить в с. Шерье, работу в Нытве не разрешат, служитель культа в Нытве имеется»². Рассмотревшее все присланные по этому делу документы Пермское епархиальное управление вынесло совершенно ничего не значащее постановление: «Принять к сведению»³. Впоследствии проблема была решена переводом Власова вторым священником на Нытвенский приход, а пьяница так и остался числиться в Нытве на должности первого священника, не получив никаких взысканий от церковного начальства.

В документах управления есть несколько копий постановлений Синода о запрещении в служении архиепископа Иоасафа (Рогозина). Интересно дальнейшее действие архиерея: выйдя из юрисдикции обновленческой церкви, он перешел в «григорьевскую». Подобные случаи перехода духовенства из одной юрисдикции в

¹ Протоколы заседания Пермского епархиального управления за 1931–1934 гг. // ГАПК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 42. Л. 12–17, 21.

² ГАПК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 42. Л. 108 об.

³ ГАПК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 42. Л. 106.

другую имели в 1920-е гг. повсеместное распространение. Отдельные случаи переходов встречались и в 1930-е гг. В документах Пермского епархиального управления имеется прошение о принятии в обновленчество протоиерея «сергиевской» ориентации Василия Пономарёва, при этом к делу прилагалась справка от «сергиевского» епископа Иринарха о том, что «прот. Василий почислен за штат по собственному прошению»¹.

Среди факторов, влиявших негативно на нравственное состояние духовенства можно отметить: фактическое отсутствие церковного суда за моральные проступки духовенства, вмешательство государства во внутренние дела Церкви, как следствие этого — ослабление епископского и благочиннического контроля за поведением священников, появление нескольких юрисдикционных церковных форм, с возможностью перехода из одной формы в другую.

Как в ходе Гражданской войны, так и после ее окончания советская власть проводила по отношению к Русской Православной Церкви активную воинствующую политику: репрессии, изъятие церковных ценностей, поддержка обновленческого и григорианского расколов и др. Одним из способов контроля над религиозной ситуацией в РСФСР (а затем в СССР) являлось привлечение в число осведомителей ОГПУ–НКВД людей из церковной среды. М. Ю. Макаров утверждает, что в условиях жесткой зависимости конфессиональных объединений от государственно-административных структур до 20 % священнослужителей всех религиозных конфессий сотрудничали с органами государственной безопасности².

В следственных делах репрессированного духовенства можно обнаружить материалы, свидетельствующие о деятельности спецслужбы по вербовке осведомителей. Приведем выдержки из типичных документов, которыми оформлялось тайное сотрудничество с ОГПУ в 1925 году на территории Уральской области. Первый — это обязательство о сотрудничестве с органами Уральского областного

¹ Протоколы заседания Пермского епархиального управления за 1931–1934 гг. // ГАПК. Ф. Р. 1. Оп. 1. Д. 42. Л. 33.

² Макаров Ю. Н. Советская государственная религиозная политика и органы ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД СССР (окт. 1917 – конец 1930 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2007. С. 3.

ОГПУ в г. Свердловске, взятое с псаломщика Верх-Исетского собора К. П.¹. Второй — подписка о сотрудничестве, взятая у священника Георгиевской церкви с. Дуброва Оханского уезда в представительстве ОГПУ в г. Перми.

«Обязательство о сотрудничестве с органами ГПУ.

Обязуюсь: 1. Быть честным гражданином и охранять это звание от всех порочащих его действий и поступков. 2. Как честный гражданин обязуюсь ставить в известность ПП ОГПУ или уполномоченное им лицо о всех достоверно мне известных преступлениях, готовящихся и совершенных отдельными или группами лиц, направленных во вред СССР. 3. Как честный гражданин, обязуюсь выполнять быстро и аккуратно все просьбы и поручения, исходящие от ПП ОГПУ или уполномоченного им лица. 4. Обязуюсь сохранять в абсолютной тайне даже от близких мне лиц свою совместную деятельность с ПП ОГПУ, а также и все, сообщенное в процессе этой деятельности мною ПП ОГПУ и мне таковым. За нарушение данного мною обязательства буду привлечен к ответственности как сознательный враг СССР и понесу наказание по всем строгостям революционного закона СССР»².

«Подписка 1925 года апреля 12 дня

«Я, нижеподписавшийся <...> даю настоящую подписку Пермскому отделу ОГПУ в том, что я 1) со своей стороны контрреволюционных действий никогда не проявлял и в будущем проявлять не буду. 2) А также обязуюсь следить как за служителями культа, а равно и за президиумом церковно-приходского совета, и [если] со стороны кого мною будут замечены контрреволюционные действия, обязуюсь немедленно доносить в Пермс[кий] Окр[ужной] отдел ОГПУ, 3) о том, что я дал подписку и имею связь с Пермс[ким] Окр[ужным] отделом ОГПУ, обязуюсь никому не разглашать. В случае нарушения сей подписки отвечаю по всем строгостям закона революционного времени, в чем и дал настоящую подписку»³. (В подписке деление на пункты — наше).

¹ Здесь и далее настоящие имена и фамилии обозначены инициалами.

² *Чемезова В. А.* Осведомитель «Христианин» // Православие на Урале: связь времен: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2017. С. 140–141.

³ Простите, звезды Господни... С. 38.

Документы практически идентичны по сути. Различие состоит лишь в том, что в подписке говорится непосредственно о слежке за духовенством и церковным советом, а в обязательстве — также и о выполнении поручений ОГПУ (помимо доносительства о контрреволюционных намерениях и действиях), кроме того, лицо, давшее согласие на сотрудничество, предупреждается об ответственности за нарушение принятых обязательств.

Обязательство, составленное в общих выражениях, можно считать типовым документом, созданным Управлением ОГПУ для вербовки разных категорий населения, а пермская подписка представляет собой вторичный документ, созданный на основе первого, с учетом специфики работы осведомителя в среде духовенства. Указанная форма обязательства при вербовке осведомителей использовалась и в 1930-х гг., как это видно, например, из «покаянного письма» архимандрита К.¹ Архимандрит пишет, что ему «было предъявлено настойчивое требование доказать свою лояльность к Советской власти — в виде письменного обязательства доносить, если мне будет известно о покушении на Советскую власть»².

Среди возможных мотивов сотрудничества с органами ОГПУ–НКВД одним из главных, безусловно, являлся страх за свою судьбу и судьбу своих близких. Однако можно предположить и иную, «добровольную», мотивацию некоторых священно- и церковнослужителей.

Вообще, вопрос о степени лояльности населения, в т. ч. и духовенства, к советской власти остается открытым, т. к. в условиях террора свободно выражать личное мнение было опасно. В этой связи представляются интересными результаты исследования, проведенного Гарвардским университетом в 1949–1951 гг. среди эмигрантов и перемещенных лиц, согласно которому они, несмотря на жалобы материального характера и выражение враждебности к вождям советского государ-

¹ Исторические страницы Русской Православной церкви в Верхотурье. Малоактайский скит / подг. публ.: Е. В. Вертилецкая, Е. Ю. Ребрина // Архивы Урала. 2006. № 9/10. С. 70–72.

² Исторические страницы Русской Православной церкви в Верхотурье... С. 71.

ства, коммунистической партии и МВД, были довольны отсутствием в СССР безработицы¹, а также высоко оценивали советскую систему здравоохранения, образования, культуры и социальной защиты². «Капиталистические формы организации производства признавались абсолютным меньшинством бывших советских граждан»³. «Ни один из бывших советских граждан, несмотря на весь свой антисоветизм, ни в одной из анкет или интервью не указал на свое какое-либо нелояльное поведение в течение всей своей жизни в СССР!»⁴.

В отношении лояльности духовенства, испытывавшего, с одной стороны, притеснения от советской власти, а с другой — молившегося за нее во время специальных прошений на каждом богослужении, делать выводы очень сложно.

Идеологическое обоснование лояльности к советской власти, сформулированное в «Декларации» 1927 года митрополита Сергия (Страгородского) могло послужить для некоторых священнослужителей оправданием секретного сотрудничества со специальными органами. Так, архимандрит К. пишет в упоминаемом выше «покаянном письме»: «Такое обязательство я как бы оправдывал посланием св. ап. Павла к Римлянам, глава 13, и присягой, даваемой при посвящении в священный сан»⁵.

В. А. Чемезова, анализируя эти отсылки архимандрита К. к словам апостола и ставленнической присяге, приходит к выводу, что К. истолковывает слова апостола о повиновении властям именно в смысле соработничества советскому государству: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13, 1). Под присягой

¹ *Кодин Е. В.* Гарвардский проект. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. С. 112.

² Там же. С. 130–136.

³ Там же. С. 137.

⁴ Там же. С. 127.

⁵ Исторические страницы Русской Православной церкви в Верхотурье... С. 71.

же архимандрит К., скорее всего, имел указ Святейшего Правительствующего Синода 1722 года о разглашении тайны исповеди, если дело касается государственной измены или «злого умышления на честь или здравие Государево»¹.

Некоторые сведения о лояльности священнослужителей к советской власти можно извлечь из ответов духовенства на вопросы анкеты, распространенной Пермским епархиальным управлением в конце 1922 года, когда в зарождающееся обновленчество были формально включены все приходы Пермской епархии². Один из пунктов анкеты звучал так: «Если сочувствует современному церковному строю, создававшемуся на основе признания справедливости Российской Социальной Революции, то чем может оказать ему поддержку». Нами были выбраны ответы только тех священников, которые через два года составили костяк «тихоновского» духовенства, ведь именно представители этой части верующего населения традиционно воспринимались как наиболее враждебно настроенные к советской власти. Из 14 опрошенных отрицательного отношения к революции и к новому церковному порядку не высказал никто. Двое уклонились от прямого ответа «по незнанию», двое выразили согласие к подчинению в той области, в которой она не противоречит вероучительным принципам, остальные выразили безусловное согласие помогать новому церковному строю своей деятельностью.

Возможным фактором, объясняющим подписку о сотрудничестве, наряду со страхом и желанием показать лояльность советской власти, могло быть и доверие органам ОГПУ или конкретным людям, представляющим советскую власть. По всей видимости, создание «доверительных» отношений между сотрудниками ОГПУ–НКВД и вербуемыми ими агентами, было распространенной формой работы этого института как до начала Большого террора, так и после него. Протодьякон Николай Тохтуев, отказавшийся от сотрудничества с органами, в письме начальнику ОГПУ обращается к нему как к лицу понимающему, человеку «с душой», умному и образованному: «Гр-н начальник разрешите мне объясниться с

¹ Чemezova B. A. Осведомитель «Христианин». С. 139–140.

² Печерин А. В. Анкеты священников как исторический источник // Православие на Урале: связь времен: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2015. С. 166–173.

Вами письменно. Я говорить не умею, потому что я малообразованный, так я письменно <...>. Вот я все Вам выложил (как другу), и Вы не считаете меня врагом <...>, потому что вот уже 23 года существует сов. власть, и я ничем не проявлял себя враждебным по отношению к ней»¹.

Доверие к органам ОГПУ–НКВД и следователям как представителям рабоче-крестьянской власти было у населения и в годы Большого террора: «В подавляющем большинстве обвиняемые, веря честности следователя и органам НКВД, протокол подписывали, не читая»². В протоколе допроса работника библиотеки Н. Б. (сына священнослужителя) содержится следующая аргументация следователя, призывавшего назвать «третьих лиц»: «Отказавшись назвать своих знакомых, Вы заведомо клеветаете на правосудие советской власти, нагло обвиняя органы ГУГБ НКВД в бессудных расправах». Также следователь указывал на то, что доверие к органам ОГПУ должно быть у каждого патриотически настроенного гражданина. На следующий день Н. Б. согласился дать показания: «За ночь я подумал, я вспомнил, что моя первая обязанность — заботиться о своих семейных, которым будет тем тяжелее, чем хуже будет мне, также подумал, что для рассеяния высказанных в вопросе подозрений мне лучше выполнить ваше требование...» После этого Н. Б. был переведен следователем из разряда подозреваемых в разряд обвиняемых³.

Из показаний обновленческого епископа С. И.: «В 1924 году в мае, в городе Костроме, бывшему Костромскому губ. отделу ОГПУ, добровольно, без всяких к тому побуждений насильственного порядка с чьей-либо стороны, я дал письменное обязательство о том, что буду секретно сотрудничать с органами ОГПУ в деле борьбы с контрреволюцией во всяких ее проявлениях»⁴.

Известны случаи, когда представители духовенства пользовались знакомством (и, надо полагать, сотрудничеством) с руководством ОГПУ для укрепления

¹ Простите, звезды Господни... С. 99.

² Там же. С. 213.

³ Там же. С. 148–150.

⁴ Простите, звезды Господни... С. 232.

личного авторитета среди других представителей духовенства. Так, обновленческий епископ Г. Л. «в целях придания себе веса в епархии и запугивания подчиненного духовенства и прихожан, называл себя секретным агентом ОГПУ»¹, а «тихоновский» епископ Г. П. в разговорах с духовенством, подчеркивая свою близость к НКВД, упоминал начальника 3-го отдела СПО УГБ УНКВД по Свердловской области Купер-Михеева: «мне Купер сказал», «мне Купер вполне доверил» или «что для меня РИК и сельсоветы, когда я имею дело с самим Купером»².

Знакомство с сотрудниками органов ОГПУ могло использоваться для занятия высоких административных должностей для себя или протежируемых лиц. Например, известен случай, когда священник, являвшийся осведомителем, угрожал назначенному на высокий церковный пост протоиерею С. арестом в случае, если тот не передаст своей должности его знакомому, и что ордер на арест уже подписан в Пермском секторе НКВД, о чем якобы ему сообщил сотрудник сектора Аликин³. Работа осведомителем могла давать таким священникам и защищенность от канонических прещений со стороны епископа. К примеру, при постановке вопроса о принятии решительных мер к провинившимся священникам, их защитник останавливал архиерея тем, что они имеют «особые заслуги», намекая на сотрудничество с НКВД⁴.

Осужденный в 1940 году протодьякон Николай Тохтуев, объясняя свой отказ от сотрудничества, так характеризует секретных сотрудников из церковной среды: «Я не шкурник, большинство на эту службу идет, чтобы спасти самого себя и пожить на счет других»⁵. Таким образом, еще одним мотивом сотрудничества с ОГПУ мог быть корыстный интерес. Сотрудничество с ОГПУ давало ряд привилегий: подтвержденное властью право считать себя советским человеком и продолжать при этом заниматься церковной деятельностью, защищенность от произвола местных властей, иммунитет от репрессий вплоть до начала Большого террора и

¹ Там же. С. 226.

² Там же. С. 142.

³ Там же. С. 235.

⁴ Там же. С. 236.

⁵ Простите, звезды Господни... С. 98.

даже право считать себя «своим» для ОГПУ–НКВД, чекистом. Из письма священника Л. Б. к Л. П. Берии (1939 г.): «Я с 1923 по 1937 г. был связан с органами ГПУ–НКВД <...> Я сам был 15 лет чекист»¹.

Также следует указать и на еще одну возможную мотивацию, состоящую в том, что согласие к сотрудничеству давалось формально, для продолжения осуществления церковной деятельности. Такого рода позиция, когда подписанный документ исполнялся формально или даже использовался в церковных интересах, следователями ОГПУ–НКВД часто именуется «двурушничеством». Встречался такой феномен «двурушничества» как среди православного, так и среди григорианского и обновленческого клира.

Священник с. Ново-Троицкого Петуховского района Т. Т. на протяжении двух с половиной лет работы секретным агентом (с 18 января 1931 г.) все время «двурушничал»: «Материалы давал отвлеченного характера, писал больше о том, что его сельсовет обижает — штрафует, не дает производить молебны по домам гр[ажда]н и устраивать крестные ходы. Во время карантина священник в церкви начал служить молебен. Когда начальник сельсовета Плотников послал в церковь священнику Тихонову записку о прекращении молебна, последний в сельсовет явился в сопровождении массы верующих и папкой постановлений правительства и говорил: “Вы богослужение запретить не имеете права потому, что церковь от вас отделена, я вам не подчиняюсь, ко мне не имеете права прикасаться, вы свое дело ведете и ведите, а мне не мешайте”»².

Обновленческий епископ В. З., женатый, проживавший в Александровском заводе Кизеловского района Свердловской области, «добивался открытия давно уже закрытых церквей, используя для этой цели актив церковников, создавая церковные двадцатки»; обвинялся в том, что «в бытность секретного осведомителя двурушничал, вел антисоветскую пропаганду»³.

¹ Лавринов В. Очерки истории обновленческого раскола на Урале (1922–1945). М., 2008. С. 152–153.

² Следственное дело Т. А. Тихонова // ГАОПДКО. Ф. 6905. Оп. 2. Д. 5277. Л. 20–21.

³ Простите, звезды Господни... С. 230.

Завербованной районным ОГПУ «церковнице» Ершовой, как имеющей связи с духовенством и монахинями Лыковой и Артемьевой, было дано поручение вести постоянное наблюдение за священником Нелюбовым из с. Клястицкого Троицкого района, который, по подозрению ОГПУ, «систематически вел агитацию против советской власти и проводимых компаний», за что вместе с монахинями подлежал привлечению к ответственности по ст. 58-10 УК. В протоколе обвинения сообщается, что «Ершова же не дала нам ни одного материала об антисоветской деятельности Нелюбова, Лыковой и Артемьевой, а наоборот, предупредила Нелюбова и оказала ему содействие скрыться, предоставив ему свою лошадь. <...> Ершова в марте 1932 г., придя в с/совет и воспользовавшись отсутствием в с/совете людей, взяла штамп с/совета и наставила его на чистую бумагу <...> в количестве 23 штук, из коих Ершова два бланка выдала Лыковой и Артемьевой, а последние на этих бланках заготовили справки с намерением уехать на производство работать»¹.

В. Д. Игнатов, автор крупнейшего исследования по истории доноительства, пишет, что среди церковнослужителей была довольно высока доля «кандидатов» в осведомители, отказавшихся от сотрудничества с органами, несмотря на реальную угрозу репрессий². Мы можем к этому добавить, что среди тех, кто подписал обязательство о сотрудничестве с органами, доля пытавшихся использовать такое сотрудничество «во благо Церкви» или сотрудничавших формально была значительна. Так, начальник отдела Челябинского ОГПУ о количестве и активности секретных сотрудников из церковной среды сообщал следующее: «24 агента и осведомителя, из которых 6 были на связи у сотрудников отделения»³. Это позволяет говорить о том, что среди челябинских церковников, активно сотрудничавших с НКВД (или, по выражению начальника отдела, «бывших на связи»), было меньшинство (около 25 %). Но количество «сводок», получаемых от активной агентуры,

¹ Следственное дело по обвинению Ершовой М. В., Миковой П. В., Артемьевой А. // ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 1660. Л. 53–53 об.

² Игнатов В. Д. Доносчики в истории России и СССР. М.: Вече, 2014. С. 70.

³ Протокол допроса свидетеля начальником 2-го отдела НКВД Бритиковым Ф. К. (16 нояб. 1939 г.) // ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 25163. Т. 22. Л. 424.

поражает. Например, обновленческий священник В. Х. за 1936 год дал 388 агентурных сводок; священник Б. за 1936 год дал 202 агентурные сводки¹.

Среди лиц, давших согласие на тайное сотрудничество с советской властью, можно выделить две категории: активных агентов и так называемых «двурушников». Первые составляли частые, порой ежедневные, агентурные сводки. Поведенческий тип таких осведомителей варьировался от «закрытого» (тайного) до «открытого» (бравирование своим сотрудничеством). Сотрудничество «двурушников» имело формальный характер: по несколько лет они не выходили на связь или удовлетворяли запросы органов различными отписками. В некоторых случаях под гнетом совести они документально отказывались от данных ими обязательств секретных сотрудников, а иногда использовали близость к власти для церковных целей. Псевдонимы, взятые такими сотрудниками (Христианин, Верующий), красноречиво говорят об их нежелании вставать в число активных осведомителей. Часто такие «двурушники» попадали под арест за разглашение факта сотрудничества или за «недоносительство».

В результате мы можем выделить следующие мотивы сотрудничества духовенства с «всемогущим» ОГПУ–НКВД; 1) страх за свою жизнь и/или жизнь своих близких; 2) привилегированное положение агента ОГПУ; 3) желание продолжить церковно-общественную деятельность; 4) желание показать свою лояльность социалистическому строю; 5) доверие институту ОГПУ–НКВД, а также конкретным следователям, проводившим вербовку.

Таким образом, сотрудничество служителей Церкви с органами ОГПУ–НКВД — явление неоднозначное. В следственных делах священнослужителей, подвергнувшихся репрессиям (в т. ч. и причисленных Церковью к лику святых), нередко обнаруживаются документы, свидетельствующие о сотрудничестве с органами ОГПУ–НКВД, однако эти факты требуют тщательного и всестороннего

¹ Протокол допроса свидетеля сотрудником НКВД Иванцовым А. В. (2 дек. 1939 г.). // ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 25163. Т. 22. Л. 428.

изучения. Так, в докторской диссертации игумена Дамаскина (В. А. Орловского)¹ рассматривается несколько подобных случаев и, например, утверждается, что Т. П., послушник Оптиной пустыни, осужденный в 1937 году, не оговоривший ни себя, ни других, был доносителем на основании того, что его, парализованного, не расстреляли вместе с остальными, а следствие после окончания Большого террора было отменено. Тот же вывод о сотрудничестве со следствием уральского протоиерея А. З., обвинявшегося в принадлежности к кулацко-повстанческой организации, состоящей из 89 человек, делается на основании вынесения дела в отдельное производство и последующего освобождения не признавшего вину священника за недоказанностью обвинения. Писатель М. С. Шаньгин в главе с красноречивым названием «Никто не может служить двум господам» приводит примеры двух Омских епископов. Епископ Аркадий (Ершов), получивший в 1932 году три года лагерей и в следственном деле указанный как внештатный сотрудник ОГПУ, не доставлявший нужных сведений, противопоставляется епископу А. М., получившему в начале 1937 года 10 лет. На основании разницы в сроках заключения автор делает вывод о том, что «большевики, надо думать, не оставили надежд на тайное сотрудничество» с Аркадием (Ершовым)². Мы считаем, что в данном случае не взято в расчет то обстоятельство, что архиереи были осуждены разными структурами и в разное время. Епископу А. М. приговор выносился специальной коллегией Омского областного суда в 1937 году, как раз накануне начала Большого террора, когда срок в 10 лет был распространенным приговором. В случае с епископом Аркадием (Ершовым) дело рассматривалось в 1932 году, приговор выносило Особое совещание при коллегии ОГПУ (ОСО) в Новосибирске, которое вплоть до 1934 года не имело права приговаривать к заключению в лагерь на срок более трех лет. Показательно, что всего несколькими месяцами позже в Челябинске после допросов

¹ Орловский В. А. Восстановление практики причисления к лику святых и канонизация новомучеников российских в контексте взаимоотношений церкви и государства: 1970–2011 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Курск, 2016.

² Шаньгин М. С. Террор против совести: об уничтожении духовенства и трудового крестьянства в г. Омске и области. Омск, 1994. С. 287.

и пыток епископ А. М. подпишет все сфабрикованные протоколы¹, а епископ Аркадий (Ершов), осужденный повторно в 1937 году, виновным себя так и не признает; при этом оба будут приговорены к расстрелу. Мы считаем, что для подобных выводов необходимы более веские доказательства в каждом конкретном случае. В конце концов, не будем забывать о принципе презумпции невиновности.

Проведение политики Большого террора отделами НКВД имело свои особенности в зависимости от региона и «человеческого фактора». Так, непризнание своей вины спасло жизнь некоему инженеру из г. Горького, о котором пишет в своей книге воспоминаний узник ГУЛАГа Олег Волков². Хотя и искалеченный многочисленными побоями, почти инвалид, он остался в живых, тогда как если бы он подписал признательные показания, то был бы расстрелян. А вот во множестве других случаев такое же поведение подследственного не становилось препятствием для осуждения к высшей мере наказания.

Следует отметить, что в годы Большого террора в погоне за выполнением «плана» по выявлению контрреволюционеров сотрудники областных управлений НКВД в Свердловске и Челябинске не пощадили даже своих долголетних агентов. Так, 15-летнее сотрудничество с ОГПУ–НКВД не спасло от репрессий кушвинского протоиерея Л. Б., осужденного на 10 лет ИТЛ. В Челябинском областном НКВД за годы Большого террора, по свидетельству начальника одного из отделов³, были приговорены к расстрелу все(!) осведомители. В этом отделе получила широкое распространение практика, когда осведомителей «ставили» во главе «контрреволюционных организаций». В этих случаях от работников НКВД не требовалось усилий для выбивания из подследственных показаний для фабрикации протоколов допросов!

При изучении следственных дел следует обращать внимание и на время составления протоколов и вынесения решений по делам, которые были начаты во время Большого террора, а окончены после его завершения. В 1939–1940 гг. в рядах

¹ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 25163. Т. 8. Л. 3–33.

² Волков О. В. Погружение во тьму. М., 2017. С. 434.

³ Протокол допроса Бритикова Ф. К. 16 нояб. 1939 г. // ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 25163. Т. 22. Л. 424.

НКВД был проведен ряд чисток «ежовских» кадров, во время которых только в Челябинском ОГПУ основными виновниками в фальсификации дел были названы 42 сотрудника, 6 из которых были осуждены¹. Отмена следствия по уже заведенным делам и вынесение оправдательных приговоров осужденным в то время не было исключительным явлением. Этот вывод можно сделать на основании конкретных случаев из практики некоторых областных управлений НКВД на Урале. В. Лавринов приводит данные о том, что 17 ноября 1938 г. сотрудники Свердловского УНКВД Варшавский и Викторов-Новоселов без перепроверки и исследования освободили до трех тысяч арестованных².

В г. Шадринске (тогда Челябинской области) арестованный 3 марта 1938 г. 84-летний заштатный священник А. Ч. в ходе следствия подписал все протоколы, а в декабре 1938 г. (по завершении Большого террора) во время очной ставки отказался от своих показаний, аргументировав это тем, что давал ложные сведения, «потому как долго сидеть под следствием было очень тяжело». Подследственный, по его словам, хотел дожидаться суда и привести доказательства того, что названные им люди не проживали в поселке, где он служил. Но до суда дело вообще не дошло и 18 декабря 1938 г. было прекращено «за недоказанностью вины в его причастности к контрреволюционной организации»³. При этом никаких указаний на принадлежность А. Ч. к числу секретных сотрудников в документах нет. Известен подобный случай и в г. Сысерти Свердловской области, когда подписавшая обвинительные приговоры монахиня на открытом заседании суда отрекалась от своих показаний и за недоказанностью обвинения была отпущена. Таким образом, ставить в прямую зависимость освобождение подследственного из заключения с сотрудничеством его с органами НКВД, не имея при этом явных к тому доказательств, представляется неверным.

Не может служить доказательством сотрудничества с НКВД и выделение следственного дела обвиняемого в отдельное производство. Например, в октябре

¹ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 25163. Т. 24. Л. 443–453.

² Лавринов В. Екатеринбургская епархия... С. 72.

³ Постановление о прекращении следствия // ГАОПДКО. Ф. 6905. Оп. 2. Д. 460. Л. 67.

1938 г. из группового дела 13 крестьян Звериноголовского района Челябинской (ныне Курганской) области были выделены в отдельное делопроизводство материалы по семи из них, с целью объединения в контрреволюционную повстанческую организацию. Недостаточность доказательной базы привела к тому, что в ноябре 1939 года на двух крестьян дело было прекращено, а по четверым крестьянам 4 декабря материалы были выделены в отдельное делопроизводство во второй раз¹. И. Л. Садовщиков, один из освобожденных крестьян, в позднем протоколе допроса писал, что «при подписи показаний следователем они полностью не были прочтены, а бегло и несколько слов, причем, как я помню, того, что было написано, я тогда не слышал при чтении»². Следственное дело епископа Аркадия (Ершова) было выделено из группового дела Омского духовенства по другой причине — ввиду отсутствия обвиняемого³. Епископа в это время в Омске не было, поскольку он получил назначение на новую кафедру.

Выделение в отдельное производство могло быть обусловлено различными причинами: формированием другого группового дела, в которое показания подследственного не вписывались; отсутствием одного из обвиняемых, что приводило к невозможности закрыть в срок групповое дело; недостаток материалов для осуждения одного человека или группы лиц для привлечения их по групповому делу и др.

Таким образом, ни выделение дела в отдельное производство, ни малый срок заключения, ни освобождение за недоказанностью вины, ни отсутствие признательных показаний не могут являться абсолютными доказательствами последствий сотрудничества конкретного служителя Церкви с органами НКВД. И даже нередко встречающиеся указания о сотрудничестве церковнослужителей сами по себе (без дополнительного исследования) отнюдь не являются свидетельством предательства паствы и сослужителей. Тайна жизни человеческой и жизни церковной не мо-

¹ ГАОПДКО. Ф. 6905. Оп. 2. Д. 523. Л. 104–105а.

² Там же. Л. 148.

³ Крест архипастыря: материалы к биографии священномученика Аркадия (Ершова), епископа Екатеринбургского / авт. и сост. А. В. Печерин. Екатеринбург, 2015. С. 52.

жет быть раскрыта по одному росчерку на бумаге. Пример новомученика протодьякона Николая Тохтуева, вызванного в НКВД накануне Пасхи и давшего подписку только для того, чтобы встретить праздники с семьей, а затем отправиться на свою мученическую голгофу¹, также, как и пример протоиерея Константина Плясунова, давшего подписку НКВД и в дальнейшем отказавшегося от всякого сотрудничества и за это осужденного.

Показанные в настоящем исследовании негативные примеры нравственного состояния духовенства уживались в сословии наряду с примерами высочайшей нравственной и духовной жизни. Массовая канонизация новомучеников, проведенная Русской Православной Церковью, является ярким тому свидетельством. Канонизация проводилась с тщательным исследованием: анализировалась нравственная жизнь человека до ареста, его поведение на следствии, в лагере и др.². При таких критериях только от Пермской епархии в 2000 году был причислен к собору новомучеников 91 человек, большинство из которых составляли клирики.

2.4 Женское служение в церковном причте

До революции церковное служение женщин ограничивалось, как правило, изготовлением просфор. В женских монастырях женщины могли петь на клиросе и руководить церковным хором, читать и канонаршить (возглашать определенные богослужебные тексты). Попытки возродить древнюю церковную практику дьяконис возникли в начале XX века. В этом институте женского дьяконского служения виделась возможность совмещения молитвенного духа православного монашества с действенным служением ближним в миру³. Так, великой княгиней Е. Ф. Романовой, настоятельницей женской Марфо-Мариинской обители в Москве, были высказаны предложения по восстановлению института дьяконис, которые вызвали реше-

¹ Простите, звезды Господни... С. 98.

² Орловский В. А. Восстановление практики причисления к лику святых и канонизация новомучеников российских в контексте взаимоотношений церкви и государства: 1970–2011 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Курск, 2016.

³ Бер-Сижаль Э. Служение женщины в Церкви. М., 2002. С. 166.

тельный протест Святейшего Синода и осуществлены не были. Но изменение церковно-государственных отношений, произошедшее после 1917 года, обусловило ряд причин, по которым высшее священноначалие сочло возможным допустить женщин к исполнению псаломщического служения в храме. Определение Поместного Собора Православной Российской Церкви о привлечении женщин к деятельному участию на разных поприщах церковного служения разрешало в исключительных случаях допускать женщин к исполнению должности псаломщика со всеми правами и обязанностями штатных псаломщиков, но без включения в клир¹. Ранее псаломщическое служение было явлением исключительно мужским. Псаломщик являлся представителем духовного сословия, был членом церковного клира, несмотря на то, что литургических посвящений, как это происходит при рукоположении в сан епископа, священника или дьякона, над ним не производилось. Двойственное положение псаломщика (формально отнесенного к духовенству, но не имеющего церковного посвящения) способствовало появлению исключительного явления в церковной истории России XX века — женского псаломщического служения.

По Свердловской области (в современных границах) было обнаружено среди осужденных 7 женщин-псаломщиков; по Челябинской области — 5 (одна из них хотя и упоминалась в качестве псаломщика, но на допросе заявила, что официально таковым никогда не была). По Курганской области, выделившейся в 1943 году из Челябинской области, женщины-псаломщицы не выявлены. Всего же по Свердловской и Челябинской областям нами выявлены 34 женщины-псаломщицы. Первый случай служения женщины на вакансии псаломщика обнаружен в с. Сергино Пермского уезда, где прихожанка Екатерина Якимова числилась исполняющей должность псаломщика в августе 1917 г.

Постановление Поместного Собора о возможности допущения к псаломщической службе женщин стало активно применяться на Урале с осени 1919 года. Причиной тому — нехватка штатных псаломщиков во многих приходах после

¹ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1994. Вып. 4. С. 47.

окончания активной фазы Гражданской войны. Яркую картину положения с псаломщиками представляют клировые ведомости за данный период. О том, что священники покинули приходы с армией А. В. Колчака, иногда указывалось прямо на страницах с их послужными списками¹. Во втором округе Красноуфимского уезда в 1919 году из 22 приходов в пяти вообще не было причтов, поэтому клировые ведомости по этим приходам в консисторию не поступали. Из числа функционировавших приходов более чем в половине (в 9 из 17) не имелось псаломщиков. Можно также предположить, что причиной опустения псаломщических мест в бедных приходах мог быть малый оклад или даже его отсутствие. В клировой ведомости с Журавлевского Кунгурского уезда об этом написано прямо: «Псаломщическая вакансия не замещена за неимением средств»².

В силу сложившейся традиции, слово «псаломщик» не изменялось по родам и, как и слово «священник», применялось только в мужском роде. В редких случаях слово «псаломщица» употреблялось применительно к жене псаломщика. Нужно признать, что первыми, кто ввели в оборот слово «псаломщица» в женском роде в отношении женщин, исполнявших должность псаломщика, явились сотрудники государственных органов при составлении списков граждан, лишенных избирательных прав, а затем так стали записывать в протоколы допросов и следователи НКВД.

Итак, должности псаломщиков на Урале начинают исполнять женщины. В 1919 году в с. Петропавловском Красноуфимского уезда временно к исполнению должности псаломщика была допущена 27-летняя дочь священника Ольга Александровна Колокольникова, проживавшая с родителями³. В многоштатном приходе с. Орда Кунгурского уезда, после ухода с Сибирской армией трех священников, дьякона и псаломщика в 1919 году, был сформирован новый штат, с двумя священниками и двумя псаломщиками. Исправлять обязанности второго псалом-

¹ ГАПК. Ф. 542. Оп. 1. Д. 91. Л. 39 об.–40; 75 об.

² ГАПК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 272. Л. 92 об.

³ ГАПК. Ф. 542. Оп. 1. Д. 91. Л. 82–83 об.

щика одновременно со штатным псаломщиком была допущена дочь дьякона, крестьянская вдова Анфиса Васильевна Пятунина, 34 лет. В клировых ведомостях церкви Илии Пророка впервые обнаружены заверительные подписи священника и женщины-псаломщика¹. В дальнейшем практика подписи женщин в клировых ведомостях получила широкое распространение. В 1921 году приговором приходского собрания с. Покровского Пермского уезда была принята к исполнению должности псаломщика священническая вдова Рафаила Валентиновна Чулочникова, 37 лет².

Женщины-псаломщицы появились в первую очередь в сельских храмах. В клировых ведомостях г.г. Перми, Кунгура и Усолья за 1922 год не было обнаружено ни одной женщины-псаломщика. Псаломщик Александра Козлова была обнаружена в списках лишенных избирательных прав в Екатеринбурге в 1924 году³. Из списков репрессированных известно о псаломщицах в г.г. Верхотурье (1932 г.) и Реж (1941 г.) Свердловской области и о псаломщицах, служивших в 1937 г. в г.г. Сатке, Троицке и Верхнеуральске Челябинской области. В населенных пунктах, в которых располагались упраздненные монастыри, женское псаломщическое служение несли бывшие послушницы, например, в с.с. Грязновском, Обвинском, Колчеданском, в г. Троицке.

Принятие женщины на должность псаломщика и допущение к вхождению ее в алтарь могло быть инициировано как священником, приходским собранием или приходским советом, так и благочинным и благочинническим советом, в ведении которых в первую очередь лежали заботы о сестрах упраздненных монастырей в пределах их благочиния. Так, шадринским благочинным, прот. Николаем Буткиным, организовавшим в Спасо-Преображенском соборе большую церковно-монашескую женскую общину, было выпущено в 1919 году послание по приходам, в котором священникам предлагалось обращаться в благочинное управление для того, чтобы взять для своего храма сестер из числа монашествующих для помощи

¹ ГАПК. Ф. 542. Оп. 1. Д. 274. Л. 18 об.–19.

² Там же. Л. 5 об.–6.

³ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 9. Д. 2. Т. 1. Л. 28.

в пономарском служении. Копия такого документа сохранилась в документах с. Рычковского. У исполняющей должность псаломщицы с. Самковского Усольского уезда в клировой ведомости имеется формулировка «командирована благочинием»¹.

Для вступления на должность псаломщика могло быть получено и официальное «определение», сопровождавшееся указом². Неизвестно, был ли этот указ за подписью епархиального архиерея, потому как был обнаружен всего один послужной список, в котором применительно к Е. Д. Ивенской впервые указано: не «исполняющая должность псаломщика», а именно «псаломщик»³ (в анкете 1923 года, однако, сама Е. Д. Ивенская пишет о себе как об исполняющей должность псаломщика)⁴.

Из документов Пермской епархии видно, что уже через два года вакансии псаломщиков были заполнены в основном молодыми людьми, принятыми на должности с 1920 по 1922 гг., однако в третьем благочинном округе Усольского уезда, включавшем 17 приходов, в 1922 году на псаломщических местах состояли две женщины. Причем одна из них в клировой ведомости была записана не исполняющей должность псаломщика, а псаломщиком. В послужных списках женщин указано, что на должность они назначены церковным начальством⁵.

В с. Орде мы впервые фиксируем передачу в 1923 году псаломщического места от женщины к женщине. Получившая место от А. В. Пятуниной, А. А. Феофилова также именовала себя не и. о. псаломщика, а псаломщиком⁶. После ухода А. А. Феофиловой на служение в храм с. Морозково Кишертского района место псаломщика заняла М. Т. Зеленкина. Отмечаются и факты перемещения женщин-пса-

¹ ГАПК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 282. Л. 121 об.–122.

² Там же. Л. 202–203.

³ ГАПК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 282. Л. 202–203.

⁴ ГАПК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 161. Л. 134.

⁵ ГАПК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 282. Л. 121 об.–122; 202–203.

⁶ ГАПК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 272. Л. 75.

ломщиков за пределы одного прихода. Так, Е. Д. Ивенская уже в 1922 г. перемещалась по распоряжению благочинного из прихода в приход¹. Подобная практика видна из некоторых следственных дел², хотя в большинстве выявленных документов женщины несли службу на одном приходе.

По семейному положению женщин-псаломщиков можно разделить на несколько групп. Первая — это бывшие послушницы, сведения о пребывании которых на должности псаломщика нами были встречены только в документах 1930-х гг. Кроме послушниц и примерно в одном соотношении с ними, особенно в начале 1920-х гг., должности псаломщиков занимали вдовы, почти все имевшие от одного до пяти детей. Это могло сыграть свою роль при переходе женщины на оплачиваемое служение в церкви и на утверждение ее в этой должности церковным собранием. К третьей, менее многочисленной группе, относятся незамужние, или девицы (в большей части эта категория идентифицируется по анкетам из следственных дел в 1930-е гг.). Самая малочисленная группа — замужние женщины (по документам 1930-х гг.), всего две. Причем у одной муж числился без вести пропавшим на войне с 1914 года, а вторая, будучи замужней, обязанности псаломщика исполняла без входа в алтарь.

Возраст женщин-псаломщиков, вступавших на должность в начале 1920-х гг., по выборке из 11 человек составил: до 25 лет — 1 чел., 25–30 лет — 2 чел., 30–35 лет — 5 чел., 35–40 лет — 2 чел., 40–50 лет — 1 чел.; в среднем — 32 года, возраст активной жизненной деятельности.

Анализ анкет 1922–1923 гг. показывает осмысленную позицию женщин по вопросам церковно-приходской жизни, некоторые даже указывали на реформы, которые они считали необходимыми в современной церковной жизни. Так, А. С. Васильева указала на «как можно большее участие членов прихода в строительстве церковной жизни»³. Е. Г. Петрова считала, что «необходимо служить на русском

¹ ГАПК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 161. Л. 134.

² Следственное дело обвиняемой А. С. Глызиной, 1932 г. // Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 41750. С. 44.

³ ГАПК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 260. Л. 103 об.

[языке] и тем самым быть ближе к народу»¹. Другие же выступили в этом вопросе консерваторами: «Церковь в реформах не нуждается, а реформы в приходе проводит Поместный Собор»²; «о каких-либо реформах как в церкви, так и в приходской жизни судить не могу»³. Были среди опрошенных и женщины, отвечавшие односложно (например, так: «вера, любовь к ближнему»)⁴, но большинство респондентов так или иначе проявило свое отношение к церковным реформам. А. П. Попкова на вопрос, как она относится к попыткам некоторых архиереев разорвать Церковь на отдельные епархии, подчинив их заграничному церковному управлению, дала конкретный ответ: «Это нахожу нежелательным. Управление из-за границы не будет полезным для Церкви»⁵. На вопрос об участии в движении 1922–1923 гг. (обновленчестве) все ответили отрицательно. На вопрос «К какой группе примыкает» одна женщина написала: «за Древлеапостольскую Церковь», остальные — что не примыкают ни к какой группе. А. П. Попкова в ответе на этот вопрос показала свою осведомленность в церковно-каноническом предмете: «Пока до созыва Поместного Собора ни в какую группу не вошла»⁶. В отношении к вопросу о епископате и передаче власти в руки белого духовенства были представлены следующие мнения: «Епископ должен быть из белого духовенства»⁷; «признавая белого епископата, но и из монахов не отрицая достойных и вникающих в жизнь мирянина»⁸; «нахожу епископство в Церкви обязательным, какое бы то ни было»⁹, «признаю справедливо [передачу власти] в белое духовенство». И. Д. Ивенских ответила на этот вопрос так: «Этот вопрос — удалить от власти епископов монахов или не удалить — представляю право решить нынешней нашей высшей власти церковной ВЦУ, т. к.

¹ ГАПК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 262. Л. 152 об.

² Там же. Л. 196 об.

³ ГАПК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 161. Л. 133 об.

⁴ ГАПК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 265. Л. 75 об.

⁵ ГАПК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 262. Л. 152 об.–153.

⁶ Там же. Л. 196 об.

⁷ Там же.

⁸ ГАПК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 265. Л. 75 об.

⁹ ГАПК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 260. Л. 103 об.

в котором председатель и некоторые члены из монахов»¹. Самой немногословной, с односложными положительными или отрицательными ответами, без единого внесенного предложения или рассуждения, оказалась только анкета 51-летней А. Ф. Киркиной², бывшей рясофорной послушницы.

Активная жизненная позиция женщин-псаломщиков не могла не выразиться в их активной приходской деятельности. Сведения о церковных наградах в документах начала 1920-х гг. не встречаются, так как этот институт только еще начал появляться, а выборка из клировых ведомостей за 1931–1932 гг. очень мала: две исполняющих обязанности псаломщика и одна с неопределенным статусом «церковницы». Но и в этой малой подборке обнаружены сведения о награждении в 1927 году монахини Марии Алексеевны Прожериной, состоявшей на должности псаломщика с 1921 года, архиерейским благословением с выдачей свидетельства, с формулировкой: «За усердное служение Церкви Божией»³.

Обязанности псаломщика совмещают помощь священнику в алтаре с чтением и пением во время богослужения. Алтарь как сакральное место, закрытое для вхождения в него женщин в течение столетий, с введением женского псаломщического служения на приходах открылся и для женщин. Так, псаломщическая должность «с правом вхождения в алтарь» была у Е. Д. Ивенской, 33-летней послушницы с 20-летним стажем жизни в монастыре⁴. При этом вход в алтарь имели не все состоявшие на этих должностях. В клировой ведомости Преображенской церкви с. Володинского Свердловской епархии за 1931 год имеется следующая запись: «За псаломщика во время богослужений поет и читает замужняя женщина Ялунина Марфа Алексиева, 27 лет»⁵. Об остальных женщинах данных о вхождении или не вхождении в алтарь пока не обнаружены. Предположительно, право это предоставлялось монахиням, бывшим послушницам и благочестивым вдовам. Женщина, имевшая

¹ ГАПК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 161. Л. 133 об.

² ГАПК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 262. Л. 43.

³ ЦГАУР. Ф. 245. Оп. 5. Д. 171. Л. 42–45.

⁴ ГАПК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 282. Л. 201 об.–202.

⁵ ЦГАУР. Ф. 245. Оп. 5. Д. 173. Л. 14 об.–15.

разрешение на вхождение в алтарь, лишиться этого права не могла без специального запрета священноначалия.

Со временем круг деятельности женщин-псаломщиков расширился. Если ранее они пели и читали на богослужениях, то в 1930-е гг. участвовали в административной церковной деятельности в качестве церковных старост¹, председателей и членов церковного совета², сторожей³. В годы репрессий и внутрицерковных конфликтов женщины-псаломщицы вставали на защиту Церкви: «...буду всеми силами поддерживать старую Церковь, помогать ей, укреплять ее всемерно и всячески»⁴. Являясь ближайшими помощниками священников, они защищали храмы от закрытия⁵, собирали по дворам средства для уплаты налогов, посылались в Москву от имени прихода с ходатайством об открытии храмов. Многие из арестованных женщин-псаломщиков, несмотря на давление следователей, держались стойко, не признавая своей вины. Характерны в этом отношении следственные дела обвиняемых П. А. Дьячковой⁶, В. М. Уфимцевой⁷, С. К. Васьковой⁸.

В условиях, при которых полноценное функционирование института псаломщиков без привлечения женщин было невозможно, женское служение в Церкви получило широкое развитие (во всяком случае, до массового закрытия храмов в 1930-е гг.). О распространенности женского псаломщичества свидетельствуют и такие факты: в годы Большого террора на территории современной Свердловской области были репрессированы 5 женщин-псаломщиков и 5 псаломщиков-мужчин (за весь рассматриваемый период выявлено 7 репрессированных женщин и 9 мужчин); в Челябинской области — 3 женщины и 5 мужчин (всего 4 и 8 соответственно); в Пермском крае — 3 женщины и 21 мужчина (всего 8 и 35 соответственно). Скорее

¹ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17568. Л. 25.

² ЦГАУР. Ф. 245. Оп. 5. Д. 173. Л. 15.

³ Объединенный гос. архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 1587. Л. 107.

⁴ Там же. Л. 109.

⁵ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17568. Л. 26 об.–27.

⁶ Там же. Л. 25–29 об.

⁷ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 1587. Л. 107–109 об.

⁸ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 25163. Т. 25. Л. 36–37.

всего, эти данные могут быть уточнены, т. к. в следственных делах часто встречаются такие определения, как «церковницы», «монашки» или «активные прихожанки».

Традиция женского псаломщического служения, начавшаяся в 1919 году, не прекратила своего существования вплоть до наших дней. Во время хрущевских гонений на Церковь женское церковное служение получило дальнейшее развитие. В личном архиве автора имеется фотография 1960-х гг., на которой священник в облачении на фоне царских врат сфотографирован с алтарницей, пожилой женщиной, держащей в руках кадило. Во время экспедиции по не закрывавшимся храмам Свердловской области в 2016–2017 гг. автору не раз приходилось слышать от местных жителей рассказы о женщинах-алтарницах, из чего был сделан вывод, что в 1960-е гг. и позже женщины в алтарях были более чем в половине храмов Свердловской епархии. Пускать женщину в алтарь или нет, решали священники. Так, протоиерей Григорий Пономарев, прошедший в общей сложности 16 лет в лагерях и ссылках, по воспоминаниям людей знавших его, не принимал женщин в алтаре ни под каким предлогом, а его духовник и собрат протоиерей Павел Ездаков, также сидевший в лагерях, положительно относился к служению женщин в алтаре и имел помощницу-псаломщика¹. В начале 2000-х гг. автору удалось застать в живых женщину, трудившуюся псаломщиком в Коуровской слободе: Серафима, дожившая до 100 лет, продолжала совершать земные поклоны перед иконой на аналое, сохраняла осанку, отличалась немногословием и, по рассказам людей, была девицей.

В 1990-е гг., при массовом открытии храмов и нехватке духовенства, женское псаломщичество отмечается многократно. При этом сам институт псаломщиков видоизменился, перестав быть не только признаком сословия, но даже принадлежности к церковному клиру. Архиерейское благословение или разрешение благочинного на служение псаломщиком и на ношение стихаря теперь также не нужно, достаточно благословения настоятеля храма. Само слово «псаломщик» заменяется в

¹ Воспоминания прот. Павла Балакина (с. Боровлянское Курганской области) // Телеканал «Союз». Передача «Из истории Церкви на Урале». 04.12.2017.

церковном обиходе на слово «алтарник», «пономарь». Обязанности эти могут нести юноши и даже дети.

Таким образом, несмотря на репрессии, институт женского псаломщического служения сохранялся весь советский период и дошел в несколько измененном виде до наших дней.

* * *

Изменения государственной политики по отношению к церкви, репрессии, осуществляемые в разных формах по отношению к духовенству привели в изменениям его социокультурного портрета.

В экономическом плане эти изменения в первую очередь затронули наиболее обеспеченную часть духовенства священнослужителей — преподавателей, проживавших на казенных квартирах, у которых были отобраны и большая часть дохода, и жилье. Потеря государственного финансирования, отсутствие доходов церкви от сдачи в аренду земли, события Гражданской войны, массовое беженство духовенства и голод начала 1920-х гг. привел к ухудшению экономического положению большинства приходов, что в первую очередь привело к сокращению штатов и отразилось, например, на рукоположении дьяконов на праздные священнические места или переходе дьяконов на псаломщические вакансии. В результате количество обеих групп церковного клира начало сокращаться.

С начала 1920-х гг. сельское духовенство, живущее в церковных домах, были вынуждено из-за конфискации церковного имущества переселяться в съемные квартиры. В отношении жилищных условий духовенство (в т. ч. числе псаломщики и работники церкви), жившие в 1918 году не в церковных, а в собственных домах оказывались в лучшем положении. Жилищные условия городского духовенства были худшими, чем у жителей села. При этом положение епископата, не пользовавшегося никакими привилегиями в советском обществе, мало отличалось от клира. Так, глава «григорьевской церкви», епископ Григорий в 1932 году довольствовался для жительства комнатой в 10 кв. м, при среднем объеме жилья для ду-

ховенства в 5,5 кв. м. Самые тяжелые жилищные условия были в многодетных семьях городского духовенства. Так, в Свердловске, на одного члена многодетной семьи из 7 и более человек в том же 1932 году приходилось чуть более 2 кв. м.

Деньги от совершения треб и кружечных сборов продолжали собираться приходским духовенством, но перестали играть в связи с инфляцией и обезденежьем крестьянства определяющую роль. Основным источником дохода клириков от прихода как в городе, так и на селе становится оплата хлебом и продуктами. Поиск дополнительных форм материального обеспечения сельского приходского духовенства приводят в 1920-е гг. к расширению их личных хозяйств. Увеличение поголовья скота, обработка земли, переданной во временное пользование, там, где это было возможным, заставляло прибегать к сезонной помощи прихожан, что продолжалось вплоть до массового раскулачивания. После проведения коллективизации и раскулачивания личных хозяйств получение дохода от прихода становится основным способом экономического содержания сельского клирика, в связи с чем повышается прямая зависимость духовенства от прихожан на селе. Материальное содержание городского духовенства, не имевшего возможности вести собственное хозяйство, в большей степени зависело от прихода уже с 1920-х гг., однако компенсировалось большим, чем в селе, количеством прихожан и, следовательно, большим количеством треб и других источников дохода.

Одним из определяющих факторов, повлиявших на экономическое положение большинства представителей духовенства, кроме раскулачивания, стала политика повышенного налогообложения. Имущество могло конфисковаться за неуплату священником налогов. Изъятие личного имущества могло производиться в результате решения суда и при осуждении клирика. Все это приводит к массовому обеднению духовенства, достигшему своей кульминации в середине 1930-х гг.

С конца XIX века, по мнению исследователей, внутри духовенства происходил процесс падения уровня образования. Многие дети священников, отучившись четыре года в духовной семинарии, поступали в светские университеты. Но после 1919 года падение уровня образования приняло массовый характер. Уход духовенства с Белой Армией, обилие праздных мест на приходах, сохранявшийся в это

время высокий статус духовенства, обусловили массовое рукоположение людей не духовного происхождения и не имевших профессионального (духовного) образования. По воспоминаниям очевидцев, в это время повсеместно развилась «дьяконская горячка», и даже не окончившие начальную школу дьяконы ставились в иереи. Воспоминания подтверждаются документальными выборками по Красноуфимскому и другим уездам Пермской губернии, где от трети до половины и более мест занимали священнослужители из крестьян, представлявшие класс сельской интеллигенции и занимавшиеся до революции по преимуществу преподавательской деятельностью.

Уровень духовенства с семинарским образованием падает в разы, при этом в разы же возрастает уровень духовенства со светским образованием (по преимуществу начальным). Отсутствие опыта службы и преемственности служения становились в начале 1920-х гг. на Урале нормой приходской жизни. Количество духовенства, имевшего оконченное и неоконченное начальное духовное образование (духовное училище), в 1920-х гг., наоборот, несколько увеличивается. Все тенденции, отмеченные на материале Пермского и Красноуфимского уездов начала 1920-х гг., просматриваются и на материале Свердловской епархии начала 1930-х гг. Возвращение бежавшего с белыми духовенства не смогло изменить ситуацию с падением образовательного уровня.

Если в начале XX века большинство духовенства получало священническую хиротонию в молодом возрасте, то средний возраст духовенства, рукоположенного в 1919 году, составлял 40 лет. Поэтому приток нового духовенства в 1920-е гг. не привел к его омоложению. Вследствие отсутствия рукоположений в 1930-е гг. средний возраст духовенства продолжал расти, и к 1937–1938 гг. он по Свердловской епархии составлял уже 57 лет.

Революционные события 1917 года привели к всплеску реформаторских отношений внутри Церкви. Эти настроения усилились после массового обновления состава духовенства в 1919–1921 гг. Некоторыми историками Церкви высказывался взгляд на то, что церковно-реформаторские взгляды были только у части ду-

ховенства, перешедшего впоследствии на позиции обновленчества. Однако на материалах Пермского епархиального управления можно проследить, что прямой связи между обновленцами и церковно-реформаторскими взглядами нет. Почти две трети духовенства в 1922–1923 гг. вне зависимости от их будущей церковной ориентации высказывалось за принятие церковных реформ по изменению форм приходской жизни, богослужебной практики, в т. ч. русификации церковно-славянских текстов. Некоторые из предлагаемых реформ были введены в церковную практику в 1920-е гг.: выборность епископата, активное развитие братств и сестричеств, активная социальная деятельность церкви. А какие-то из нововведений сохранились на всем протяжении XX века, как, например, вхождение женщины в алтарь в качестве псаломщика и более активное участие женщин в церковно-богослужебной жизни. К деятельности на должностях псаломщиков привлекались активные женщины, средний возраст которых поначалу составлял чуть более 30 лет. По преимуществу это были бывшие послушницы монастырей, в меньшей степени вдовы и монашествующие. В некоторых приходах (как в Ординском Пермской епархии) наблюдалась преемственность женщин на должностях псаломщиков. Появляется практика перехода женщин на должности псаломщика в другие приходы, что приводит к распространению этого явления. Анализ группы псаломщиков, репрессированных в годы Большого террора, показывает, что женщин занимали в этой группе немалую роль, даже сравнявшись по количеству в Свердловской области с мужчинами. Можно констатировать, что с 1918 по 1938 гг. женское служение в Церкви получило широкое развитие, что позволило ему сохраниться в течение всего XX века, а в отдельных местах вплоть до наших дней.

Политические взгляды духовенства в 1918 года на Урале различались от крайне правых до социалистических. Что видно на примере наиболее выдающихся иерархов. Так, архиепископ Андроник Никольский был ярким сторонником монархии, Уфимский епископ Андрей (Ухтомский), наоборот, высказывал восторженное принятие социалистических учений. При этом большинство священнослужителей и низшего клира не имело твердых политических убеждений и поддерживало ту власть, которая существовала на данный момент. Во время Гражданской войны

большая часть духовенства сочувствовало белым властям, которые не устраивали террора по отношению к Церкви. Наиболее убежденная и антибольшевистски настроенная часть духовенства в 1918–1920 гг. ушла в эмиграции. Среди оставшихся и рукоположенных на место ушедших клириков намечается заметный сдвиг влево к поддержке социалистического строя. Несмотря на то, что монархические настроения были лишь у единиц, церковь продолжала восприниматься как враждебная власти контрреволюционно-монархическая организация, что видно из анализа обвинительных заключений следственных дел.

До революции соответствие нравственного состояния клира и соответствие его каноническим нормам церкви контролировалось епархиальной властью. Несмотря на случаи покровительства духовенством друг друга и скрывание от епархиального начальства некоторых антиканонических проступков, эта система в целом работала эффективно. С 1920-х гг. контроль со стороны церковного начальства постепенно ослабевает. Наличие параллельных церковных юрисдикций, куда священнослужитель мог перейти, уводя за собой часть паствы и переоформив здание церкви, отбирало у епископата возможность применять к духовенству строгие запретительные меры. У церковной власти не было никаких административных рычагов воздействия для запрещения священника в служении и перевода на другое место служения, так как снятие клирика с регистрации могло происходить только с разрешения местного районного исполнительного комитета, которое без личного запроса священника или по запросу епископа не производилось. В 1930-е гг. дисциплина церковного суда фактически перестает функционировать, что видно из анализа клировых ведомостей Свердловской епархии за 1930–1932 гг.

Попытки социальной адаптации духовенства в новом обществе часто приобретали формы сотрудничества с ОГПУ–НКВД. Мотивация к сотрудничеству была различной: от добровольной и желания приобрести некоторые привилегии до страха за свою жизнь и жизнь родственников. Реальное выполнение взятых при подписке обязательств также различалось: от частого составления агентурных справок и действий, ведущих к закрытию приходов по указанию НКВД, до отказа от реального доноительства или выполнения этой работы в интересах церкви

(например, описания в доносах жалоб на притеснения от государственных органов). Однако доносительство не всегда избавляло от репрессий, а в ряде случаев при арестах играло даже отягчающую роль. Так, во время Большого террора в Челябинском НКВД к расстрелу были приговорены в первую очередь все доносители из церковной среды, которых попросту «ставили» руководителями фиктивных контрреволюционных организаций.

Характеристики духовенства как социальной группы, изученные в настоящей работе, далеко не исчерпывают его социального портрета. Созданный портрет может обогащаться дополнительными чертами. Однако настоящее исследование является первым, где социокультурный подход применен в отношении духовенства в один из самых сложных для изучения период (1918–1938 гг.), когда сдвиги в характеристиках портретируемой группы были наиболее значительными, а источники — фрагментарны и разбросаны по разным архивам. Широкие территориальные рамки исследования позволили выполнить описание портретируемой группы духовенства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая диссертация посвящена исследованию изменений социокультурных характеристик уральского духовенства в первые два десятилетия советской власти. Тема государственно-церковных отношений рассматривается в диссертации не как самостоятельный предмет исследования, а с целью выявления факторов, влиявших на социальную группу духовенства, осуществлявшую свою деятельность в условиях репрессий со стороны государства.

К началу революционных потрясений 1917 года Российская Православная Церковь представляла собой внушительную силу, имевшую огромное влияние в обществе. В каждой из уральских епархий насчитывалось по несколько сотен храмов и порядка 1–1,5 тыс. представителей духовенства. Радикально антицерковная направленность политических сил, пришедших к власти в октябре 1917 года, стала очевидной с их самых первых законодательных актов. Особое значение при этом получил принятый 20 января 1918 г. Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», обозначивший переворот в церковно-государственных отношениях в России. Основные положения декрета лишали Церковь всей материальной собственности, которая передавалась государству. Кроме того, Церковь лишалась прав юридического лица и практической возможности заниматься религиозным образованием. Православное духовенство, наметившее к началу XX века основные векторы своего развития, столкнулось с непреодолимыми препятствиями со стороны государства, что привело к постепенному изменению социокультурных характеристик духовенства.

Два десятилетия репрессивной политики советской власти привели к кардинальному изменению социокультурного портрета уральского духовенства. Главными факторами при этом являлись: террор, политика лишения избирательных прав, антирелигиозная пропаганда, принуждение к сотрудничеству с органами ОГПУ–НКВД с одной стороны; раскулачивание и форсированная индустриализация, массовое закрытие храмов с другой.

Первый этап репрессий против уральского духовенства вспыхнул в 1918 году во время Гражданской войны. Он характеризовался, с одной стороны, бессудными

расправами со священнослужителями, с другой — локализованностью террора. В Екатеринбургской епархии за несколько месяцев было расстреляно 6 % священников. Летом 1918 года в зауральских приходах впервые получает распространение служение монашествующего духовенства на приходах. Принятое сначала как временная мера, она получит широкое распространение в последующие годы в связи с закрытием монастырей. Страх перед повторным приходом большевиков в 1919 году и боязнь расправ вынудила к бегству большое число священнослужителей. Часть духовенства впоследствии вернулась на приходы, но это не смогло существенно повлиять на изменение социокультурного портрета духовенства.

Период НЭПа характеризуется временным ослаблением репрессивной политики советского государства по отношению к церкви. Гонения на церковь в то время приобрели новые формы, главными из которых стали тотальная антирелигиозная пропаганда, поддержка церковных расколов и формирование системы доносителей внутри церковной среды. Свертывание НЭПа на рубеже 1920–1930-х годов и начало очередного витка радикальных социально-экономических преобразований (таких, как индустриализация, коллективизация, «культурная революция») повлекли за собой новую волну репрессий, в большей степени охвативших сельскохозяйственные районы. Именно в этот период начинается массовое закрытие церквей, повлекшее за собой неуклонное сокращение численности духовенства, представители которого оказались лишены возможности продолжать священническое служение.

Одним из проявлений репрессий со стороны властей являлось лишение церковнослужителей избирательных прав. Данная мера со второй половины 1920-х годов в массовом порядке коснулась низшего церковного клира, монашествующих, а также членов семей представителей духовенства всех уровней.

В 1932 году было объявлено о начале «безбожной пятилетки». Всемерно поддерживавшийся властью Союз воинствующих безбожников наметал уже к 1935–1936 г. полностью закрыть в стране храмы всех религий. И хотя в установленные сроки уложиться не удалось, вероятно, только начало Великой Отечественной

войны уберегло церковь на Урале (как и по стране в целом, кроме лишь вновь присоединенных западных территорий) от полной ликвидации в течение ближайших месяцев. Кульминацией репрессивной политики советского государства явился Большой террор, с особой жестокостью обрушившийся на священнослужителей. В результате его проведения духовенство фактически перестало существовать как социальная группа. Проведение репрессивной политики Большого террора в отношении духовенства на Урале, его интенсивность и размах различались в зависимости от политики каждого областного управления НКВД.

Анализ послужных списков духовенства позволяет сделать выводы о резком снижении образовательного уровня духовенства и утрате им профессиональных навыков. Снижение образовательного уровня духовенства последовало в связи закрытием церковных учебных заведений на Урале в 1919 – нач. 1920-х гг.

В 1919 году значительное количество образованных и занимавших высокие должности клириков бежало с приходов с белыми. Их места в приходах занимали новорукоположенные клирики, имевшие более низкий уровень профессионального образования. Значительно уменьшается доля потомственного духовенства. В результате Большого террора пострадала и без того немногочисленная группа образованного духовенства.

Семейное положение приходского духовенства также изменяется. С 1918 года, на приходах появляется духовенство из числа монашествующих. В 1920-е начале 1930-х гг. в результате закрытия всех монастырей на Урале монашествующие клирики массово приступают к исполнению обязанностей приходских священников. С течением времени повышается уровень вдового и разведенного духовенства на приходах. Распространенным явлением становится раздельное проживание священнослужителя от своих жен и других членов семьи, в связи с репрессивными мерами государства в отношении членов семей духовенства (повышенные налоги, лишение избирательных прав с запретом обучения детей в вузах).

Экономическое положение духовенства и его социальный статус в первые два десятилетия советской власти кардинально меняются. От достаточно стабиль-

ного и высокого уровня жизни, духовенство переходит к бедному, часто нищенскому существованию. Меняется и отношение общины к духовенству: священник попадает в полную зависимость в материальном отношении от прихожан.

Массовое рукоположение в 1919 году клириков не привело к омоложению причта. Средний возраст духовенства начинает постепенное снижение, которое продолжается вплоть до 1937–1938 гг. Морально-нравственное состояние клира, в условиях отсутствия дисциплины церковного суда, перестает регулироваться священноначалием. Поиски форм социальной адаптации к государственной политике приводят представителей духовенства к снятию священного сана и переходу на гражданскую работу.

В XX веке роль женщины в храме начала меняться. Общественное движение к более полному участию женщин в церковной жизни, возникшее в столичных аристократических кругах, к 1918 году возросло настолько, что нашло отражение в определении Поместного Собора, согласно которому женщина в исключительных случаях могла быть допущена к служению в алтаре в качестве псаломщика. Сначала к служению в должности псаломщика привлекались активные и молодые монастырские послушницы или вдовы. Впервые вхождение женщины в алтарь отмечено на Урале в 1919 году, позднее это стало массовым явлением. Средний возраст женщины-псаломщика близок 30 годам. Несмотря на репрессии, институт женского псаломщического служения сохранялся в церкви весь советский период и дошел в несколько измененном виде до наших дней.

Перспективы дальнейшей разработки темы связаны как с продолжением изучения социальных характеристик уральского духовенства и динамики их изменений в описываемый период (1918–1938 гг.), так и с дальнейшим расширением хронологических рамок исследования (1939–1988 гг.). Изучение фондов муниципальных и ведомственных (ФСБ, ГУФСИН, Московской Патриархии) архивов с целью выявления источников, ранее не имевшихся в научном обороте, совершенствование методик анализа документов, откроют дополнительные возможности более подробного описания социокультурного портрета служителей церкви на Урале.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

ИСТОЧНИКИ

Опубликованные источники

1. Архивы Кремля. Политбюро и Церковь, 1922–1925 : в 2 кн. / изд. подг.: Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. — Новосибирск : Сибирский хронограф ; Москва : РОССПЭН [Политическая энциклопедия]. — 1997. Кн. 1. — 599 с. ; 1998. Кн. 2. — 648 с.
2. База данных «Образовательный уровень и возрастной состав духовенства Пермской и Екатеринбургской епархий и Курганского уезда Тобольской епархии (1912, 1915, 1916 гг.)» [Электронный ресурс] / сост. А. В. Печерин. — Электрон. текстовые, граф. дан. — Екатеринбург : Церковно-историческое общество, 2019. — 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM) : 12 см. — (Б-ка Екатеринбургской семинарии ; инв. № 64120).
3. База данных духовенства Пермской и Екатеринбургской епархий, бежавшего с белыми в 1919 г. [Электронный ресурс] / сост. А. В. Печерин. — Электрон. текстовые, граф. дан. — Екатеринбург : Церковно-историческое общество, 2019. — 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM) : 12 см. — (Б-ка Екатеринбургской семинарии ; инв. № 64116).
4. База данных лишенных избирательных прав церковнослужителей Свердловской епархии и членов их семей (1924–1935 гг.) [Электронный ресурс] / сост. А. В. Печерин. — Электрон. текстовые, граф. дан. — Екатеринбург : Церковно-историческое общество, 2019. — 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM) : 12 см. — (Б-ка Екатеринбургской семинарии ; инв. № 64118).
5. База данных репрессированного на территории Курганской области духовенства (1919–1938 гг.) [Электронный ресурс] / сост. А. В. Печерин. — Электрон. текстовые, граф. дан. — Екатеринбург : Церковно-историческое общество, 2019. — 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM) : 12 см. — (Б-ка Екатеринбургской семинарии ; инв. № 64117).
6. База данных репрессированного духовенства Урала (1918–1946 гг.) [Электронный ресурс] / сост. А. В. Печерин. — Электрон. текстовые, граф. дан. —

Екатеринбург : Церковно-историческое общество, 2019. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM) : 12 см. — (Б-ка Екатеринбургской семинарии ; инв. № 64118).

7. Декреты Советской власти. — Москва : Гос. изд-во полит. лит. 1957. — Т. I. — V–XII, 626 с.

8. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов : в 2 т. / отв. ред. А. И. Мраморнов. – Москва : Изд-во Новоспасского монастыря, 2012, 2013. — Т. 1: Предсоборная работа 1917 года. Акты, определявшие порядок созыва и проведения Собора : в 2 кн. — Кн. 1. — 712 с. ; Кн. 2. — 664 с. ; Т. 2: Протоколы Соборного совета. — 736 с.

9. Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1886–1917 : аннотированный библиографический указатель: электрон. факсимильное издание / рук. проекта О. Линько. — Екатеринбург : Баско, 2010. – 4 электрон. опт. диска (DVD-ROM).

10. Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: Документы и материалы: в 6 т. — Т. 1: 1917–1924 гг. : в 4 кн. — Кн. 2. Центральные органы государственной власти и управления в РСФСР: создание нормативно-правовой базы деятельности религиозных объединений / отв. сост. М. И. Одинцов ; сост. Ж. В. Артамонова, Н. М. Волхонская, А. С. Кочетова, А. В. Лукашин, М. М. Одинцова. — Москва : Политическая энциклопедия, 2017. — 670 с.

11. Новомученики и исповедники земли Кузнецкой: Библиографический справочник / науч. ред. В. А. Волчек ; авт. сост. А. М. Адаменко [и др.]. — Кемерово : Скиф, 2011. — 408 с.

12. Новые мученики Российские : в 2 т. / сост. протопресвитер М. Польский. — Jordanville, N. Y. : Тип. преп. Иова Почаевского, 1949, 1957.

13. Памятная книга Оренбургского учебного округа на 1915 год / Оренбург. учеб. округ. — Уфа : Электр. тип.-лит. Соловьева, 1915. — 661 с.

14. Полный православный богословский энциклопедический словарь [Репринтное издание 1913 года] : в 2 т. — Москва : Возрождение, 1992. — Т. 1. — 560 с. ; Т. 2. — 672 с.

15. Популярная энциклопедия Пермского края: Сборник полезных краевед. сведений / [Автор проекта А. Ф. Старовойтов ; ред. Т. И. Быстрых]. — Пермь, 2006. Т. 1. — 200 с.
16. Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Вып. 4. — Москва, 1994. — 58 с.
17. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД (1918–1939): Документы и материалы : в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова, С. Красильникова [и др.]. — Москва : РОССПЭН, 1998. — Т. 1. (1918–1922). — 864 с. ; 2000. — Т. 2. (1923–1929). — 1168 с. ; Т. 3 в 2 кн. — 2003. — Кн. 1. (1930–1931). — 864 с. ; — 2005. — Кн. 2. (1932–1934). — 840 с. ; — 2012. — Т. 4. (1935–1939). — 983 с.
18. Справочная книга Пермской епархии на 1912 год / сост. дьяк. Петр Ершов. — Пермь : Тип. наследников П. Ф. Каменского, 1911. — 290 с.
19. Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года — Тобольск : Тобольское епархиальное братство св. вмч. Дмитрия Солунского, 1913. — 433 с.
20. Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1915 год. — Екатеринбург : Тип. Е. Н. Ершова, 1915. — 137 с.
21. Известия Екатеринбургской Церкви. — 1918. — № 14.

Неопубликованные источники

22. Анкеты членов клира Пермской епархии, 1923 г. // Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 260–265.
23. Архивно-следственные дела духовенства 1919–1938 гг. // Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 7064, 9185, 9497, 11544, 12702, 12703, 14923, 15118 (Т. 1, 3), 15120, 15635, 15793, 15835, 16272, 16380, 16689, 16852, 16861, 17095, 17340, 17345, 17568, 17570, 17717, 18307, 18645, 18651, 18652, 18965, 19763, 20237, 21334, 21336, 21338, 21844, 21951, 22072, 22880, 24267, 26117, 26292, 26850, 26855, 27407, 27408, 29041, 29314, 29370, 29372, 29373, 29381, 29389, 29670, 30887, 31114, 32769, 33145, 33532, 34640, 34642, 36011, 36766, 37933, 38474, 40928, 40930, 40931, 41030, 41365, 41711,

44524-44527, 50416, 51148, 52541, 53714-53715, 54089-54090, 55731-55732, 56049, 56328, 56502, 56504, 56576, 57219, 57328, 57330, 58282, 58548, 58723, 58880, 59009, 59430-59432, 59440, 59765-59766, 60263, 60422, 60942, 60943, 61435, 61553, 61638, 61799, 62034, 62313, 62392, 63328, 63563, 64063-64069, 67564, 67682, 68028, 68092-68093, 68110, 68135, 68480, 69769, 74799, 74931, 75286, 77263, 77612, 7613, 77768, 77769.

24. Архивно-следственные дела духовенства 1919–1938 гг. // Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО). Ф. 6905. Оп. 2. Д. 73, 460, 509, 523, 530, 531, 584, 626, 633, 636, 677, 855, 858, 865, 887, 888, 895, 902, 907, 909, 915, 917, 920, 923, 926, 979, 980, 1082-1084, 1087, 1089, 1092, 1093, 1097, 1098, 1099, 1101, 1110, 1134, 1135, 1195, 1201, 1203, 1360, 1380, 1401, 1597, 1645, 1682, 1722, 1726, 1761, 1789, 1826, 2176, 2206, 2225, 2322, 2358, 2368, 2386, 2388, 2412, 2502, 2510, 2708, 2969, 3231, 3287, 3499, 3648, 3659, 3728, 3761, 3795, 3811, 3831, 3859, 3861, 4033, 4044, 4069, 4076, 4097, 4108, 4139, 4226, 4236, 4243, 4251, 4262, 4337, 4361, 4366, 4447, 4453, 4479, 4544, 4577, 4612, 4656, 4664, 4665, 4758, 4842, 4853, 5215, 5277, 5419, 5772, 6375, 6671, 6678, 6679, 7020, 7074, 7090, 7160, 7271, 7290, 7294, 7473, 7481, 7512, 7517, 7525, 7551, 7602, 7662, 7682, 7711, 7735, 7878, 7894, 7909, 7922, 8003, 8010, 8026, 8028, 8196, 8311, 8312, 8321.

25. Архивно-следственные дела духовенства 1919–1939 гг. // Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 249, 262, 336, 367, 405, 610, 612, 647, 660, 734, 794, 832, 1029, 1030, 1032, 1033, 1205, 1207, 1404, 1529, 1536, 1587, 1589, 1592, 1660, 1783, 1784, 1786, 1870, 1927, 1930, 1942, 2138, 2226, 2316, 2349, 2425, 2604, 2981, 3233, 3259, 3260, 3336, 3448, 3452-3454, 3680, 3863, 3924, 3943, 4153, 4255, 4626, 5081, 5239, 5652, 5882, 5928, 6325, 6744, 7148, 7149, 7254, 7300, 7401, 7649, 8438, 8469, 8965, 9145, 9196, 9581, 9582, 9647, 9655, 9716, 9931, 25163 (Т. 1, 4, 5, 7-9, 11, 13, 15, 17, 18, 21-26, 28, 29, 32-39, 41, 43, 47, 49-51, 53-55, 60-64, 69, 71, 74, 75), 39792; Оп. 4. Д. 103, 111, 354, 1018, 1052, 1152, 1879, 2254, 2280, 2328, 2480, 2722, 3128, 3348, 3400, 3624, 4026, 4501, 4573, 4687, 4704, 4980, 5446, 5590, 5799, 5962, 6272, 6369, 9079, 9129, 9279, 9429.

26. Ведомости о церквях Красноуфимского уезда за 1920–1921 гг. // Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 542. Оп. 1. Д. 7, 9, 10, 15, 16, 24.
27. Ведомости о церквях Красноуфимского, Кунгурского, Осинского, Оханского, Пермского, Соликамского, Усольского уезда за 1918–1922 гг. // Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 270, 272, 274–282
28. Ведомости о церквях, причтах и прихожанах Свердловской епархии за 1929–1932 г. // Центральный государственный архив Удмуртской республики (ЦГАУР). Ф. 245. Оп. 5 Д. 169, 170, 171, 172, 173, 175.
29. Документы о переходе священноцерковнослужителей из Пермской епархии в другие епархии, 1923 г. // Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 86.
30. Личное дело Плясунова Константина Степановича // Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-617. Оп. 2. Д. 76.
31. Личные карточки служителей религиозных обществ Оренбургской (Чкаловской) области, 1943–1961 гг. // Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 42, 97.
32. Метрические книги церквей Шадринского уезда [на территории современного Далматовского района] за 1918–1920 гг. // Архив Администрации Далматовского района (ААДР). Ф. 295. Оп. 1. Д. 21; Ф. 329. Оп. 1. Д. 19; Ф. 337. Оп. 1. Д. 18; Д. 19.
33. Метрические книги церквей Камышловского и Шадринского уездов [на территории современного Катайского района Курганской области] за 1918–1920 гг. // Православный информационно-библиотечный центр Екатеринбургской митрополии. Ф. 1. Оп. 1. Д. 56, 113д, 135, 242, 259, 327, 343, 386, 426, 443.
34. Метрические книги церквей Екатеринбургского, Камышловского, Туринского уездов [на территории современной Свердловской области] за 1918–1920 гг. // Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 6. Оп. 13. Д. 345; Оп. 14. Д. 96; Оп. 15. Д. 22, 30, 35, 36, 38–43, 199, 206, 212, 218–223, 250, 275, 336а, 340, 344, 357, 358–364, 368, 370, 372–376, 378; Оп. 16. Д. 83, 84, 110, 113, 118; Оп. 18. Д. 195, 201, 277, 358, 368, 375, 376, 639, 753.

35. Отчеты о состоянии Екатеринбургской епархии за 1907, 1908, 1909, 1910, 1912, 1915 гг. год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2207; 2268; 2328. 2385; 2516; 2699.

36. Отчеты уполномоченного по делам религий Свердловской области за 1947 г. // ГАРФ. Ф. Р. 6991. Оп. 1 Д. 203. Л. 10.

37. Списки лиц, бежавших с белогвардейцами // Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 644; Ф. Р-2515. Оп. 1. Д. 1, 18.

38. Списки лишенных избирательных прав по г. Свердловску и районам Свердловской области за 1925, 1929, 1930, 1934–1935 гг. // Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-88. Оп. 9. Д. 25, 33 (Т. 2), 235; Ф. Р-286. Оп. 3. Д. 442.

39. Списки на лишение избирательных прав и списки лишенных избирательных прав по Катайскому району за 1929–1935 гг. // Архивный отдел Администрации муниципального образования (МО) «Катайский район». Ф. 2. Оп. 1. Д. 2; 2а; 2г; 6; 6а; 6 б; 6г; 6д; 12.

40. Личный архив Колесова Александра Владиславовича (1963 г. р.).

41. Личный архив Ложкиной Татьяны Александровны (1916–2011).

42. Личный архив Знаменской Нины Вениаминовны (1920–2011).

43. Автобиографии священника Гавриила Панова. 1946 и 1948 гг. // Семейный архив дочери В. Г. Пановой.

44. Собрание фотодокументов и личная переписка протоиерея Павла Ездакова // Архив свящ. П. Балакина (с. Боровлянское, Катайский р-н, Курганская область).

45. Личная переписка и документы протоиерея Петра Трофимова // Архив Свято-Казанского Чимеевского мужского монастыря (с. Чимеево, Белозерский р-н, Курганская область).

ЛИТЕРАТУРА

Диссертации

46. Абдулов, Н. Т. Уфимская епархия в системе государственно-церковных отношений: 1917–1991 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Абдулов Наиль Талгатович ; Башкир. гос. ун-т. — Уфа, 2006. — 303 с.
47. Агафонов, П. Н. Эволюция государственно-церковных отношений в 1920–1929 гг. (на материале Пермской епархии) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Агафонов Петр Николаевич. — Пермь, 2002. — 259 с.
48. Бабкин, М. А. Русская православная церковь в начале XX века и её отношение к свержению монархии в России : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Бабкин Михаил Анатольевич ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. — Москва, 2007. — 556 с.
49. Борисова, В. В. Русская православная церковь в условиях трансформационных процессов 1917–1936 гг.: на материалах Зауралья : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Борисова Вера Викторовна ; [Место защиты: Тюмен. гос. ун-т]. — Нижневартовск, 2012. — 223 с.
50. Булавин, М. В. Взаимоотношения государственной власти и Православной церкви в России в 1917–1927 гг. (на примере Урала) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Булавин Максим Викторович ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. — Екатеринбург, 2000. — 370 с.
51. Воронцова, И. В. Русский христианский модернизм в контексте церковного реформирования: 1-я четверть XX в. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Воронцова Ирина Владимировна ; Моск. гос. областной ун-т. — Москва, 2009. — 281 с.
52. Вяткин, В. В. История Пермской епархии в XIX – начале XXI века: формы и методы церковной деятельности, государственно-церковные отношения : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Вяткин Валерий Викторович ; Пермский гос. ун-т. — Пермь, 2005. — 316 с.

53. Дунаев, В. Н. Социально-политическая ориентация и действия православных церковников в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции и первые годы советской власти (1917–1922) (на материалах Воронежской, Курской и Тамбовской губерний) : автореф. ... канд. ист. наук : / Дунаев Владимир Николаевич ; Воронеж. гос. ун-т им. Ленинского комсомола. — Воронеж, 1972. — 26 с.

54. Каплин, П. В. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государственной власти в СССР в 1927–1938 гг. (на материалах Урала) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Каплин Павел Владимирович ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. — Екатеринбург, 2006. — 273 с.

55. Колчанова, Ю. С. Жизненные миры советских инженеров в 1930-е гг. (По материалам оборонных заводов Западного Урала) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Колчанова Юлия Сергеевна ; [Место защиты: Урал. федерал. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина]. — Пермь, 2018. — 182 с.

56. Конюченко, А. И. Православное духовенство России во второй половине XIX – начале XX века : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Конюченко Андрей Иванович ; Челяб. гос. ун-т. — Челябинск, 2006. — 507 с.

57. Ломинадзе, Б. Р. Из истории грузинской церковной сеньории (Шио-Мгвимский монастырь) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ломинадзе Бабилина Рафаэловна ; Ин-т истории им. акад. И. А. Джавахшвили. — Тбилиси, 1949. — 11 с.

58. Макаров, Ю. Н. Советская государственная религиозная политика и органы ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД СССР (окт. 1917 – конец 1930 гг.) : автореферат дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Макаров Юрий Николаевич ; [Место защиты: С.-Петербург. гос. ун-т]. — Санкт-Петербург, 2007. — 48 с.

59. Мангилёва, А. В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX – начале XX в. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 ; защищена 22 дек. 2015 г. / Мангилёва Анна Владимировна ; [Место защиты: Урал. федерал. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина]. — Екатеринбург, 2015. — 535 с.

60. Музафарова, Н. И. Политика Советского государства в религиозном вопросе в 1917–1937 гг.: (На материалах Урала) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Музафарова Нэлли Идиатовна ; Ин-т истории и археологии УрО РАН. - Екатеринбург, 1992. — 37 с.

61. Нейтман, М. Л. Проведение ленинского декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в Забайкалье (1918–1923 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Нейтман Михаил Львович ; [Место защиты: Иркут. гос. ун-т им. А. А. Жданова]. — Чита, 1974. — 213 с.

62. Нечаев, М. Г. Контрреволюционная деятельность церкви в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны на Урале (1917–1919 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Нечаев Михаил Геннадьевич ; [Место защиты: Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького]. — Пермь, 1988. — 267 с.

63. Олихов, Д. В. Создание и деятельность Временного высшего церковного управления Сибири (1918–1920 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Олихов Дмитрий Владимирович ; Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского. — Омск, 2014. — 229 с.

64. Орловский, В. А. Восстановление практики причисления к лику святых и канонизация новомучеников российских в контексте взаимоотношений церкви и государства: 1970–2011 гг. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Орловский Владимир Александрович ; [Место защиты: Белгород. гос. нац. исслед. ун-т]. — Курск, 2017. — 487 с.

65. Римский, С. В. Церковные реформы в России 60-х – 70-х годов XIX столетия : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Римский Сергей Викторович ; Ин-т российской истории РАН. — Москва, 1998. — 581 с.

66. Снегирёва, Э. А. Политическая переориентация русского православия в первое десятилетие Советской власти. (1917–1927 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Снегирёва Эльза Алексеевна ; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. — Ленинград, 1974. — 202 с.

67. Сосновских, С. В. Политические репрессии на Урале в конце 1920-х – начале 1950-х гг. в отечественной историографии : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / С. В. Сосновских ; [Место защиты: Ин-т истории и археологии УрО РАН]. — Екатеринбург, 2010. — 309 с.

68. Эйнгорн, И. Д. Религия, церковь и классовая борьба в Сибири в переходный период от капитализма к социализму (1917–1937 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Эйнгорн Иосиф Давыдович ; Томский гос. ун-т им. В. В. Куйбышева. — Томск, 1985. — 441 с.

Опубликованные исследования

69. «Дивен Бог во святых Своих». Мученики, исповедники и подвижники благочестия в Оренбургской епархии. Кн. IV / сост. прот. Николай Стремский. — Оренбург, 2011. — 304 с.

70. Абросенко, К. Религия на службе контрреволюции Сибири. — Иркутск : Иркутское обл. изд-во, 1938. — 72 с.

71. Алексеев, В. А. Была ли в СССР «безбожная пятилетка»? / В. А. Алексеев // Диспут. — 1992. — № 2. — С. 12–23.

72. Амосов, Н. А. Октябрьская революция и Церковь. — Изд. 2-е. — Москва : Гос. антирелигиозное изд-во, 1939. — 72 с.

73. Арон, Р. Этапы развития социологической мысли / Раймон Арон ; общ. ред. и предисл. П. С. Гуревича. — Москва : Прогресс, 1992. — 608 с.

74. Бабкин, М. Духовенство Русской Православной Церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.) / М. Бабкин. — Москва : Гос. публ. ист. б-ка, 2007. — 532 с.

75. Белякова, Е. В. Женщина в православии: церковное право и российская практика / Е. В. Белякова, Н. А. Белякова, Е. Б. Емченко. — Москва : Кучково поле, 2011. — 704 с.

76. Бер-Сижель, Э. Служение женщины в Церкви / Элизабет Бер-Сижель. — Москва : Библейско-богословский ин-т, 2002. — 215 с.

77. Бер-Сижель Э., Каллист (Уэр), еп. Рукоположение женщин в Православной Церкви / Элизабет Бер-Сижель, епископ Диоклийский Каллист (Уэр). — Москва : Библейско-богословский ин-т, 2002. — 84 с.
78. Бессонов, М. С. История Северного Урала в лицах (1589–1917): Биографический справочник. Вып. I (А–Д) / М. С. Бессонов. — Екатеринбург : [Б. и.], 2011 — 348 с.
79. Бонч-Бруевич, В. Д. Избранные атеистические произведения / В. Д. Бонч-Бруевич. — Москва : Мысль, 1973. — 343 с.
80. Буткина, С. Г. Свято-Симеоновское братство в г. Шадринске: жизнь верных христиан после революции / С. Г. Буткина // Православие на Урале: связь времен : материалы IV межрегион. науч.-практ. конф. — Екатеринбург, 2015. — С. 56–63.
81. Введенский, А. И. (прот.). Церковь и государство: очерки взаимоотношений Церкви и государства в России 1918–1922 гг. / протоиерей А. И. Введенский. — Москва : [Мосполиграф], 1923. — 253 с.
82. Введенский, А. И. (прот.). Церковь патриарха Тихона / протоиерей А. И. Введенский. — Москва : 2-я тип. Моск. союза потребительских обществ, 1923. — 78 с.
83. Вебер М. И. «Громкий по названию, но жалкий по своему делу и печальной памяти»: документы колчаковского следствия об отряде анархиста матроса М. Х. Петрова, 1918 г. // Вестн. музея истории Екатеринбурга. Вып. 2. — 2016. — С. 4–51.
84. Веденеев, Д. В. Атеисты в мундирах. Советские спецслужбы и религиозная сфера Украины / Д. В. Веденеев. — Москва : Алгоритм, 2016. — 494 с.
85. Газов, Е. А. По поводу комментария священника Александра Мазырина / Е. А. Газов // Церковно-исторический вестник. — 2011–2012. — № 18–19. — С. 196–205.
86. Гордиенко, Н. С. Современное православие / Н. С. Гордиенко ; Акад. обществ. наук при ЦК КПСС ; Ин-т науч. атеизма. — Москва : Мысль, 1968. — 143 с.

87. Гусакова, О. В. Хранители веры. О жизни Церкви в советский период / О. В. Гусакова. — Москва : Никая, 2017. — 252 с.
88. Дегтярева, М. И. «Оглядываясь на тридцать седьмой»: следственные дела священников, пострадавших в Перми в год Большого террора / М. И. Дегтярева, М. Е. Дегтярева // Вестник Пермского университета. — 2013. — Вып. 3 (23). — С. 176–186.
89. Демаков, И. Н. Русская Православная Церковь в Маньчжурии: страницы истории / И. Н. Демаков // Православие на Урале: связь времен : материалы IV межрегион. науч.-практ. конф. — Екатеринбург : Урал. церк.-ист. об-во, 2015. — С. 64–72.
90. Дмитриев, С. Н. Реэмиграция протоиерея Константина Архипова как редкий феномен на переломе эпох / С. Н. Дмитриев // Православие на Урале: связь времен: материалы IV межрегион. науч.-практ. конф. — Екатеринбург : Урал. церк.-ист. об-во, 2015. — С. 73–79.
91. Евлогий, митр. Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. — Париж : YMCA-Press, 1947. — 679, [2] с.
92. Жития святых Екатеринбургской епархии. — Екатеринбург : Издат. отдел Екатеринбургской епархии, 2008. — 804 с.
93. Зырянов, П. Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. / П. Н. Зырянов. — Москва : Наука, 1984. — 226 с.
94. Иван Владимирович Сторожев: Юрист и пастырь в XX веке. Альбом семейных фотографий и документов / сост. А. М. Перхуров. — Москва : Старая Басманная, 2017. — 171 с.
95. Иванова, О. В. Братства и сестричества на Урале в период антицерковных кампаний / О. В. Иванова // Православие на Урале: связь времен : материалы IV межрегион. науч.-практ. конф. — Екатеринбург : Урал. церк.-ист. об-во, 2015. — С. 85–93.
96. Иванова, О. В. Друг всех обездоленных [об А. Л. Золотуриной] / О. В. Иванова // Кифа. — 2014. — № 10 (180).

97. Иванова, О. В. Новые аспекты церковного служения женщин-христианок на Урале в 1923–1938 гг. / О. В. Иванова // Православие на Урале: связь времен: материалы V межрегион. науч.-практ. конф. — Екатеринбург : Урал. церк.-ист. об-во, 2016. — С. 50–55.
98. Игнатов, В. Д. Доносчики в истории России и СССР / В. Д. Игнатов. — Москва : Вече, 2014. — 416 с.
99. Ильченко, В. Н. Печерин, А. В. Духовное образование в советской России: историко-правовой аспект // Педагогическое образование в России. Екатеринбург, 2015. — № 11. — С. 259–263.
100. Исторические страницы Русской Православной церкви в Верхотурье. Малоактайский скит / подг. публ. Е. В. Вертилецкая, Е. Ю. Ребрина // Архивы Урала. — 2006. — № 9/10. — С. 49–85.
101. Кандидов, Б. Голод 1921 г. и церковь / Б. Кандидов. — Москва : Московский рабочий, 1932. — 94 с.
102. Кандидов, Б. Религиозная контрреволюция 1918–20 гг. и интервенция / Б. Кандидов. — Москва : Безбожник, 1930. — 148 с.
103. Кандидов, Б. Церковь и гражданская война на юге / Б. Кандидов. — Москва : Безбожник, 1931. — 107 с.
104. Кандидов, Б. Церковь и Октябрьская революция / Б. Кандидов. — Изд. 2-е. — Москва : Безбожник, 1930. — 32 с.
105. Кандидов, Б. Церковь и шпионаж / Б. Кандидов. — Москва : Гос. анти-религиозное изд-во, 1938. — 120 с.
106. Карнишина Н. Г. Церковные реформы в России второй половины XIX в. / Н. Г. Карнишина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2015. — № 3. — С. 34–40.
107. Кириллов, В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала, 1920 — начало 1950-х гг. : в 2 ч. / В. М. Кириллов. — Нижний Тагил, 1996.
108. Киценко, Н. Б. Вероисповедание в советское время / Н. Б. Киценко // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2012. — № 3/4 (30). — С. 10–33.

109. Классовая борьба и преступность / под. ред. Е. Г. Ширвиндта. — Москва : Изд-во НКВД СССР, 1930. — 184 с.
110. Книга Памяти: посвящается тагильчанам — жертвам репрессий 1917–1980-х годов / Нижнетагил. о-во «Мемориал» ; сост. и вступ. ст. В. М. Кириллов. — Екатеринбург: Наука, 1994. — 335 с.
111. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. — Изд. 2-е, доп. — Москва : Наука, 2003. — 486 с.
112. Кодин, Е. В. Гарвардский проект / Е. В. Кодин. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. — 208 с.
113. Константинов, Д. (прот.). Зарницы духовного возрождения / протоиерей Д. Константинов. — Изд. 2-е. — Лондон, [Канада] : Заря, 1974. — 163 с.
114. Константинов, Д. (прот.). Религиозное движение сопротивления в СССР / протоиерей Д. Константинов. — Лондон, [Канада] : Союз борьбы за освобождение народов России, 1967. — 71 с.
115. Кормина, Ж. В. Православные версии советского прошлого: политики памяти в ритуалах коммеморации / Ж. В. Кормина, С. А. Штырков // Антропология социальных перемен / отв. ред.: Э. М. Гучинова, Г. А. Комарова. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2011. С. 389–413.
116. Красиков, П. А. На церковном фронте (1918–1923) / П. А. Красиков. — Москва : Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. — 311 с.
117. Красильников, С. А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – кон. 1930-х гг.) / С. А. Красильников. — Новосибирск : НГУ, 1998. — 91 с.
118. Краснов-Левитин, А. Э. Лихие годы (1925–1941). Воспоминания / А. Э. Краснов-Левитин. — Париж : YMCA-Press, 1977. — 460 с.
119. Крест архипастыря: материалы к биографии священномученика Аркадия (Ершова), епископа Екатеринбургского / авт.-сост. А. В. Печерин. — Екатеринбург : Екатеринбургская духовная семинария, 2015. — 252 с.

120. Кривова Н. А. Власть и церковь в 1922–1925 гг.: Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства / Н. А. Кривова. — Москва : АИРО-XX, 1997. — 247 с.

121. Кручинин, А. М. Белый Екатеринбург (1918–1919): армия и власть / А. М. Кручинин. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2018. — 384 с.

122. Кручинин, А. М. Невьянский набат: Народное восстание на Среднем Урале в июне 1918 г. / А. М. Кручинин. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2010. — 180 с. — (Серия «Очерки истории Урала» ; вып. 60).

123. Кузнецов, В. А. Русское православное зарубежное монашество в XX веке: биографический справочник / В. А. Кузнецов. — Екатеринбург : Барракуда, 2014 — 442 с.

124. Курляндский, И. А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). — Москва : Кучково поле, 2011. — 720 с.

125. Курочкин, П. К. Идеология современного православия / П. К. Курочкин. — Москва : [Б. и.], 1965. — 31 с.

126. Лавринов В. (прот.). Временный высший церковный совет и его роль в истории Русской Православной Церкви (1925–1945) / протоиерей Валерий Лавринов. — Екатеринбург : Об-во любителей церковной истории, 2018. — 608 с.

127. Лавринов, В. (прот.). Обновленческий раскол в портретах его деятелей / протоиерей В. Лавринов. — Москва : Об-во любителей церковной истории, 2016. — 736 с.

128. Лавринов, В. (прот.). Очерки истории обновленческого раскола на Урале (1922–1945) / протоиерей В. Лавринов. — Москва : Изд-во Крутицкого подворья ; Об-во любителей церковной истории, 2008. — 312 с.

129. Лавринов, В. (прот.). Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы / протоиерей Валерий Лавринов. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. — 334 с.

130. Краснов-Левитин, А. Очерки по истории русской церковной смуты / Анатолий Левитин, Вадим Шавров : в 3 т. — Kusnacht : Inst. Glaube in der 2. Welt, 1978. — 296, 338, 419 с.
131. Луков, Е. В. Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920) / Е. В. Луков, Д. Н. Шевелев ; под ред. С. Ф. Фоминых. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. — 182 с.
132. Луначарский, А. В. Почему нельзя верить в бога? / А. В. Луначарский. — Москва : Наука, 1965. — 444 с.
133. Мавлютова, З. Ш. Лишение избирательных прав православного духовенства (на материалах Тюменского и Тобольского округов Уральской области 1920-х годов) / З. Ш. Мавлютова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. История. Вып. 33. — 2009. — № 23 (161). — С. 52–57.
134. Мазур, Л. Н. Математические методы в исторических исследованиях: программа и методические рекомендации / Л. Н. Мазур. — Екатеринбург : Изд-во УрГПУ, 1998. — 46 с.
135. Мазур, Л. Н. Методы исторического исследования / Л. Н. Мазур. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. — 608 с.
136. Мангилёва, А. В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX – начале XX вв. : монография / А. В. Мангилёва. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. — 480 с.
137. Марченко, А. Н. Государственно-церковные отношения в СССР в трудах светских и церковных исследователей XX начала XXI века / А. Н. Марченко // Вестник ЧелГУ. — 2008. — № 15. — С. 164–170.
138. Мейендорф, И. (прот.). Святейший патриарх Тихон — служитель единства Церкви / протоиерей Иоанн Мейендорф // Вестн. Русского христианского движения. — 1990. — № 1 (158). — С. 37–51.
139. Митрофанов, Г. (прот.). История Русской Православной Церкви: 1900–1927 / протоиерей Георгий Митрофанов. — Санкт-Петербург : Сатис, 2002. — 442 с.

140. Мосин, А. Г. «Наша задача объединиться вокруг Церкви Христовой...»: отец Александр Корняков и его паства в борьбе за свой храм (1936–1937 гг.) / А. Г. Мосин // Церковь. Богословие. История : материалы III Междунар. науч.-богослов. конф. (Екатеринбург, 6–7 февр. 2015 г.) — Екатеринбург : Екатеринбургская духовная семинария, 2017. — С. 447–453.

141. Мосин, А. Г. Репрессии против духовенства и верующих в годы Большого террора: как это было / А. Г. Мосин // Археографические и источниковедческие аспекты в изучении истории России (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 34). — Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2016. — С. 261–269.

142. Мученики и исповедники Оренбургской епархии XX века. Кн. III / сост. прот. Николай Стремский. — Оренбург, 2000. — 576 с.

143. Нечаев, М. Г. Исполнение приказа № 00447 в среде православных Пермской епархии / М. Г. Нечаев, С. В. Уткин // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. — Москва : Рос. полит. энциклопедия ; Германский ист. ин-т в Москве, 2009. — С. 244–275.

144. Нечаев, М. Г. Красный террор и церковь на Урале / М. Г. Нечаев. — Пермь : Изд-во Перм. гос. пед. ин-та, 1992. — 16, [1] с.

145. Нечаев, М. Г. Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917–1922 : монография / М. Г. Нечаев. — Пермь : Урал. гос. ун-т ; Перм. гос. пед. ун-т, 2004. — 334 с.

146. Никольский, М. Н. История русской церкви / М. Н. Никольский. — Москва : Атеист, 1930. — 248 с.

147. Новикова, Т. М. Православная Церковь и правительство А. В. Колчака / Т. М. Новикова // Вестник ИрГТУ, 2010 — № 4. (44). — С. 268–272.

148. Одинцов, М. И. «Дело» Патриарха Тихона / М. И. Одинцов // Отечественные архивы. — 1993. — № 6. — С. 46–71.

149. Одинцов, М. И. Русская Православная Церковь накануне и в эпоху сталинского социализма: 1917–1953 / М. И. Одинцов. — Москва : РОССПЭН, 2014. — 421 с.

150. Олихов, Д. В. Временное высшее церковное управление Сибири (1918–1920 гг.). Опыт церковного строительства в эпоху гражданского лихолетья / Д. В. Олихов. — Москва : Сатисъ, 2017. — 218 с.

151. Олихов, Д. В. Организация проповеднических отрядов в Сибирской армии адмирала А. В. Колчака Временным Высшим Церковным управлением Сибири / Д. В. Олихов // Армия и общество. — 2014. — № 1 (38). — С. 81–83.

152. Персиц, М. М. Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР (1917–1919 гг.) / М. М. Персиц. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. — 198 с.

153. Печерин, А. В. «Церковные агенты» ОГПУ–НКВД на Урале в 1920–1930 гг.: штрихи к социальному портрету/ А. В. Печерин // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. — 2018. — Вып. 3. — С. 96–109.

154. Печерин, А. В. Анкеты священников как исторические источники / А. В. Печерин // Православие на Урале: связь времен : материалы VI межрегион. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 3 февр. 2017 г.). — Екатеринбург : Урал. церк.-ист. об-во ; Екатеринбургская духовная семинария, 2017. — С. 166–174.

155. Печерин, А. В. Государственная политика по отношению к церкви по материалам Государственного архива Политической документации Курганской области / А. В. Печерин // Научное и социальное использование документов органов государственной безопасности в исторической ретроспективе: проблемы и перспективы : материалы II межрегион. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 7 апр. 2011 г.). — Екатеринбург : АМБ, 2011. — С. 75–79.

156. Печерин, А. В. Зауральские новомученики: жизнь и страдания / А. В. Печерин. — Далматово : Белое городище, 2018. — 312 с. — (Церковная история Зауралья, кн. II).

157. Печерин, А. В. К вопросу о сотрудничестве духовенства с органами НКВД (на примере Урала) / А. В. Печерин // Православие на Урале: связь времен : материалы VII межрегион. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 10 февраля 2018 г.). — Екатеринбург : Урал. церк.-ист. об-во ; Екатеринбургская духовная семинария, 2018. — С. 178–184.

158. Печерин, А. В. Личная карточка заключенного как исторический источник / А. В. Печерин // Церковь. Богословие. История : материалы Всерос. науч.-богослов. конф. (Екатеринбург, 12 февр. 2014 г.). — Екатеринбург, 2014. — С. 199–206.

159. Печерин, А. В. Массовое бегство духовенства на Урале в 1919 г. и его последствия / А. В. Печерин, А. В. Мангилёва // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2018. — № 3. — С. 138–166.

160. Печерин, А. В. Некоторые аспекты истории антиобновленческого движения на Урале / А. В. Печерин, А. В. Разин // Церковь. Богословие. История : материалы III Междунар. науч.-богосл. конф. (Екатеринбург, 6–7 февр. 2015 г.). — Екатеринбург : Екатеринбургская духовная семинария, 2015. — С. 528–535.

161. Печерин, А. В. О создании Уральского церковно-исторического общества / А. В. Печерин // Материалы заседаний Уральского церковно-исторического общества, 2010–2011 гг. Вып. 1. — Екатеринбург : Урал. церк.-ист. об-во, 2012. — С. 3–7.

162. Печерин, А. В. Особенности проведения Большого террора против служителей Церкви на Урале / А. В. Печерин // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. — 2018. — Вып. 3. — С. 96–109.

163. Печерин, А. В. Очищение огнем: Репрессии против православного духовенства Екатеринбургской епархии летом 1918 года / А. В. Печерин. — Екатеринбург : Урал. церк.-ист. об-во, 2016. — 172 с.

164. Печерин, А. В. Поместный Собор Российской Православной Церкви и первый Чрезвычайный всероссийский съезд духовенства и мирян в воспоминаниях екатеринбургского протоиерея Алексея Игнатьева / А. В. Печерин, Ю. М. Сухарев // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2018. — № 2 (22). — С. 148–180.

165. Печерин, А. В. Репрессии против духовенства Екатеринбургской епархии / А. В. Печерин, А. В. Колесов // ГУЛАГ. Начало : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Пермь, 10–11 нояб. 2017 г.). — Пермь : Перм. нац. исследовательский политехн. ун-т, 2017. — С. 169–176.

166. Печерин, А. В. Репрессии против православного духовенства на территории Челябинской области (1918–1939 гг.) / А. В. Печерин // Вестник ЮУрГУ: Серия: Социально-гуманитарные науки. — 2018. — № 2. — С. 100–105.

167. Печерин, А. В. Социокультурный портрет женщины-псаломщика в 1919–1941 гг. (по материалам архивов Урала) / А. В. Печерин // Вестник ПСТГУ. Серия: История. История Русской Православной Церкви. — 2018. — № 85. — С. 100–111.

168. Печерин, А. В. Эволюция политических взглядов духовенства Русской Православной Церкви на события 1917 г. (на примере Уральского региона) / А. В. Печерин // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2018. — № 1 (21). — С. 204–214.

169. Платонов, Р. Церковь приспособляется / Р. Платонов. — Минск : Беларусь, 1964. — 102 с.

170. Подвижники благочестия Курганской митрополии. Кн. 1 / сост. А. В. Печерин. — Далматово : Белое городище, 2016. — 176 с.

171. Пospelовский, Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке / Д. В. Пospelовский. — Москва : Республика, 1995. — 511 с.

172. Простите, звезды Господни: исповедники и соглядатаи в документах, или зачем русскому Церковь? / сост. В. А. Королёв. — Фрязино : Православный паломник, 1999. — 320 с.

173. Протоиерей Михаил Стефанович Елабужский. Жизнь в дневниках / сост. иерей А. Бердников. — Можга : [Б. и], 2015. — 337 с.

174. Прудникова, Е. А. Хрущев. Творцы террора / Е. А. Прудникова. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2007. — 640 с.

175. Регельсон, Л. Трагедия Русской Церкви: 1917–1945 / Лев Регельсон. — Paris : YMCA-Press, 1977. — 625 с.

176. Русина, Ю. А. «Нет права голоса — нет доверия»: почему лишены ходатайствовали о восстановлении в избирательных правах / Ю. А. Русина // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 7. Ч. 1. Социально-политическая история. — Екатеринбург, 2009. — С. 192–200.

177. Русина, Ю. А. Документы по истории церкви на Урале в 1920 – начале 1930-х годов в фондах Государственного архива Свердловской области / Ю. А. Русина // Архивное дело на Урале: История, современность, перспективы : тез. докл. и сообщ. — Екатеринбург, 1996. — С. 28–30.

178. Русина, Ю. А. История церкви на Урале в 1920-30-е годы (опыт формирования проблемно-ориентированной базы данных) / Ю. А. Русина // Круг идей: развитие исторической информатики. — Москва, 1995. — С. 65–71.

179. Русина, Ю. А. Политика репрессий в отношении церкви и деформация облика священнослужителя (по материалам Урала) / Ю. А. Русина // Духовная культура: проблемы и тенденции развития: Всерос. науч. конф. — Сыктывкар, 1994. — С. 62–64.

180. Русина, Ю. А. Священнослужитель 1920-х годов: Кто он? / Ю. А. Русина // Интеллигенция и власть в России на пороге XXI века : тез. докл. и сообщ. : в 3 ч. — Екатеринбург, 1996. — Ч. 2. — С. 232–234.

181. Русина, Ю. А. Социальный портрет священнослужителя 1920-30-х гг. на Урале (по материалам базы данных) / Ю. А. Русина // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». — 1995. — № 14. — С. 56–57.

182. Русина, Ю. А. Судьба служителей церкви 1920–30-х годов / Ю. А. Русина // История репрессий на Урале в годы советской власти : тез. науч. конф. — Екатеринбург, 1994. — С. 121–122.

183. Русина, Ю. А. Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920-30-е годы (по материалам личных дел) / Ю. А. Русина // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы). — Нижний Тагил, 1997. — С. 119–129.

184. Русина, Ю. А. Церковь и верующие в условиях тоталитаризма (по материалам Урала) / Ю. А. Русина // Тоталитаризм и личность: тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. — Пермь, 1994. — С. 74–75.

185. Русина, Ю. А. Церковь на Урале в 1920–30-е гг.: Проблема создания базы данных / Ю. А. Русина // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». — 1994. — № 10. — С. 36–37.

186. Собор святых, в земле Пермской просиявших / сост. монахиня Сергия (Королева). — Пермь: РО Пермская Епархия Русской православной церкви, 2015. — 363 с.

187. Сергеев, В. П. (прот.). Судьбы святынь и подвижников Уфимской епархии в период 1940–50-х годов / протоиерей В. П. Сергеев // XX ежегод. богосл. конф. ПСТГУ. — Москва : Правосл. Св.-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2010. — Т. 1. — С. 347–352.

188. Синельщиков, Ю. П. Место уголовного процесса в Большом терроре 1937–1938 / Ю. П. Синельщиков // Вестник МГПУ. Серия юридические науки. — 2012. — № 1. — С. 53–62.

189. Социальный портрет. — Москва : Правда, 1967. — 80 с. — (Б-ка «Комсомольской правды» ; № 10).

190. Социальный портрет лишенца (на материалах Урала): сб. документов / сост. Е. В. Байда, В. М. Кириллов, Л. Н. Мазур [и др.] ; отв. ред. Т. И. Славко. — Екатеринбург, УрГУ. — 1996. — 265 с.

191. Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Германский исторический институт в Москве, 2009. — 927 с.

192. Степанов (Русак), В. Свидетельство обвинения. Церковь и государство в Советском Союзе / Владимир Степанов (Русак). — Jordanville : Тип. преп. Иова Почаевского, Св.-Троицкий монастырь, 1993. — Ч. 1. — 352 с. ; Ч. 2. — 279 с. ; Ч. 3. — 275 с.

193. Русак, В. История Российской церкви. Со времени основания до наших дней / Владимир Русак. — Jordanville : Тип. преп. Иова Почаевского, Св.-Троицкий монастырь, 1993. — 580 с.

194. Русак, В. Пир сатаны: Русская Православная Церковь в «ленинский» период (1917–1924) / Владимир Русак. — Лондон [Канада] : Заря, 1991. — 213, [6] с.

195. Сушко, А. В. Использование колчаковским режимом религиозных чувств населения в годы гражданской войны // Омский научный вестник. Исторические науки. — 2012. — № 5 (112). — С. 7–10.

196. Такахаша, С. Два типа религиозности времен позднего социализма: православные верующие во Владимирской области / С. Такахаша // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2012. — № 3/4. — С. 327–347.

197. Тальберг, Н. История Русской Церкви / Н. Тальберг. — Jordanville : Тип. преп. Иова Почаевского, Св.-Троицкий монастырь, 1959. — 924 с.

198. Терехов, В. С. Политические репрессии инженерно-технической интеллигенции Урала в 1930-е гг. / В. С. Терехов // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика. 1917–1980-е гг. : сб. ст. науч. конф. «История репрессий на Урале», 10–12 нояб. 1997 г. / [отв. ред. В. М. Кириллов]. — Нижний Тагил, 1997. — С. 164–176.

199. Титлинов, Б. В. Новая Церковь / Б. В. Титлинов. — М., 1923.

200. Титлинов, Б. В. Смысл обновленческого движения и истории / Б. В. Титлинов. — Самара : [Б. и.], 1926. — 6 с.

201. Титлинов, Б. В. Церковное разделение и мир Церкви / Б. В. Титлинов. — Пермь : Пермское епархиальное упр., 1926. — 25 с.

202. Ушаков, В. М. Православие и XX век: Критика модернизма и фальсификации в идеологии современной Русской Православной Церкви / В. М. Ушаков. — Алма-Ата : Казахстан, 1968. — 296 с.

203. Федотов, Г. П. Судьба и грехи России / Г. П. Федотов. — Москва : Дар, 2005 — 496 с.

204. Фиалковский, П. Из прошлого монастыря: Очерки по истории быв. Савво-Сторожевского монастыря / П. Фиалковский ; предисл. М. Крупнова ; Звенигород. район. совет Союза воинствующих безбожников. — Изд. 2-е. — Звенигород : Звенигород. об-ва потребителей, 1930. — 47 с.

205. Фирсов, С. Л. Власть и огонь. Церковь и советское государство: 1918 – начало 1940-х гг.: очерки истории / С. Л. Фирсов. — Москва : Изд-во ПСТГУ, 2014. — 474 с.

206. Харбинский синодик. Духовенство и церковные деятели / сост. А. Г. Щегольков, А. В. Косарев. — Челябинск, 2009 — 356 с.
207. Храмы Пермского края : [фотоальбом] / [науч. ред. М. Г. Нечаев ; фото А. А. Долматов]. — Пермь : Политком, 2010. — 383 с.
208. Цыпин, В. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды / протоиерей В. Цыпин. — Москва : Сретенский монастырь, 2012. — 816 с.
209. Челябинский Синодик. 1917–2012. Духовенство и церковные деятели. Издание восьмое, дополненное / Сост. Щегольков А. Г., Косарев А. В. — Челябинск: Б.и, 2013. — 500 с.
210. Чемезова, В. А. Осведомитель «Христианин» / В. А. Чемезова // Православие на Урале: связь времен : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. — Екатеринбург : Урал. церк.-ист. об-во, 2017. — С. 137–146.
211. Шангин, М. С. Террор против совести: об уничтожении духовенства и трудового крестьянства в г. Омске и области / М. С. Шангин. — Омск : Омское книжное изд-во, 1994. — 317, [2] с.
212. Шестернина, Н. Г. Каменск. 1917–1950 гг. Книга Памяти : в 2 т. / Н. Г. Шестернина. — Каменск-Уральский, 2006.
213. Шубкин, В. М. Воинствующий атеизм как политика государства в предвоенные годы на территории Оренбургской (Чкаловской) области / В. М. Шубкин // Вестн. ПСТГУ. История. История Русской Православной Церкви. — 2014. — Вып. 3 (58). — С. 62.
214. Эйнгорн, И. Д. Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917–1937) / И. Д. Эйнгорн. — Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1982. — 225 с.
215. Юмашева, Ю. Ю. Историография просопографии / Ю. Ю. Юмашева // Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки. История. — 2005. № 39. — С. 95–127.
216. Ярославский, Е. М. 10 лет на антирелигиозном фронте / Е. М. Ярославский // Антирелигиозник. — 1927. — № 10. — С. 17–21.

217. Behr-Sigel, É. *Le ministère de la femme dans l'Église / Élisabeth Behr-Sigel.* — Paris : Cerf, 1987. — 239 c.
218. Huhn, U. *Stimmen aus Jerusalem. Die Macht der Gerüchte und die religiöse Renaissance in der Sowjetunion, 1941–1948 / U. Huhn // Journal of Modern European History.* — 2012. — Vol. 10. — № 3. — P. 341–361.
219. Kizenko, N. B. *The Feminization of Patriarchy? Women in Contemporary Russian Orthodoxy // Signs.* — 2013. — Vol. 38 (3). — P. 595–621.
220. Luehrmann, S. *Antagonistic Insights: Evolving Soviet Atheist Critiques of Religion and Why They Matter for Anthropology / S. Luehrmann // Social Analysis.* — 2015. — № 59 (2). — P. 98–113.
221. Pospelovsky, D. V. *A History of Soviet Atheism in Theory and Practice, and the Believer: In 3 vols.* — London : Macmillan ; New York : St. Martin's, 1987–1988.
222. Smolkin, V. *A Sacred Space Is Never Empty: A History of Soviet Atheism / V. Smolkin.* — Princeton: Princeton University Press, 2018. — 341 p.